

УДК 801.3(07)
ББК 81-3я73
К646

Рецензент

Е. Ю. Ваганова — канд. филол. наук,
доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВПО
«Калининградский государственный технический университет»

Коннова М. Н.

К 646 Введение в когнитивную лингвистику : учебное пособие. Изд. 2-е, перераб. — Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. — 313 с.
ISBN 978-5-9971-1092-3

Представлены основные теоретические и методологические положения современной когнитивной лингвистики (картина мира, концептуализация и категоризация явлений действительности, теории концептуальной метафоры, концептуальной интеграции, концептуальной метонимии).

Включает материалы и задания, выполнение которых позволит студентам применить полученные теоретические знания на практике, что будет способствовать повышению их межкультурной компетенции.

Предназначается для студентов, магистрантов и аспирантов факультета лингвистики и межкультурной коммуникации, а также для всех, кто интересуется вопросами языкознания.

УДК 801.3(07)
ББК 81-3я73

ISBN 978-5-9971-1092-3

© Коннова М. Н., 2012
© БФУ им. И. Канта, 2012

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА

М. Н. Коннова

ВВЕДЕНИЕ
В КОГНИТИВНУЮ ЛИНГВИСТИКУ

Издание 2-е, переработанное

*Рекомендовано Редакционно-издательским советом
Балтийского федерального университета им. И. Канта
в качестве учебного пособия*

Издательство
Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
2012

УДК 801.3(07)
ББК 81-3я73
К646

Рецензент

Е. Ю. Ваганова — канд. филол. наук,
доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВПО
«Калининградский государственный технический университет»

Коннова М. Н.

К 646 Введение в когнитивную лингвистику : учебное пособие. Изд. 2-е, перераб. — Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. — 313 с.
ISBN 978-5-9971-1092-3

Представлены основные теоретические и методологические положения современной когнитивной лингвистики (картина мира, концептуализация и категоризация явлений действительности, теории концептуальной метафоры, концептуальной интеграции, концептуальной метонимии).

Включает материалы и задания, выполнение которых позволит студентам применить полученные теоретические знания на практике, что будет способствовать повышению их межкультурной компетенции.

Предназначается для студентов, магистрантов и аспирантов факультета лингвистики и межкультурной коммуникации, а также для всех, кто интересуется вопросами языкознания.

УДК 801.3(07)
ББК 81-3я73

ISBN 978-5-9971-1092-3

© Коннова М. Н., 2012
© БФУ им. И. Канта, 2012

ВВЕДЕНИЕ

Цель настоящего учебного пособия — познакомить студентов, магистрантов и аспирантов с одним из активно развивающихся направлений современного языкознания — когнитивной лингвистикой, с её теоретическими положениями и исследовательскими методами.

Актуальность пособия обусловлена тем, что когнитивные исследования языка, к проведению которых оно готовит, способствуют углублению представлений о мире, скрывающихся за языковыми категориями, за особенностями формы, употребления и сочетаемости языковых единиц. Направленная на описание картины мира, когнитивная лингвистика помогает уяснить сущность жизненных ориентиров, культурных установок, этических ценностей, систематизированных и интегрированных в единое целое и отраженных в языке.

Весь учебно-методический материал представлен таким образом, чтобы в соответствии с указанной целью обеспечить решение следующих задач:

- осуществить краткий экскурс в историю когнитивной лингвистики, указать её место в кругу других когнитивных дисциплин;
- дать определение основных положений и понятий когнитивной лингвистики;
- познакомить с терминологическим аппаратом и методологическими установками когнитивных исследований;
- привить навыки и умения самостоятельного исследования языковых текстов с позиций когнитивной лингвистики;
- побудить студентов и магистрантов к творческому поиску собственных путей в процессе интерпретации языковых явлений.

Пособие состоит из трех частей. В первой — «Теоретические положения когнитивной лингвистики» — изложены ба-

зовые теоретические и методологические установки современной когнитивной лингвистики. Во второй — «Когнитивные основания семантики и межкультурная коммуникация» — представлены основные положения лингвистической семасиологии, знание которых поможет начинающим исследователям глубже проникнуть в когнитивную сущность описываемых ими языковых явлений. В третьей — «Когнитивная лингвистика и межкультурная коммуникация. Материалы и задания» — предложен языковой материал (словарные дефиниции, пословицы, фрагменты текстов разных дискурсов и временных периодов), анализируя который, студенты и магистранты смогут применить полученные теоретические знания на практике в процессе воссоздания ряда концептов русской, англо-американской, немецкой и французской картин мира с позиций когнитивной лингвистики.

Полученные знания и навыки будут способствовать повышению межкультурной компетенции студентов, магистрантов и аспирантов.

Пособие подготовлено на основе программы курсов «Актуальные проблемы современной когнитивной лингвистики», «Современные проблемы лингвистики» и предназначено для студентов, магистрантов и аспирантов факультета лингвистики и межкультурной коммуникации, а также для всех тех, кто интересуется вопросами языкознания.

Часть I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Тема I.1. Когнитивная лингвистика как наука

I.1.1. Формирование когнитивной лингвистики

Когнитивная наука — это направление научных исследований, изучающее человеческий разум и мышление, а также связанные с ними мыслительные (психические, ментальные) процессы и состояния.

Объектом когнитивной науки является когниция (англ., фр. *cognition*, нем. *die Kognition*), т. е. познавательная деятельность человека и связанные с познанием структуры и явления; как следствие, когнитивная наука стремится исследовать феномен знания во всех аспектах его получения, хранения, переработки, использования. Когнитивистика, включая изучение языка, направлена на сам процесс мысли, на когницию, поэтому у когнитивных исследований существуют как философские, так и чисто инженерные научные аспекты.

Основными проблемами когнитивной науки становятся вопросы о том, какими типами знания и в какой форме обладает человек, как представлено оно в человеческом сознании, каким образом приходит человек к знанию, как его использует.

Для когнитивистского направления характерно:

1) обращение к исключительно сложным и важным явлениям — ментальным процессам, свойственным человеку как «существу разумному»;

2) междисциплинарность исследований: вырабатывая постепенно всё «усложняющуюся программу своих научных интересов, когнитивная наука объединила под своей эгидой все те дисциплины, которые так или иначе были связаны с изучением человеческого мозга и его работой. Она привлекала для решения новых проблем все большее количество специалистов разного профиля»; когнитивная наука осуществила попытку объединить как традиционные фундаментальные науки, так и подключить к себе новые и даже одновременно с нею развивающиеся науки и теории (Краткий словарь когнитивных терминов, 1996, с. 3, 7, 58).

Когнитивная лингвистика возникла на базе когнитивной науки первоначально как сугубо прикладная дисциплина, связанная с компьютерным моделированием процессов человеческого мышления. Лингвистика изучает самые разные способы взаимодействия когнитивных и языковых структур; моделирует структуры знания, лежащие в основе значений конкретных языковых единиц, категорий их реализаций; определяет роль этих знаний в системе представлений о человеке.

Среди наук, повлиявших на становление когнитивной лингвистики, наиболее значимый вклад внесли следующие дисциплины:

1. *Психология*¹. Когнитивная лингвистика переняла у когнитивной психологии понятие о концептуальных и когнитивных моделях. Функционирование языка опирается на психологические механизмы, поскольку язык является важнейшим звеном в накоплении и сохранении категоризованного опыта взаимодействия человека с миром, или знания. Основу опыта составляют восприятие и память, поэтому изучение познания и языка невозможно без учета особенностей перцептивных

¹ Лингвистика сталкивалась с психологией и обогащалась ее открытиями несколько раз: в 80-х годах XIX века (младограмматизм), в середине XX века (психолингвистика), в 80-х годах XX века (когнитивная лингвистика) (Маслова, 2004, с. 20).

процессов (т. е. процессов восприятия), которые исследуются в рамках психологии.

2. *Лингвистическая типология и этнолингвистика.* Данные этих наук позволили выявить то универсальное в структуре языка, что позволяет говорить об общности когнитивных процессов человека.

3. *Нейролингвистика.* Она стала источником информации о языке как основе познания ментальной деятельности человеческого мозга в целом.

4. *Культурология.* Эта наука позволила установить роль культуры в возникновении и функционировании концептов.

5. *Лингвистическая семантика.* Она подготовила основу для развития когнитивной лингвистики в России как «сверхглубинной семантики». В своих работах Е. С. Кубрякова, Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия постоянно подчеркивали значение «человеческого фактора» в языке, указывали на тесную связь лингвистики с философией и психологией.

6. *Сравнительно-историческое языкознание.* Многочисленные исследования механизмов развития и изменения значения слов позволили выявить закономерности когнитивных процессов, тогда как когнитивный подход к историческому исследованию языкового материала дал возможность рассмотреть динамику лексических совокупностей в единстве их внутренних связей и отношений, установить закономерности их формирования и развития в соответствии с базовыми ментальными категориями (Маслова, 2004, с. 20—22; Голованова, 2007, с. 268—269).

В России утверждение когнитивного подхода при анализе лексического уровня языка было подготовлено предыдущим развитием отечественной лингвистики.

Известнейший языковед А. А. Потебня объяснял в своих работах семантические изменения не только особенностями языковой системы, но и факторами общественно-исторического развития народа — создателя и носителя языка. Он ставил перед лингвистикой задачу открытия исторических законо-

мерностей изменений общих разрядов мысли, основных семантических, лексико-грамматических и словообразовательных категорий языка.

Н. В. Крушевский был одним из первых русских ученых, кто обратил внимание на системный характер отношений лексических единиц. Он сформулировал основной принцип развития языка в виде закона «соответствия мира слов миру мыслей». Ученый указал на зависимость изменения значений слов от изменения наших представлений о реальной действительности.

Продолжил развивать эти идеи М. М. Покровский, который сформулировал положение о закономерностях семантических изменений слов. В своей работе «Соображения по поводу изменения значений слов» (1895) он писал: «Вариации значений слов, в действительности, подчинены общим законам. Нужно искать первоначальную причину изменения значений слов в соответствующем изменении условий жизни и в реальном окружении, в котором находятся данные предметы и люди... и можно открыть в изучаемых явлениях довольно тонкие оттенки». История значений слова, как указывал М. М. Покровский, «будет для нас только тогда понятной, когда мы будем изучать это слово в связи с другими словами, синонимическими с ним, а главное, принадлежащими к одному и тому же кругу представлений».

Среди русских ученых начала XX века, формировавших фундамент когнитивного направления, необходимо назвать Г. Г. Шпета, со времен которого концептологический аспект стал важнейшим в философии языка и лингвокультурологии. В работах многих русских языковедов можно обнаружить истоки современного когнитивного, а точнее — категориального подхода к исследованию больших массивов лексики. Понимание системного характера лексики и закономерностей изменения ее семантики составило основу историко-лексикологических исследований, а затем органично трансформировалось в направление когнитивных исследований языка.

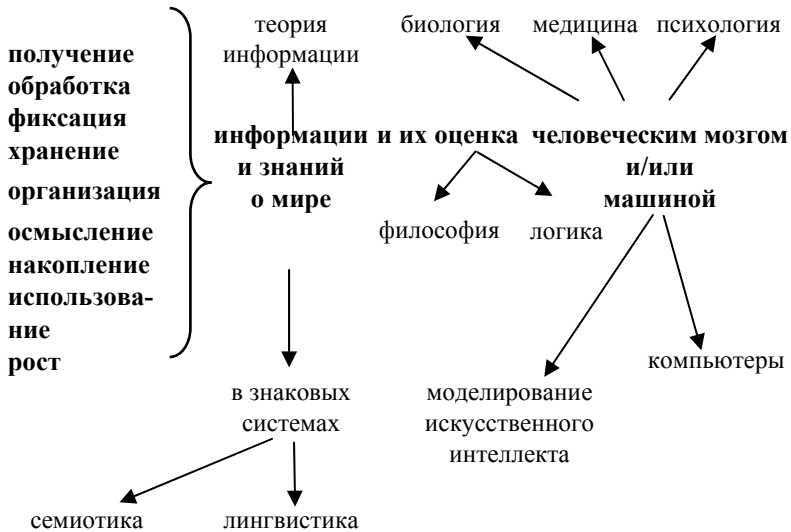
Но, как уже нередко происходило в отечественной науке, внешним толчком к развитию этого направления послужили труды зарубежных ученых-классиков когнитивной лингвистики и психологии. При этом российский вариант когнитивистики приобрел свои отличия (Виноградов, 2007, с. 5—6).

К концу XX века наука и техника стала главным фактором развития цивилизации, став одной из наиболее важных составляющих современной культуры. При этом следует заметить, что в основу современного научно-технического прогресса положен ложный по своей сути принцип: развитие науки не должно ограничиваться никакими моральными, философскими или религиозными требованиями. Если в государственной политике и в экономике *релятивизм* недопустим, то такой подход можно нередко встретить в научных работах по когнитивной лингвистике.

Теория ментальности дает возможность анализировать механизмы формирования общественного сознания, взаимодействия и взаимопроникновения различных культур. В связи с этим вопрос о том, как влияет та или иная теория, то или иное открытие на душу самого исследователя, на людей, для которых они предназначены, приобретает особую важность. Основой современных когнитивных исследований должны стать нравственные принципы, определяющие не только цель, но и содержание работ. Вспомним знаменитые слова В.И. Даля: «С языком шутить нельзя. Словесная речь человека видимая и осязаемая связь. Звено между душой и телом».

Вопросы для самоконтроля

1. Дайте определение когнитивной науке.
2. Назовите науки, повлиявшие на становление когнитивной лингвистики. В чем вклад каждой из них в когнитивную лингвистику?
3. Какие отечественные ученые заложили основы для последующего развития когнитивной лингвистики в России?
4. Какие принципы должны быть основополагающими при проведении когнитивных исследований?
5. Проанализируйте схему (см. с. 10) (Краткий словарь когнитивных терминов, 1997, с. 4).

6. В чем состоит междисциплинарный характер когнитивной науки?

7. Укажите место лингвистики в кругу когнитивных наук.

I.1.2. Современные тенденции развития когнитивной лингвистики

В настоящее время выделяют следующие этапы становления когнитивной лингвистики (Маслова, 2004):

1. В начале 70-х годов в США появляется новое направление исследований — когнитивная грамматика (Cognitive Grammar); в 1975 году этот термин впервые употребляется в статье Д. Лакоффа и Г. Томпсона «Представляем когнитивную грамматику».

2. В 80-е годы активно публикуются исследования отдельных ученых, научные работы не связаны между собой формально, но позволяют увидеть широту диапазона проблем ког-

нитивной лингвистики: «Метафоры, которыми мы живем» Дж. Лакоффа и М. Джонсона (1980), «Ментальные пространства» Ж. Фоконье (1985), «Основания когнитивной грамматики» Р. Лэнекера (1987).

3. В 1989 году в г. Дуйсбурге (Германия) европейские лингвисты проводят первый симпозиум, посвященный проблемам когнитивистики, на котором принимается решение о создании Международной ассоциации когнитивных лингвистов, а также о подготовке к изданию журнала ("Cognitive Linguistics") и серии монографий по данному направлению.

4. В середине 90-х годов в Европе выходят первые учебники по когнитивной лингвистике: «Введение в когнитивную лингвистику» Ф. Унгерера и Х.-Й. Шмидта (1996), «Когнитивные основания грамматики» Б. Хайне (1997).

5. Начиная с 80-х годов XX века стала активно развиваться отечественная когнитивная лингвистика. К наиболее заметным событиям можно отнести выход в 1988 году 23-го тома серии «Новое в зарубежной лингвистике», посвященного вопросам когнитивной лингвистики; публикацию в 1995 году сборника переводов «Язык и интеллект»; издание в 1996 году «Словаря когнитивных терминов» под общей редакцией Е. С. Кубряковой. В 1997 году появляется фундаментальный труд академика Ю. С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры», представляющий собой первую попытку систематизировать ценности русской культуры, заложенные в неизменных концептах (константах культуры) «вера», «правда», «время», «любовь», «родная земля», «дом» и др.; это исследование стимулировало такое направление когнитивистики, как концептуальный лингвокультурологический анализ.

Появление когнитивной науки в целом было охарактеризовано как «эволюционный переворот», переход от традиционной, формально-структурной тенденции описания языковых явлений к новым аспектам понимания языка и мышления. Однако, несмотря на кажущуюся радикальность перемен, объект исследования лингвистов остался прежним — языковые явле-

ния. Изменилось лишь видение предметной области лингвистики, которая привлекла внимание к новым вопросам речемыслительной деятельности и позволила пересмотреть ранее сложившиеся представления о языке, в связи с влиянием других областей знания на языкознание (Манерко, 2007, с. 31).

Современная когнитивная лингвистика изучает прежде всего природу, усвоение и использование языкового знания, поэтому исследуются преимущественно:

1) виды и типы знаний, представленных в языковых знаках, и механизмы извлечения из знаков знаний, т.е. правила интерпретации (когнитивная семантика и прагматика);

2) условия возникновения и развития знаков и законы, регулирующие их функционирование;

3) соотношения языковых знаков и культурных реалий, в них отраженных.

Определяя перспективы развития отечественной когнитивной лингвистики, отметим, что в настоящее время сформировалось два основных направления, которые занимаются разработкой двух типологий единиц, образующих концептуальную систему человека. К первому направлению относятся исследования, посвященные различным способам конфигурации концептуального содержания (своего рода «форматам знания»: схем образов, моделей, фреймов, категорий и т.д.).

Ко второму — работы, раскрывающие содержательную специфику и самые разные области применения единиц концептуальной системы. В них выделяются культурные, этнические, языковые концепты, которые отражают различные типы знаний об окружающей действительности, о человеке и его внутреннем мире. Они изучают также и собственно языковые знания.

Обе группы исследований отталкиваются от понятия «концепт». Под концептом понимается содержательная единица сознания, функцией которой является хранение и передача знаний об окружающем мире сквозь призму языка. Эти едини-

цы (концепты) составляют основу в формировании категорий, использующих сознание человека в мыслительных операциях (Болдырев, 2007).

К наиболее актуальным темам современных отечественных и зарубежных когнитивных исследований относятся «процессы производства и понимания естественного языка, типы понятийных структур и их языковое выражение, когнитивно-семантические категории, выражение пространственных и временных отношений в языке. Вследствие этого на первый план в отечественной когнитивной лингвистике выдвигаются следующие основные направления: функциональная прагмалингвистика, когнитивная ономазиология, когнитивно-коммуникативное терминоведение, когнитивная неология, когнитивная фразеология и лексикография, основанная на когнитивных принципах. Каждое из указанных направлений тесно связано с другими, смежными аспектами исследований» (Манерко, 2007, с. 32).

Наиболее известными представителями европейской и американской когнитивной лингвистики являются: Ч. Филлмор (фреймовая семантика), Р. Лэнекер, Л. Талми (когнитивная грамматика), Дж. Лакофф, М. Джонсон, М. Тернер (концептуальная метафора), Д. Герартс, А. Барселона, Р. Дирвен, Г. Радден (концептуальная метонимия).

В России идеи когнитивной лингвистики развиваются достаточно активно: помимо классических центров исследования — Москвы и Петербурга, сформировались различные центры и школы этого направления, среди которых Тамбов, Волгоград, Воронеж, Кемерово, Саратов, Екатеринбург, Калининград. Вопросами когнитивной лингвистики занимаются Е. С. Кубрякова, Ю. С. Степанов, В. З. Демьянков, Н. Н. Болдырев, В. И. Заботкина, Е. В. Петрухина, Л. А. Манерко, Е. И. Голованова, Е. В. Рахилина, Р. М. Фрумкина. Одна из школ когнитивных исследований сформировалась в Российском государственном университете им. И. Канта (г. Калининград) под руководством проф. В. И. Заботкиной. Круг научных интересов школы охва-

тывает проблемы когнитивной неологии, когнитивно-прагматические аспекты изучения различных дискурсов, теории концептуальной метафоры, метонимии, концептуальной интеграции и др.

Исследовательское поле современной когнитивной лингвистики широко. Вместе с тем, как во всякой относительно новой научной дисциплине, в ней окончательно не оформился терминологический аппарат и не определился спектр изучаемых единиц, по-разному формулируются предмет и задачи, возникают споры о методах и направлениях (Виноградов, 2007, с. 5—6; Плотникова, 2005, с. 6).

К основным задачам современной когнитивной лингвистики относятся:

1) изучение роли языка в процессах познания и осмысления мира;

2) исследование роли языковых знаний в процессах получения, переработки и передачи информации о мире;

3) осмысление процессов концептуализации категоризации знаний, описание средств и способов языковой категоризации и концептуализации констант культуры;

4) описание системы универсальных концептов, организующих концептосферу;

5) исследование языковой картины мира (Маслова, 2004, с. 24—25).

В отечественной науке наступает время для обобщений философско-лингвистического характера, подведения итогов исследований и определения направлений дальнейшего развития когнитивной лингвистики. В частности, рассматриваются проблемы, которые исследуются ведущими направлениями и школами лингвистического концептуального анализа: логическом анализе языка, культурологически-семиологическом и когнитивно-дискурсивном. Изучаются способы и методика концептуализации в различных сферах языка (Виноградов, 2007, с. 5—6; Кубрякова, 2007, с. 7—18).

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите этапы формирования когнитивной лингвистики.
2. Когда начался современный этап развития когнитивной лингвистики в отечественной науке?
3. Перечислите основные задачи когнитивной лингвистики.
4. Назовите отечественных ученых, чьи работы послужили стимулом для активного развития когнитивистики в России.
5. Укажите основные направления исследований. Назовите центры когнитивных исследований в России.

Тема I.2. Картина мира

I.2.1. Возникновение понятия «картина мира»

Понятие *«картина мира»* пришло в когнитивную лингвистику из философии и физики и стало основополагающим для исследования соотношений между человеком и миром, языком и мышлением. В современных гуманитарных науках картина (модель) мира понимается как систематизированное целостное учение о мире, отражающее интеллектуально-культурный уровень развития общества на определенной ступени (Бархатова, 2000, с. 3).

Мысль о языке как особом мировидении и зеркале мышления, которое, с одной стороны, отражает мировосприятие говорящих, а с другой стороны, определяет их мировоззрение, была сформулирована В. Гумбольдтом в XIX веке: «Мир, в котором мы живем, есть именно тот мир, в который нас помещает язык, на котором мы говорим». До сих пор не утратили своего значения ряд положений учения В. Гумбольдта о взаимодействии языка и нации:

1) язык, несмотря на постоянное воздействие, сохраняет свою индивидуальность, которая присуща и его характеру; язык реагирует на воздействие и допускает свободное использование только в рамках своего характера;

2) обратное действие языка тем определеннее, что через него всё созданное народами в прошлом воздействует на индивида; индивидуальность же человека аналогична индивидуальности языка благодаря тому, что источник воздействия на них один и тот же, но первая едва ли может противостоять последней;

3) отдельные особенности придают иногда языкам новый характер, но такая способность к изменению опять же принадлежит исконному характеру языка;

4) мы застаем каждый язык конкретной нации уже перешедшим в определенное состояние, с определенными словами, формами и словоизменением и поэтому уже оказавшим на эту нацию воздействие, которое объяснялось не простой реакцией на более раннее воздействие со стороны этого народа, но самим характером языка. В языке мы всегда находим сплав исконно языкового характера с тем, что воспринято языком от характера нации.

Учение В. Гумбольдта о картине мира, т.е. о взаимосвязи языковой структуры и конкретных языковых средств, с помощью которых носители данного языка отражают действительность, получило дальнейшее развитие в начале XX века в теории лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа.

Авторы теории лингвистической относительности обращали внимание на характер взаимного влияния языка и нации, их постоянное взаимодействие. Они говорили о влиянии интереса людей к тем или иным реалиям на состав лексического словаря, равно как и об определяющей роли языка в восприятии современных носителей языков: «Мы видим, слышим и вообще воспринимаем мир именно так, а не иначе главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества; «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком» (Головачева, 2006, с. 21; Липилина, 1998, с. 48).

Согласно теории лингвистической относительности восприятие действительности и структурация (т.е. систематизация, упорядочивание) опыта человека в значительной степени определяется лексическими и грамматическими системами языка (Баранов, Добровольский и др., 2001, с. 362). Сторонники этой теории считают, что особенности языков мира отражаются во взглядах и обычаях народов, предопределяя духовное и культурное своеобразие языковых коллективов. Само мышление и мировоззрение находятся «в плену» у картины мира, сотворенной языком, так как, по утверждению Б. Уорфа, система каждого языка является не просто средством воспроизведения мыслей, но источником формирования идей. Эта теория языковой относительности представляет собой законченную концепцию полной детерминированности (обусловленности) мировоззрения этноса тем языком, на котором он говорит.

В XX веке последовательницей идей Гумбольдта, Сепира и Уорфа стала А. Вежбицкая. Она внесла ряд корректив в теорию лингвистической относительности, представив свое видение проблемы взаимосвязи языка и национального характера. По ее мнению, каждый язык, образуя свою «семантическую вселенную», предлагает одновременно исследователю и данные о свойствах национального характера. Если Сепир и Уорф писали о несовместимости национального мировидения отдельных народов, то А. Вежбицкая пришла к мысли о возможности сопоставления национально-специфических концептов при переводе их на язык так называемых семантических примитивов. Она заявила, что имеется некий набор универсальных семантических единиц, которые невозможно разложить далее на более элементарные компоненты: «я», «вы», «иногда», «часть» и т. д.

В 30-годы XX века идеи В. Гумбольдта и его последователей развивает европейский ученый Й. Л. Вайсбергер. Согласно концепции Й. Л. Вайсбергера, восприятие мира происходит

опосредованно, через понятийную призму родного языка. Язык как «промежуточный мир» находится между познающим субъектом и реальностью и служит средством формирования сходного образа мышления у всех его носителей, вследствие чего создается основа для их общения. Представления о мире и сам образ мышления является результатом идущего в языке процесса мирозидания, или познания мира специфическими средствами данного языка в данном языковом сообществе. Й. Л. Вайсбергер сравнивал язык с домом: «Чужой язык — это чужой дом бытия, так что европеец живет в совершенно ином "доме", чем японец. Разговор между обитателями этих домов почти невозможен» (Липилина, 1998, с. 49).

В 60—80-е годы XX века зарубежные и отечественные ученые предложили ряд концепций, которые расширили теорию лингвистической относительности. Приведем наиболее известные из них:

1) гипотеза «функциональной дополнительности» Хаймса состоит в признании роли социальных факторов и их влияния на сам язык и его использование;

2) Куайн в своей гипотезе «онтологической относительности» видит причину несовпадения языковых картин мира в различной онтологии знаний о мире, хранимых этими языками;

3) согласно гипотезе лингвистической дополнительности Г. Брутяна и Г. Колшанского, языковая картина мира дополняет объективные знания о реальности.

Несмотря на бесспорность существования различий между картинами мира, заключенными в разных языках, специфичность языковой картины мира не следует возводить в абсолют, так как во всех языковых картинах мира отражается, при всем его многообразии, один и тот же окружающий мир (Липилина, 1998, с. 49).

Возрождение интереса к проблеме картины мира в отечественной лингвистике началось в конце 70-х годов, вслед за обращением к данному вопросу философов, в частности Г. А. Брутяна, который ввел понятие «языковая картина мира»,

или «языковая модель мира», и Г. В. Колшанского (Колшанский, 1990). За последние двадцать лет, в связи со становлением антропоцентричного направления в отечественном языкознании, появилось большое количество работ, посвященных различным аспектам картины мира и ее языковой интерпретации.

Вопросы для самоконтроля

1. Дайте определение понятия «картина мира».
2. Как развивались взгляды на природу картины мира?
3. В чем отличие идей А. Вежбицкой от идей Э. Сепира и Б. Уорфа?
4. Назовите концепции, возникшие как своеобразное расширение теории лингвистической относительности.
5. Когда началось возрождение интереса к картине мира в отечественной науке?

1.2.2. Картина мира: ее сущность и структура

Картина мира выполняет в жизни носителей языка две основные функции: объяснительную (интерпретативную) и регулятивную (Ольшанский, 2003, с. 34). Целостная картина мира складывается из концептуальной и языковой картин мира.

В сознании человека *концептуальная картина мира* состоит из «зафиксированных в виде понятий отраженных фрагментов окружающей человека реальности при участии всех форм сознания» и является глубинным слоем миропонимания, так как «возникает и формируется в актах мировоззрения и миродействия и помогает эффективно ориентироваться в окружающей действительности» (Липилина, 1998, с. 50—51).

Элементами концептуальной картины мира являются концепты, т.е. значимые для обыденного сознания и научного знания понятия, в которых обобщенно представлены качества, состояния, предметы реального мира. В формировании концептуальной картины мира, т.е. в процессе обработки жизненного опыта — концептуализации и категоризации явлений

действительности, — задействованы различные, вербальные и невербальные типы мышления (Хайрулина, 2001, с. 239; Кубрякова, 2003, с. 34).

Концептуальная картина мира является целостным образом действительности и служит основой для интеграции различных областей жизнедеятельности человека. Представляя собой идеальный образ внешнего мира, концептуальная картина мира включает объективные знания о явлениях окружающего мира и эмоциональное отношение к ним, которое лежит в основе ценностной (аксиологической) картины мира.

Аксиологическая модель формируется на личностном уровне и зависит от результатов мыслительной деятельности отдельного человека. Ценностную картину можно представить в виде наполненных определенным концептуальным содержанием «блоков» оценочных категорий. Естественная и ценностная картины мира взаимосвязаны. В совокупности они формируют целостную картину мира отдельного носителя языка как видоизмененную на основе индивидуального опыта стереотипную концептуальную модель мира языкового сообщества (Гаврилова, 2003, с. 50).

Картина мира является *иерархически упорядоченной многослойной структурой*, в которой можно выделить несколько взаимосвязанных уровней. Ядро мировидения человеческой цивилизации составляет *универсальная картина мира*, единство структуры которой свидетельствует о единстве мира и сходстве его восприятия людьми.

Следует отметить, что в динамике цивилизаций системообразующий характер несут духовные факторы, именно они формируют мировоззрение наций и народов: религия концептуально оформляет опыт массового сознания, предопределяет повседневную деятельность, образ жизни, морально-этические ценности, общее направление развития культуры (Бархатова, 2000, с. 3).

Следующий уровень концептуальной картины мира — модель мира определенного народа в конкретную историческую

эпоху и непосредственно связанная с нею *региональная картина мира*, характерная для народов, объединенных единой верой, историческими и культурными традициями, нередко также смежной территорией проживания. *Национальная картина мира* определяет языковую картину мира определенного народа. Со временем языковая национальная картина мира становится источником знаний о национальном мировидении. Она представляет собой общекультурное явление, в ней сосредоточен многовековой опыт познания действительности народом, передаваемый им из поколения в поколение.

Язык представляет собой источник неопределимых сведений, на основе которых может быть определена структура самосознания его носителей и семантика отдельных его структурных составляющих. Различные языки не просто по-разному обозначают один и тот же предмет, а отражают разные видения этого предмета, т.е. национальное видение мира. Соответственно каждый народ обладает своей национальной картиной мира, которая формирует тип отношения человека к миру, природе, другим людям, самому себе как члену этого общества, определяет нормы поведения, в том числе речевого поведения человека в обществе.

Данные языка становятся главными при выявлении фундаментальных моделей мышления у различных групп людей. Изучение семантики и внутренней формы языковых единиц того или иного народа дает возможности лингвисту выявлять особенности его миропонимания. Это позволяет реконструировать культурные архетипы, под которыми понимаются «архаические культурные первообразы, представления-символы о человеке, его месте в мире и обществе, сохранившие свое значение в нормативно-ценностном пространстве современной культуры». Исследование лексической выраженности тех или иных фрагментов концептуальной картины мира позволяет выявить те когнитивные и аксиологические компоненты, которые составляют «своеобразие мировидения и национально-культурную специфику языка», свидетельствуют о его связи с материальной и духовной жизнью народа (Вендина, 1998, с. 22).

Выявление национально-культурной специфики языковой картины мира предполагает интерпретацию значения языковых единиц «в категориях культуры, т.е. в терминах культурных стереотипов, ценностных установок, мировидения народа» (Гукасова, 2003, с. 247).

Традиции христианской культуры, укорененные в истории европейских народов, стали тем нравственным идеалом, который в течение многих столетий был главным критерием морально-этических поведенческих норм носителей английского, немецкого, французского, русского и других европейских языков. Так, по мнению историка Р. Энзора, культура и история Великобритании становятся понятны только с позиций христианской веры (Ensor, 1936, p. 137)¹.

В Западную Европу христианство пришло в первые столетия от Рождества Христова. К примеру, в Древней Англии на V—VI века приходится расцвет кельтского христианства, которое ориентировалось на современные ему средиземноморские традиции и на Египет. К VII веку Древняя Англия стала признанным центром средневековой учености. В ее школах встретились культурные традиции античного Средиземноморья, римского и кельтского христианства.

«Непременным условием процветания любого народа является его идентификация, т.е. самоопределение, самопознание и самоутверждение в своих внутренних жизнеспособных свойствах, единых и непреходящих для всех и каждого. Для нас, русских, эту общенациональную основу составляют православная вера и культура. На этом зиждется вся наша отечественная социально-политическая история» (Дмитровский, 2007, с. 37).

¹ О христианских традициях Англии сохранилось много свидетельств иностранцев. В частности, русский философ А. С. Хомяков писал: «Саксонцы и кельты приняли веру из убеждения и любви, и она принесла богатые дары в их жизни духовной» (Хомяков, 1988, с. 185). Н. С. Лесков отмечал, что «англичане... люди обстоятельные и небожные» (Лесков, 1979, с. 252).

Истоком и основой национально-исторического и культурного развития российской цивилизации стало крещение Руси в 988 году равноапостольным князем Владимиром. С этого времени христианство становится важнейшим источником всех форм жизни и, следовательно, национальной культуры, одной из главных составляющих которой является словесность. А. С. Пушкин просто и точно выразил эту мысль: «Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особый национальный характер», и «мы обязаны монахам нашей историю, следственно, и просвещением». Таким образом, методологически правильно изучать русскую национальную картину мира, учитывая ее глубокую внутреннюю связь с православием (ср. Дорофеева, Жилина, 2005, с. 3—4).

В настоящее время глубокие исследования ментальных сущностей невозможны без привлечения христианских текстов, поскольку именно они определяли содержание духовности народов Западной и Восточной Европы на протяжении многих столетий и лежат в основании картины мира современной европейской цивилизации.

В настоящее время значительный интерес лингвистов вызывает творчество замечательного английского богослова и проповедника Беда Достопочтенного. «Беду можно назвать представителем "новой христианской культуры Англии", которая возникла между 650 и 680 годами после обращения англосаксов и в которой не только ирландское и римское, но и восточное, греческое влияние соединились с бриттской и англосаксонской культурой» (Wright, 1967, p. 61—62; цит. по: Ненарокова, 2003, с. 22). Главным делом всей своей жизни Беда считал изучение Священного Писания. «Обратившись к литературным формам, незадолго до этого принятым англосаксами, он создал произведения, которые сделались образцами для многих средневековых писателей, как в Англии, так и в Европе. В его творчестве гармонично соединились знания, накопленные представителями разных, подчас противоборствующих традиций... Его комментарии на Священное Писание и гомилии (тексты проповедей) весьма ценились англосаксами-миссионерами VIII века, трудившимися на севере Европы, где еще жили германцы-язычники» (Ненарокова, 2003, с. 87, 251).

Так сложилось, что именно для славян «свет веры и свет книги, принятие христианства и обретение письменности совпали во времени. Буквы оказываются Божьим даром и выступают как своего рода оплотнение слова» (В. Н. Топоров). Православная мысль облеклась в телесную оболочку и легла в основу формирования церковнославянского языка. Это удивительное переплетение двух составляющих — собственно языковой и православной — обусловило единство языка и нравственных категорий, так как славянский язык объединил поколения верующих людей в одной молитве, приобщив к сокровищнице христианских добродетелей (Шустер, 2007, с. 178).

Особое внимание отечественные языковеды уделяют сегодня лингвистическому анализу трудов византийских святителей IV — нач. V в. Василия Великого и Григория Богослова, Иоанна Златоуста, равно как и других отцов Церкви, которые сыграли важную роль в формировании нравственных основ христианского мироощущения на Руси. «Милосердие, — как писал Иоанн Златоуст, — бессмертно, нетленно и никогда не может погибнуть», «человек милосердный есть общее пристанище, отец всех, подпора престарелых». Началом и концом добродетели святитель Иоанн Златоуст считал любовь к Богу и ближнему (Рабенко, 2007, с. 285)¹.

¹ Творения Иоанна Златоуста (347—407 гг.), которого называли «вселенским учителем, величайшим светильником мира, столпом церкви», начинают распространяться со времен Ярослава Мудрого. В древнейшей русской летописи, «Повести временных лет», мы встречаем запись от 1037 года о Ярославе Мудром, который «книгам прилежа и почитае е часто в нощи и в дне». Известно, что по его приказу «писцы многи» переписывают книги Священного Писания, занимаются переводом с греческого творения Святых Отцов на «словенское письмо». Переводятся, в частности, сборники «Слов» святителя Иоанна Златоуста: «Златоструй», составленный при участии болгарского царя Симеона, «Златоуст» — подборка проповедей на недельные евангельские «зачала» и т. д.

Национальные особенности языковой картины мира проявляются на формальном и логическо-семиотическом уровнях. На формальном уровне своеобразие картины мира создается лексическими, фразеологическими, грамматическими и стилистическими средствами языка, тогда как логико-семиотический уровень, на котором происходит первичное формирование концептов, отражает мировоззрение народа.

Наряду с общечеловеческой, региональной и национальной картинами мира у каждого человека существует собственная, *индивидуальная* картина мира, во многом обусловленная его принадлежностью к определенной культуре и изменяющаяся под влиянием жизненных факторов. Эта сложная, системно организованная репрезентация представлений об окружающей действительности включает в себя как универсальные, так и специфические средства реализации данных представлений. Языковую картину мира следует изучать «в тесной связи с человеком, его культурной отнесенностью, сознанием, духовно-практической деятельностью» (Хайрулина, 2001, с. 7, 239, 240; Песина, 2003, с. 42).

Концептуальная картина мира изменчива. Содержание понятийных категорий, находящихся свое отражение в языке, изменяется под влиянием многообразных внеязыковых явлений. В результате изменения условий существования носителей языка происходит обогащение понятийных категорий новыми прототипическими характеристиками, почему и набор их в различные периоды развития языкового сообщества не тождественен (Медведева, 2003, с. 95).

Вопросы для самоконтроля

1. Что такое концептуальная картина мира?
2. Опишите структуру концептуальной картины мира.
3. Назовите функции концептуальной картины мира.
4. Что лежит в основе национальной картины мира?
5. На каких уровнях проявляется своеобразие национальной картины мира?

1.2.3. Языковая картина мира

Концептуальная картина мира является основой *языковой картины мира*, вербальные составляющие которой — семантические поля слов-концептов — передают информацию об объективной действительности и в совокупности образуют тезаурус языка и его носителей (Хайрулина, 2001, с. 5—6).

Коллективный опыт народа «выражается в значениях слов и устойчивых выражений, в ценностных ассоциациях и зафиксированных в языке нормах поведения, прецедентных текстах, определяющих принадлежность людей к той или иной культуре» (Молчанова, 2005, с. 23). Языковая картина мира складывается из концептов, получивших свое языковое воплощение, вследствие чего за каждым языковым знаком скрывается определенное концептуальное содержание. Языковой репрезентацией концепта является языковая форма концепта, семантическая конфигурация значения языкового знака, которое определяется как «регулярное, стандартное, принимаемое и понимаемое всеми носителями языка соотношение между структурами языка и структурами знания» (Колесов, 2003, с. 350).

Отличительной чертой языковой картины мира является ее *антропоцентричность*: человек является субъектом языковой картины мира, в которой систематизируются и находят вербальное закрепление интерпретированные им явления действительности. В понятийном и лингвистическом плане языковая картина мира представляет собой универсалию, план содержания которой составляют общечеловеческие понятийные категории пространства, времени, качества, количества, действия, причины и др. Именно данные категории составляют ядро языковой картины мира. Вместе с тем в языковой картине мира каждого отдельного народа существует ряд национально-специфических свойств, поскольку субъектом ее является представитель конкретной этнокультурной общности с

характерным мировоззрением, обусловленным духовным и материальным образом жизни народа (Геляева, 2002, с. 46—47).

Картина мира, существующая в обыденном сознании, воспроизводится в лексических единицах языка фрагментарно. При этом «то, что "схвачено знаком" и получило свое название, свое имя в языке, обладает для человека исключительной значимостью, а поэтому играет в осуществлении мыслительных процессов едва ли не решающую роль» (Воркачев, 2001, с. 67; Кубрякова, 2004, с. 305). Семантическая структура словарного состава языка раскрывает национально-специфические особенности видения мира определенным народом и представляет собой организованную классификацию человеческого опыта. В слове «хранится и передается из поколения в поколение исторический опыт народа, его генетическая память» (Вендина, 1998, с. 6). Таким образом, языковая картина мира «создает некие русла, по которым может течь мощный поток человеческих мыслей» и отчасти «фиксирует возможные ракурсы рассмотрения тех или иных сущностей и определенный взгляд на вещи» (Кубрякова, 2003, с. 3).

Специфика языковой картины мира обусловлена историческими, географическими, культурными и другими факторами объективного мира. Языковая картина мира является выражением познавательной деятельности языковой общности — «компрессией общественного опыта» (Вендина, 1998, с. 22).

Поскольку язык — это первоэлемент культуры и ее наиболее прямое и непосредственное выражение, то в нем условие веры как залога общенационального процветания и спасения сказывается наиболее наглядно. Фундаментальная роль слова, языка, речи в человеческой жизни угадывалась еще в античности, где греческое слово «логос» означало одновременно и слово как такое, и мысль, и Бога. Но собственно Божественной значимости Слово предстало перед нами лишь в Святом Откровении, в Евангелии от Иоанна — в первом же его стихе: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Так Божественным Словом Откровения началась, открылась, самоутвердилась и вершится сейчас русская и общеславянская история и культура,

и наша верность ему составляет залог духовно-нравственного спасения и материального процветания. Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий создали славянскую письменность и славянскую устную речь в богослужебных целях, и современный русский язык, как прямой наследник и преемник кирилло-мефодиевского дела, исходно запрограммирован на духовности как таковой (Дмитровский, 2007, с. 37).

Существуют обыденная и научная языковые картины мира, которые могут достаточно сильно отличаться друг от друга. Расхождение это вызвано процессами, способствующими развитию науки в обществе.

Язык фиксирует при этом не только новые знания, но и знания, когда-то существовавшие у носителей языка. Язык хранит в себе первичные знания о природе, человеке и его месте в мире. Современный человек не всегда осознает то, каким языковым материалом он пользуется в повседневной жизни.

Особенно это заметно при анализе слов, получивших свое переосмысление в ходе развития языка. Например, в древнерусском языке (с XI века) *сердце* имело более широкое значение (помимо основного) как середина, глубина, внутренность (ср. *сердцевина* яблока). В Остромировом Евангелии встречаем: «Внемлите же себе да не когда отягчают сердца ваша объядением и пианством и печальми житейскими» (Лк 21, 34).

Приведем еще два примера: в выражении *выстрелить из пушки* мы не замечаем метафору *стрелы*: *выстрелить* — букв. «выпустить стрелу»; глагол *пестовать* («воспитывать») восходит к кулинарии. Всё это указывает на изменение за период существования народа концептуальной сетки, понятиями (ячейками) которой носитель языка оперирует в своем познании действительности (Пименова, 2007).

На каждом этапе своего развития языковая картина мира фиксирует набор языковых средств носителей языка. В зеркале языка отражается состояние общества. В социальном плане язык приспособляется к изменяющимся условиям жизни общества, его идеалам, установкам. Как писал Е. Д. Поливанов,

«лексика с фразеологией — единственная область языковых явлений, где само содержание культуры данного коллектива в данную эпоху отражается более или менее непосредственно» (Ситникова, 2003, с. 286; Вершкова, 2007, с. 214).

Отличительной чертой современной языковой картины мира является ее способность перестраиваться с большой скоростью. Е. С. Кубрякова выделяет пять основных тенденций, определяющих ее формирование на сегодняшний день:

1) переход от наивной модели мира к более сложной, происходящий под воздействием прогресса науки и возникновения новых высоких технологий. Благодаря этому мы невольно знакомимся с неизмеримо большим количеством реалий, чем раньше, и мир предстает перед нами как воплощение разных возможных миров;

2) как следствие введения в нашу повседневность многообразия миров (в том числе и отличных от повседневного — виртуального, фантастического), перераспределение функциональных нагрузок в таких традиционных способах номинации (т. е. наименования), как семантическая деривация (т. е. изменение значения слова), заимствования, образование несколько словных наименований и разные стороны самого словообразования;

3) возрастание роли и места средств вторичной номинации (т. е. использование уже существующей лексемы для наименования нового явления), а также постоянные изменения в диапазонах действия отдельных приемов номинации и удельном весе каждого из них в общей массе новых слов;

4) намерение говорящих отразить в создаваемых ими названиях не только новые структуры знания, но и новые структуры мнений и оценок окружающего, т. е. возрастание роли экспрессивной лексики;

5) чрезвычайное усложнение образа мира и, как следствие, репрезентация мира через сложные системы и домены обозначений, а также через сложнейшие сетки связей между ними (Кубрякова, 2004, цит. по: Рунова, 2007, с. 20).

Перемены, происходящие в современном российском обществе и языковой картине мире русского человека, вызывают «процессы языкового возрождения», которые Л. А. Нестерская определяет термином «ресемантизация». Этому явлению свойственно следующее:

а) освобождение многих слов или значений слов от семантических подмен и возвращение им исходных, изначально присущих им значений (*благодетельность, благочестие, милостыня, призрение, праведник, гордыня*):

Примером процесса ресемантизации является возвращение первоначального значения слову *благочестивый*: *благочестивые* («верные Богу, послужившие Церкви и Отечеству») князя *Александр Невский, Даниил Московский, Дмитрий Донской*. Долгое время это слово употреблялось в речи только с шутливо-ироничным оттенком (ср. *А моя благочестивая уехала на дачу*. В. Белов)¹;

б) освобождение от языковых штампов предшествующей эпохи (ср. *добрая воля, мудрая политика*).

Тревогу современных лингвистов вызывает ряд отрицательных явлений². К негативным процессам относятся:

а) «онаучивание» языка — увеличение роли науки в жизни общества привело к непропорциональному разрастанию числа

¹ Подробнее об исконном значении слов с корнем *благо* см. Шустер, 2007.

² «Как болезни тела, есть также болезни человеческого духа, приводящие к разрушению национального языка и самой национальной идентичности, а это уже угроза потери народом самого себя. Такими болезнями русского языка стали в наше время его варваризация, т. е. засорение иноязычными словами, и вульгаризация — ненормативная лексика. Это результат утраты совести, без которой человек — уже не человек. Ведь, вправду, случаи человеческого духовно-нравственного нестроения в первую очередь сказываются в словарном составе и общей разговорной манере, которая из доброжелательно-расположительной, идущей как бы от сердца к сердцу, превращается в крикливо-раздражительную и заведомо безблагодатную, что однозначно губительно как для языка, так и для самой нравственности» (Дмитровский, 2007, с. 37).

терминов и их выходу в общий язык с утратой ими терминологических свойств (ср. *экология, стресс, девальвация*);

б) «демократизация» языка — активное привлечение в систему литературного языка элементов жаргона, просторечия, диалектной лексики; такая либерализация языка ярче всего проявляется в речи представителей СМИ; особенную тревогу вызывает процесс размывания значения слов, их употребление в десятках значений в зависимости от необходимости, что может привести к потере национального языкового богатства, которое накапливалось в течение тысячелетий, к утрате народом самобытности и культуры;

в) чрезвычайно активный процесс заимствования и актуализации иноязычной лексики; сам этот процесс естественен и нормален, многие современные заимствования вызваны необходимостью, вхождением в нашу жизнь новых явлений; неодобрение вызывает использование английских слов даже тогда, как в русском языке существуют их эквиваленты (ср. *консенсус — согласие, соглашение; имидж — образ; презентация — представление; стагнация — застой*) (Вершкова, 2007, с. 214—217).

Еще в середине XIX века об этом процессе с тревогой писал М. Н. Загоскин, в главах книги «Москва и Москвичи»: «И мы также должны усваивать нашему языку только те слова, без которых решительно не можем обойтись. К чему, например, вы называете гостиную — *салон*; говорите, вместо всеобщего — *универсальный*, вместо преувеличения — *экзажерация*, вместо понятия — *концепция*, вместо обеспечения — *гарантия*, вместо раздражения — *ирритация*, вместо посвящения — *инисияция*, вместо принадлежности — *атрибут*, вместо отвлеченный — *абстрактный*, вместо поразительно — *фрапонтно* и прочее. Поверьте мне... вы вовсе не доказываете этим вашего просвещения; напротив, вместо того, чтобы идти вперед, вы двигаетесь назад. В старину, то есть во времена Петра Великого и вскоре после него, получше вашего умели коверкать русский язык... Теперь нынче никто не скажет, что он ходил стрелять из *фузеи* или что мы под Малым Ярославцем над французами одержали знамени-

тую *викторию*. Кто нынче будет уверять кого-нибудь в своем *респекте*... Кому придет в голову *эстимовать* отличный *мерит* своего друга, хвастаться своим *рангом*, или сделать *презент* своей *аманте*? Кто в наше время назовет заставу — *барьером*, штык — *байонетом* и предвещание — *прогностиком*? А все это, однако ж, было и, слава Богу, прошло» (Загоскин, 1991, с. 284).

Следовательно, национальный язык и образ мышления народа тесно взаимосвязаны. «С одной стороны, в языке находят отражение те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для носителей культуры; с другой стороны, овладевая языком, и в частности значением слов, носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказываемым его родным языком, и сживается с концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры. В этом смысле слова, заключающие в себе лингвоспецифичные концепты, одновременно и "отражают" и "формируют" образ мышления носителей языка» (Шмелев, 2002, с. 296).

В то же время следует помнить, что язык отражает только способ концептуализации мира национальной языковой личностью, но не мир как таковой (Воркачев, 2001, с. 67). Членение мира не может в точности соответствовать системе понятий, так как концепты, ословленные языком, «дискретны, мир континуален. Это позволяет говорить о языковой (концептуальной) интерпретации действительности, зависящей от многих факторов» (Арутюнова, 1990, с. 7). Поэтому понятие «языковая картина мира» условно с методологической точки зрения, так как язык, не будучи самостоятельной творческой силой, не создает собственной картины мира, но лишь фиксирует концептуальный мир человека.

В целом «образ мира, воссоздаваемый по данным одной лишь языковой семантики, схематичен, поскольку его фактура сплетается преимущественно из отличительных признаков, положенных в основу категоризации и номинации предметов, явлений и их свойств, и для адекватности языковой образ мира корректируется эмпирическими знаниями о действительности,

общими для пользователей определенного естественного языка» (Воркачев, 2001, с. 67). И это происходит постоянно. Причиной происходящей корректировки и переосмысления сущности компонентов языковой картины мира в сознании человека является, прежде всего, наличное бытие.

«На нас влияют не столько образующие языковой картины мира, сколько наши реальные наблюдения за происходящим, формы нашего взаимодействия с миром, проверка практикой наших убеждений, верований и оценок; влияют наши мысли о мире; ...изначальная детерминированность и мотивированность языка и языковой картины мира... с течением времени исчезает, "эмансипируется", переосмыляется в ходе более глубокого постижения закономерностей его устройства и перестройки непосредственного окружения человека» (Кубрякова, 2003, с. 33—34).

Вопросы для самоконтроля

1. Что такое языковая картина мира?
2. Как языковая картина мира соотносится с концептуальной?
3. Назовите свойства языковой картины мира.
4. Каким образом в современном русском языке отражаются общественные процессы?

Тема I.3. Концептуализация мира

I.3.1. Понятия «концептуализация», «категоризация».

Концепты и категории

Выявление национально-культурных особенностей ментальности, под которой понимается «миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» (В.В. Колесов), в последние десятилетия находится в центре ряда лин-

гвистических направлений — когнитивистики, этнолингвистики, антропологии языка, лингвокультурологии, этногерменевтики, гендерологии. В рамках данных направлений основной единицей ментальности признается *концепт* (М. В. Пименова).

Ключевыми понятиями в описании познавательной деятельности и когнитивных способностей человека являются понятия концептуализации и категоризации. Вся познавательная деятельность человека (т. е. *когниция*) направляется на освоение окружающего мира, на формирование и развитие умения ориентироваться в этом мире на основе полученных знаний. Это, в свою очередь, связано с необходимостью выделять и сравнивать, отождествлять и различать объекты и события. Без этой классификационной деятельности не обходится ни один человек. В ней центральное место занимают процессы концептуализации и категоризации.

И концептуализация и категоризация представляют собой классификационную деятельность, но различаются по своему конечному результату и цели. Процесс концептуализации направлен на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта, структур знания; процесс категоризации — на объединение сходных или тождественных единиц в более крупные разряды, т. е. категории (см. Краткий словарь когнитивных терминов, 1996, с. 93).

Концептуализация — это осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которые приводят к образованию определенных представлений о мире в виде концептов (например, концепт дома, времени, движения и т. д.). Основная часть этих концептов закрепляется в языке значениями конкретных слов, что обеспечивает хранение полученных знаний и их передачу от человека к человеку и от поколения к поколению.

В то же время известно, что наши знания о мире хранятся в обобщенной форме. К примеру, знания о всех конкретных домах объединяются нашим сознанием в одну категорию «дом»,

потому что нельзя удержать в памяти характеристики каждого конкретного дома. Поэтому и слово «дом» обозначает не конкретный объект (иначе каждый конкретный дом мы должны были бы называть отдельным словом, сохраняя в памяти все эти названия), а категорию объектов, у них может быть разное количество этажей, окон и т. д. Соответственно, чтобы назвать какой-либо объект домом, его необходимо отнести к категории домов, т. е. категоризировать. Эта функция и определяет содержание понятия категоризации.

Категоризация — это деление мира на категории, т. е. деление в нем групп, классов, категорий аналогичных объектов или событий. Вместе с тем категоризация как познавательный процесс — это и мысленное соотнесение объектов или событий с определенной категорией. Категории представлены в статике, тогда как процесс категоризации динамичен. Функция категоризации, т. е. деление мира на категории и отнесение конкретных предметов и событий к этим категориям, является важнейшей функцией человеческого сознания, которая лежит в основе всей познавательной деятельности человека (Болдырев, 2000).

С момента своего рождения человек познает окружающий мир, учится узнавать предметы, соотносить их друг с другом, делать обобщения, учится обрабатывать и запоминать значительное количество информации, выражать результаты своей познавательной деятельности с помощью языка. В результате у человека формируются общие понятия, которые затем объединяются в систему знаний о мире, в так называемую картину мира.

Картина мира состоит из концептов разного уровня сложности и абстракции, сформированных различными способами. Для обозначения отдельных частей концептов картины мира в когнитивной лингвистике используются понятия *концептуальная область/концептуальная сфера*, или *концептосфера*, например *концептосфера времени*.

Концепты представляют собой идеальные абстрактные единицы, смыслы, которыми человек оперирует в процессе

мышления. Они отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека в виде определенных «квантов» знания.

Содержание концепта включает сведения об объектах и их свойствах, о том, что человек думает, предполагает, воображает об объектах мира. В отличие от *понятия*, которое отражает наиболее общие, существенные признаки предметов/явлений, концепт может отражать один или несколько, любые, не обязательно существенные, признаки объекта. Концепт — это всё, что известно об объекте, это отражение не только существенных признаков объекта, но и всего культурно обусловленного знания о нем (Болдырев, 2000; Иванова, 2006, с. 45).

Рассмотрим подробнее соотношение терминов «понятие» и «концепт». Ю.С. Степанов пишет об этом следующее: «В самом простом виде понятие — это определение предмета, дефиниция, дефиниция же производится мышлением (достигается) через указание ближайшего рода и его видового отличия, или, как очень точно выражаются со времен схоластической, т.е. формальной, логики — это «ближайший род» и «видовое отличие» (*genus proximum et differentia specifica*), например *корова* — «домашнее молочное животное, самка быка».

При установлении (словесном описании, определении) понятия прежде всего приходится иметь дело с двумя типами слов: первый тип слов — это то, что определяет «ближайший род» (в приведенном примере «*домашнее молочное животное*»), второй тип слов — это то, что определяет «видовое отличие» (в приведенном примере «*самка быка*»).

Вполне понятно, что проделать даже такое простейшее определение понятия невозможно без использования наличных слов данного языка. Обычно определение начинают с какого-либо имени существительного (оно задает ближайший род), а затем прибавляют видовое отличие (им часто оказывается какое-либо определение (простое прилагательное, развернутое словосочетание и т.п.).

Весь состав наличных слов данного языка применительно к логическим определениям называется универсальным наборо-

ром. Понятно также, что «универсальный набор» в действительности никогда не может быть действительно универсальным, он всегда представляет собой некоторое ограничение или выборку, это ограничение очень важно для понимания того, что такое «понятие». Ограничения поставлены общепринятыми в данном обществе представлениями о лексиконе данного языка и до некоторой степени даже типом используемого словаря...

«"Концепт" есть понятие, создаваемое без каких-либо ограничений, наложенных указанными требованиями, т. е. не требуется — хотя, как правило, очень удобно и желательно использовать формально-логические дефиниции, не требуется присутствие "ближайшего рода" и "видового отличия", не требуется использовать — хотя очень желательно, чтобы быть понятным тому, для кого сообщается — наличный универсальный код, допустимо создавать часть слов из своего собственного кода, главная цель при этом — быть понимаемым, способствовать коммуникации» (Степанов, 2007, с. 19—20).

Таким образом, главное различие между концептом и понятием состоит в том, что концепт является результатом обыденного познания (т. е. когниции), а понятие — результатом теоретических построений (Болдырев, 2000).

Следует заметить, что в настоящее время вопрос о содержании термина «концепт» далеко не решен. Как отмечает М. В. Пименова, термин «концепт» в отечественной лингвистике имеет несколько толкований.

Во-первых, концепт (*conceptus* — «суждение, понятие, представление [о предмете]») рассматривается как часть классической схемы «предмет — ощущение — восприятие — представление — понятие», отражающей этапы чувственно-практической (созерцание) и логической (абстрактной) деятельности мышления человека:

а) концепт — это *представление* («общее представление») (С. А. Аскольдов);

б) концепт — это *понятие*;

в) концепт — это *синкретичная единица мышления* («единица мышления, представляющая целостное, нерасчлененное отражение факта действительности») (П. В. Чесноков).

Во-вторых, концепт исследуется как *означаемое* (сигнификат) в составе модели «семантического треугольника»:

а) концепт — *значение* («алгебраическое выражение значения», по Д. С. Лихачеву; «со-значения национального колорита», согласно В. В. Колесову; «инвариант значения лексемы», по мнению Е. В. Рахилиной);

б) концепт — это *смысл* (интенционал, содержание понятия, «термин *концепт* становится синонимичным термину *смысл*» в трактовке Ю. С. Степанова).

В-третьих, концепт анализируется как синтез *означаемого* (значения и понятия), *означающего* (языкового знака) и *обозначаемого* (денотата и референта):

а) концепт — это *этимон слова* (*conceptum* — «зародыш, зерно», «исходная точка семантического наполнения слова»);

б) концепт — *слово-концепт* («ключевые слова») (А. Вежбицкая).

Вопросы для самоконтроля

1. Дайте определение понятий «концептуализация», «категоризация».
2. Почему процесс категоризации играет центральную роль в процессе познания мира?
3. В чем состоит различие между процессами категоризации и концептуализации?
4. Что представляет собой концепт?
5. В чем состоит различие между концептом и понятием?

I.3.2. Способы формирования концептов в сознании человека. Структура концепта

Как возникают концепты в сознании человека? Исследователи выделяют следующие способы формирования концептов:

1) на основе *чувственного опыта*, т. е. в результате восприятия окружающего мира непосредственно органами чувств: через зрение, слух, обоняние, осязание. Достаточно увидеть

тот или иной предмет (напр., цветок — *подснежник, фиалку*), чтобы в сознании отложилось определенное представление о нем, зрительный образ, на основе которого и формируется соответствующий концепт;

2) на основе *предметно-практической деятельности* человека, т.е. в результате его действий и операций с различными предметами, например, *нож, ключ, мыло*, а также любой *механизм*;

3) на основе *экспериментально-познавательной и теоретико-познавательной (научной) деятельности*: физические, химические, психологические, лингвистические и другие *эксперименты, математические решения*;

4) на основе *мыслительной деятельности*, т.е. в результате рассуждений, умозаключений, выводов, т.е. на основе мыслительных операций с уже известными концептами;

5) на основе *вербального и невербального общения*, когда один человек передает, сообщает, разъясняет другому человеку неизвестный концепт с помощью языковых средств или других средств общения: жестов, условных знаков, пантомимы и др.

Эти способы часто дополняют друг друга. Более того, формирование наиболее полноценного знания возможно лишь в результате совмещения различных способов: и чувственного созерцания, и предметной деятельности, и осмысления, и языкового общения. Поэтому многие языковые и другие научные концепты легче усваиваются, если привести пример соответствующего явления (ср. все грамматические правила, значения слов, исключение всегда иллюстрируется примерами употребления в речи) (Болдырев, 2000).

С другой стороны, именно поэтому с трудом поддаются описанию абстрактные концепты, например *сущность, диалектика* и т. д., а также концепты, отражающие объекты несуществующих миров, или воображаемые, искусственно созданные концепты. Дополнительных разъяснений на родном языке требуют концепты, передаваемые заимствованной лексикой или терминами.

Наше восприятие мира происходит в виде целостных образов. Соответственно многие концепты первоначально возникают на предметно-образной, чувственной основе — как определенный эмпирический образ предмета или явления (образ *дома*, *дерева* и т.д.). Эти концепты всегда конкретны, часто отражают индивидуальный опыт каждого отдельного человека. Концепт «автомобиль», например, у одного человека связан с образом личного автомобиля, у других — с образом престижной/дорогой марки, у третьего — с запахом бензина и т.д. Эти образы выступают как единицы предметного кода. Они как бы шифруют концепты в сознании человека и обеспечивают наиболее легкий доступ к их содержанию, составляя ядро концепта, т.е. его наиболее яркую, наглядную, устойчивую часть (Болдырев, 2000). Впоследствии, после того, как первоначальное содержание концепта усложняется за счет знаний, полученных в результате других видов познавательной деятельности, т.е. когда концепт «обрастает» мыслительным содержанием, новыми признаками, эти чувственные образы продолжают сохранять за собой функцию наиболее наглядного представителя данного концепта в сознании человека.

Концепт имеет определенную, хотя и не жесткую *структуру*. Это связано с его активной динамической ролью в процессе мышления — концепт все время функционирует, проявляется в разных составных частях и аспектах, соединяется с другими концептами и отталкивается от них (Стернин, 2001).

Любой концепт представляет собой многомерную единицу, функционирующую в области культурологии и обладающую центром аттракции (*ядром*). Семантика получает свою интерпретацию в концепте. Ословливание концепта осуществляется через определенные семантические единицы; при этом концепт из совокупности признаков превращается в образование с четкой логической структурой. Семантика лексем, первоначально называвшей концепт, расширяется пропорционально его наполнению в плане содержания. При этом отдельные области концепта требуют употребления языковых

единиц узкой семантики. Близость или удаленность фрагментов концепта от центра аттракции определяет значимость тех или иных вербализаторов концепта для коммуникантов. Концепт состоит из отдельных, но в то же время спаянных в единую структуру фрагментов, которые называются областями концепта. Языковые средства воплощения отдельной концептуальной области наиболее полно описывают основные характеристики этой области, а также служат посредником включения этой области в сам концепт как единую ментальную структуру. Такими интегрирующими средствами могут быть вербальные сочетания. Они сигнализируют о принадлежности рассматриваемых вербализаторов целому концепту, а также об их связи с другими элементами концептуальной системы (Киреева, 2007, с. 118).

Существуют различные классификации составных элементов концепта. Так, Ю.С. Степанов выделяет в структуре концепта три слоя, которые можно рассматривать, с одной стороны, как компоненты единого концепта, а с другой — как отдельные концепты:

1) *поверхностный / активный слой* (основной актуальный признак, известный каждому носителю культуры и значимый для него) входит в общенациональный концепт; фактически концепт группируется вокруг некоей «сильной» (т.е. ценностно выделенной) точки сознания, от которой расходятся ассоциативные векторы; наиболее актуальные для носителей языка ассоциации составляют активный слой, по мере удаления от ядра происходит постепенное затухание ассоциаций;

2) *глубинные / пассивные слои* (дополнительные признаки, актуальные для отдельных групп носителей культуры) осознаются не всеми членами социума и принадлежат концептосферам различных субкультур;

3) *внутренняя форма концепта* (не осознаваемая в повседневной жизни, известная преимущественно специалистам, но определяющая внешнюю, знаковую форму выражения концепта) (Карасик, Слышкин, 2001, с. 75—80).

В качестве примера рассмотрим концепты: рус. «воскресенье», англ. "Sunday", нем. "Sonntag".

Поверхностный, активный для каждого современного носителя языка слой рассматриваемых концептов включает признак «выходной, нерабочий день / последний день недели»: ср. *Седьмой день недели, общий день отдыха* (Ожегов, Шведова, 1995, с. 95); *the day of the week after Saturday and before Monday, when most people in Western countries do not go to work* (CIDE, 1998, p. 1460); *siebenter Tag der mit Montag beginnenden Woche* (Duden, 1996, S. 1419).

Глубинные слои и внутренняя форма русского и английско-го/немецкого концептов на первый взгляд различаются. *Внутренняя форма* русского концепта пришла из древнерусского *въскръсение*, заимствована из греческого *anastasis* — «воскрешение из мертвых» (Фасмер, 1986, с. 357), так что глубинный слой несет в себе семантику Пасхи, Воскресения Христова: ср. *Светлое Воскресение, Воскресенье Господень день* (Даль, 1956, с. 248), и, следовательно, праздника, что и отразилось в производном значении «нерабочий день» (первоначально в этом значении употреблялось слово *неделя* (от *не делать*, ср. польск. *niedziela*), откуда *понедельник* (т.е. день *после недели*), тогда как значение сегодняшнего *неделя* передавалось словом *седмица*).

Внутренняя форма концептов *Sunday/ Sonntag* пришла из латинского и греческого *dies Solis/ hemera Heliou* — «день солнца» и первоначально была связана с одним обожествлением солнца. В процессе христианизации народов современных Англии и Германии содержание концептов, при сохранении фонетической формы, изменилось: день Солнца стал днем Господним (*the day of the Lord/der Tag des Herrn*), так как в христианстве солнце видимое прообразует собой истинное Солнце — Солнце Правды — Христа.

Таким образом, можно заключить, что при различии внешней формы глубинные слои и общее содержание концептов «воскресенье», "Sunday", "Sonntag" совпадают, вследствие единого основания европейских культур — христианского вероучения.

И. А. Стернин предлагает метафорически изображать концепт в виде плода. Так, несмотря на то, что типы концептов и по содержанию и по структуре разнообразны, каждый концепт имеет *базовый слой*, как бы косточку плода.

Базовый слой всегда представляет собой определенный чувственный образ (*осень — желтые листья, дождь, холод*). Базовый слой может исчерпывать содержание концепта, если концепт отражает конкретные чувственные ощущения и представления.

В более сложных концептах на базовый образ наслаиваются дополнительные *когнитивные признаки*, которые образуют как бы мякоть плода. Признаков может быть много, они могут образовывать относительно автономные концептуальные слои и располагаться от более конкретного к более абстрактному. Кроме ядра, включающего базовый слой и дополнительные когнитивные признаки, существует некий дополнительный когнитивный слой / слои, отражающий развитие концепта, его отношения с другими концептами и образуемый *концептуальными признаками*.

Совокупность базового слоя и дополнительных когнитивных признаков и когнитивных слоев составляют объем концепта и определяют его структуру. По мнению И. А. Стернина, можно выделить три структурных типа концептов:

1) *одноуровневый* концепт включает только один базовый слой, чувственное ядро (*цвета: желтый, зеленый; вкусовые характеристики — соленый; бытовые концепты — ложка, чашка, тарелка*);

2) *многоуровневый* концепт — несколько когнитивных слоев, различающихся по уровню абстракции; например, концепт «грамотный»:

базовый слой: образ — *пишущий человек*; дополнительные когнитивные слои располагаются по степени усиления абстрактности: умение писать и читать; умение хорошо, правильно читать и писать; умение эффективно вести общение (*он грамотно аргументировал, грамотный оратор*); умение качественно выпол-

нить что-либо в соответствии с нормами и правилами выполнения данного рода деятельности (чертеж, план, работа); умение хорошо разбираться в той/иной области знаний (*грамотный специалист, инженер, руководитель*);

3) *сегментный* концепт представляет собой базовый чувственный слой, окруженный несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции.

Кроме ядра, концепт имеет объемную *интерпретационную часть/интерпретационное поле*, которое составляет периферию концепта. На периферии содержания концепта находятся разнообразные определения, толкования, отраженные в пословицах, афоризмах, крылатых выражениях, притчах, а иногда и значительных по объему публицистических, художественных и научных текстах. Из всего этого многообразия выявляется интерпретационное поле концепта, в котором можно обнаружить самые разнообразные смысловые признаки, скрытые от прямого наблюдения.

Очень информативны для выявления интерпретационного поля паремии, т. е. пословицы и поговорки. В них мы находим застывшие осмысления того/иного концепта, сложившиеся на протяжении длительного времени и менявшиеся в зависимости от места, времени и условий функционирования концепта, жизни народа, отдельных групп людей, отдельного человека.

Один и тот же концепт как бы поворачивается разными сторонами к разным людям и благодаря этому особенно хорошо видна его многослойность и многоаспектность.

Так, даже самый поверхностный анализ русских пословиц, объективирующих концепт «любовь», позволяет выявить такие компоненты, как, например, *незлобивость: Любовь не знает мести, а дружба — лести; бескорытность: Любви золотом не купишь; бесконечность: Любовь — кольцо, а у кольца нет конца; радость: Ум истиной просветляется, сердце любовью согревается.*

Противоречивость поговорок, объективирующих в языке интерпретационное поле концепта, объясняется именно их принадлежностью не к ядру, а к интерпретационному полю

концепта, которое содержит «выводы» из разных когнитивных признаков, образующих структуру концепта. Интерпретационное поле концепта всегда слабо структурировано, образовано по принципу дополнительности составляющих его высказываний.

Однако для отдельных концептов может не существовать пословиц, поговорок и афоризмов или их количество может быть весьма незначительным (например, для концепта «быт»). В этом случае интерпретационное поле исследуется экспериментальными приемами, например методом анкетирования с вопросами типа: *«Что вы понимаете под ...?»*, *«Подберите синонимы к ...»*, *«Назовите противоположное понятие для ...»*, *«... — это хорошо или плохо?»*. Это помогает выявить содержание концепта и описать его интерпретационное поле.

В качестве примера приведем исследование сущностного содержания концепта «брат» Н.Н. Занегиной (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН):

«1. В своей работе мы опираемся, с одной стороны, на теорию глобальных языковых смыслов, разработанную академиком Н.Ю. Шведовой. С другой стороны, исходим из той трактовки концепта, которая принята авторами «Русского идеографического словаря», работа над которым ведется в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН под руководством акад. Н.Ю. Шведовой. Здесь концепт определяется как понятие, стоящее за значением слова (или несколькими ближайшими значениями), «относящееся к ментальной, духовной или жизненно важной материальной сфере человеческой деятельности, опирающееся на опыт народа, на его традиции и историю, социально и субъективно осмысливаемое, и через эти ступени (сфера существования, жизненный опыт и потенциал осмысления и оценки) входящее в соотношение с другими понятиями, к нему близкими или ему противостоящими» и рассматривается в рамках смысловой парадигмы (реализации глобальных смыслов).

2. При изучении концепта «семья» представляется интересным исследовать на этом материале один из членов смысловой парадигмы, а именно смысл сущности (кто? что?). Следует иметь в виду, что по существу своему концепт «семья» пред-

ставляет собой некую множественность и имеет соответствующим образом организованную структуру, т.е. предполагает наличие членов, участников этой множественности. В сообщении названный аспект исследования будет рассмотрен на материале «малого концепта» (термин Ю.С. Степанова) «брат», входящего в данную структуру.

3. В языке концепт «брат» соотносится, во-первых, с физической стороной существования человека. Брат — сын тех же родителей (или одного из них) по отношению к другим их детям, к другому их ребенку (*родной, кровный, единоутробный брат, двоюродный, троюродный* и др.). Этот тип отношений может восприниматься и отдельно от непосредственного родства (*Я вас люблю любовью брата* [Пушкин]).

Во-вторых, концепт «брат» соотносится с религиозной сферой жизни. Брат — единоведец, связанный духовным родством (*братья во Христе, крестный брат, брат на духу, братья по свече, братья крестовые, монашеская братия* [Даль]; *Молится на небесах святой о братьях своих на земле* [Гоголь]).

В-третьих, он связан с личностной, духовной сферой, ср.: «Брат, или ближний, все мы друг другу, и называемся так в дружеской или нечопорной беседе» (*Бог не свой брат, не увернешься; Начальство не свой брат, много говорит не станешь*) [Даль]; дружеское и фамильярное обращение к мужчине в не-принужденной речи (*Что же ты, брат мой, не здороваешься? [Русский семантический словарь]; А что ж Онегин? Кстати, братья! Терпенья вашего прошу... [Пушкин]; И думал: угощу я друга! Постой-ка, брат мусью!* [Лермонтов]).

В более узком смысле, это человек, близкий по роду деятельности, положению, интересам. «Собрат, товарищ по званию, занятиям, ремеслу (*Наш брат мастеровой; Где же взять нашему брату, коли не украсть? (солд.)*)» [Даль]; *Лицейской жизни милый брат, Делю с тобой последние мгновенья...; Друг Дельвиг, мой парнасский брат* [Пушкин]).

4. Таким образом, сущностное содержание данного концепта может быть определено следующим образом: «член семьи, находящийся в родстве с другими иерархически равными родственниками; человек, близкий другому по религии (одной веры с кем-либо); по профессии, социальному положению; по духовному, душевному сходству».

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите способы формирования концептов в сознании человека.
2. Что обеспечивает возникновение многогранного концепта?
3. Каким образом усложняется структура концепта?
4. Опишите структуру концепта. Сравните точки зрения Ю.С. Степанова и И.А. Стернина.
5. Какие существуют структурные типы концептов?
6. Что подразумевается под интерпретативным полем концепта?

1.3.3. Методика исследования структуры концепта

В национальной концептосфере знания существуют в виде концептов, которые содержат в себе совокупность знаний в определенной национальной конфигурации, затрагивающей все уровни лингвокультурного концепта (понятийный, значимостный, ценностный, образный). Концепты высшего уровня, так называемые «мировоззренческие универсалии», являются самыми сложными объектами анализа. В гуманитарных исследованиях делаются попытки реконструкции образа человека по самым разным аспектам, но наибольший интерес у ученых вызывает внутренний мир человека и ценностные оценки человеком всех сторон бытия в плане лингвокультурологического анализа (Хизова, 2005, с. 1). Важными и перспективными являются исследования, в которых анализируются концепты, укорененные в традиции народа и отражающие его ценностные приоритеты.

Анализ концептов является одним из актуальных направлений в лингвистике последних лет. Введение в лингвистические исследования понятия «концепт» позволило синтезировать разнородные языковые факты и выявить связи языка, мышления и культуры.

Исследования концептов, проводимые отечественными учеными, можно условно разделить на две группы в зависимости от поставленных *целей и методики анализа*.

К первой группе относятся работы Е. С. Кубряковой, И. А. Стернина, Н. Н. Болдырева, исследования которых ориентированы на мыслящего индивида и моделирование закономерностей его речемыслительной деятельности, причем конечной целью является реконструкция того / иного концепта как ментального образования на материале языковых данных.

Ко второй группе принадлежат работы Ю. С. Степанова, отчасти В. Н. Телия, исследования которых направлены не столько на выделение концепта как некой единицы когнитивной деятельности индивида, сколько на анализ отражения в языке результатов этой деятельности, субъектом которой выступает не отдельный человек, но всё языковое общество. Особое внимание уделяется анализу национально-специфических характеристик того / иного концепта, реконструкции концептов на материале семантики лексических, фразеологических, паремиологических (поговорочных) единиц. Данное направление близко традиционным семантическим исследованиям и в значительной степени опирается на традиционные методы анализа семантики (Иванова, 2006, с. 44—45).

В ходе исследования концептов формируется набор семантических признаков, сумма которых образует, по мнению С. Г. Воркачева, «эталон сравнения». «Выделенные признаки упорядочиваются иерархически и количественно. Они могут быть структурированы по уровням, параметрам дефиниционной обязательности / факультативности и количественным характеристикам, обусловленным аксиологической иерархизацией семантических признаков в концепте. Далее определяются концептообразующие признаки — инструмент интерпретации содержания понятия в рамках определенной концепции, который выявляется в результате построения и обоснования теории» (Хизова, 2005, с. 1).

М. В. Пименова предлагает следующие *способы выявления концепта*:

- 1) выявление этимона слова (т. е. путем выявления «дописменной истории концепта»);
- 2) изучение корневой группы — т. е. группы слов, образованных от данного этимона;
- 3) изучение основных употреблений производных слов в диахронии (т. е. выявление эпидигматических связей);
- 4) изучение основных употреблений данных слов на синхронном уровне (т. е. выявление синтагматических связей);
- 5) выявление парадигматических связей анализируемого слова-концепта;
- 6) сопоставление данного слова с аналогичным (или близким) словом-концептом в других языках.

М. В. Пименова полагает, что только синтез всех способов, а также полученного лингвистического материала и экстралингвистических факторов позволит выявить национально-культурную специфику анализируемого слова и в связи с этим — национально-культурную специфику анализируемого концепта.

Однако, как пишет М. Н. Михайлов (Институт современных языков и переводоведения, Тамперский университет, Финляндия), вопрос о методике выявления «ключевых слов культуры» по-прежнему остается открытым. Вежбицкая говорит о невозможности определить логическим путем набор концептов, уникальных для данного языка. «Нет никакого конечного множества таких слов в каком-либо языке, и не существует никакой "объективной процедуры открытия", которая позволила бы их выявить». Единственный возможный путь, по мнению Вежбицкой, — это сравнение исследуемого языка с другими языками и выявление особенностей, отличающих его от всех других языков. Таким образом, в настоящее время большинство исследователей идет по пути выборочного анализа лексем с последующим сопоставлением с их словарными эквивалентами в других языках. Критерием для отбора лексики в этом случае служит лишь интуиция исследователя. В целом применение такой методики дает довольно интересные данные, полезные как в теоретическом, так и в практическом плане, но получение целостной картины остается проблематичным».

И. А. Стернин предлагает следующий *алгоритм исследования концепта* (Стернин, 2001):

1) определяем интересующий нас концепт;

2) выявляем ключевые слова, выражающие данный концепт в языке (в различной терминологии это ключевые слова репрезентанты / базовые лексемы репрезентанты / единицы, осуществляющие базовую вербализацию концепта / базовые языковые репрезентации концепта). Критериями для их выделения может быть их высокая частотность в речи, достаточная абстрактность значения, общеизвестность и др. Ядро концепта лучше всего отражает значение ключевого слова, именующего концепт (например, *труд, служение, любовь* и т. д.);

3) пополняем содержание концепта анализом синонимов, антонимов ключевой лексики; анализируем самым детальным образом семантику этих единиц, определяем основные семантические (т. е. значения), ключевые и периферийные семантические компоненты каждой семемы, т. е. отдельные семы;

4) выявленные семемы (значения) ищем в разных номинативных реализациях — других лексемах, синонимах, фразеологических единицах. Анализ сочетаемости лексем, представляющих концепт в языке, дает возможность установить некоторые составляющие концепта, найти способ категоризации анализируемого явления;

5) выявленные семы отождествляем с концептуальными признаками, семемы — с концептуальными слоями, способы категоризации (когнитивные метафоры) рассматриваются как когнитивные признаки; затем выстраиваем структуру концепта по данным лингвистики (Стернин, 2001).

При *сопоставительном анализе концептов* у носителей разных языков с целью выявления национально-культурных особенностей исследователи следуют преимущественно по такому пути:

1) выделяют семантические прототипы того или иного концепта, к примеру, в философском или религиозном знаниях;

2) определяют и структурируют концептообразующие признаки;

3) выявляют историко-социологические изменения в дефинициях понятия в языке / языках и устанавливают культурные и национальные характеристики;

4) выделяют языковой корпус лексико-грамматических единиц фразеологического и нефразеологического характера со значением того или иного слова;

5) выявляют общие и национально-специфические черты в наборе дескриптивных характеристик того или иного концепта; устанавливают сходство и различие в употреблении лингвистических средств при концептуализации данного фрагмента языковой картины мира;

6) определяют ценностные доминанты того или иного культурного социума;

7) делают попытку построить модель лингвокультурного концепта с опорой на материалы самых разных дискурсов (текстов самого разного жанра, помогающих полнее описать парадигму вербальных (словесных) реализаций концепта).

В ходе сопоставления различных языковых реализаций концепта в обыденном/научном сознании носителей языков исследователь выявляет/формирует его (концепта) семантический прототип в языковых реализациях в каждом из языков. Затем исследователь анализирует инварианты по полноте их признаков, по иным характеристикам и выявляет лингвокультурологические особенности инвариантов. Таким образом, исследователь делает попытку описать весь спектр возможностей его языкового выражения (Хизова, 2005, с. 3).

Следует заметить, что при контрастивных исследованиях лингвокультурных концептов содержание ядра концепта у носителей разных языков может существенно отличаться. Проведенный Н. И. Кургановой контрастивный анализ свидетельствует о том, что «даже слова-эквиваленты в разных языках "вмещают" различный опыт освоения и восприятия действительности. Так,

например, на основе сравнения ассоциативных полей слов-стимулов *семья/famille*, *дом/ maison*, *еда/nourriture* в группах россиян и французов было установлено, что содержание концептов "дом", "семья", "еда" у них существенно различается. Ядро концепта "семья" не совпадает по содержанию у россиян и французов на 40%, стереотипное ядро представлений о доме у французских и российских студентов совпадает всего лишь на 50%, а ядро концепта "еда" содержит 70% культурно-специфических компонентов. Сравнительное изучение лингвокультурных концептов показало, что у французов доминирует рациональный способ видения и аналитический способ обработки информации, а для россиян характерно эмоционально-оценочное восприятие и синтетический подход в построении картины мира» (Курганова, 2007, с. 73—74).

К наиболее распространенным *методам анализа* принадлежат, в частности:

- 1) метод анализа словарных дефиниций;
- 2) компонентный анализ, применяемый для определения семантического прототипа понятия, лежащего в основе концепта;
- 3) дискурсный / дискурсивный анализ, который помогает раскрыть содержание концепта в научном, бытийном, обыденном сознании;
- 4) сопоставительный метод, помогающий определить сходства и различия вербализации того или иного концепта в разных языках;
- 5) интерпретативный метод;
- 6) контекстуальный анализ;
- 7) метод когнитивного моделирования;
- 8) метод социологического опроса (например, опрос с использованием элементов эксперимента);
- 9) методы количественного анализа.

Источниками языкового материала, на основе которых происходит реконструкция лингвокультурных концептов, служат чаще всего словари (толковые, этимологические, синонимические, комбинаторные, фразеологические, ассоциативные,

словари-тезаурусы, корпусные словари¹, словари пословиц и поговорок), тексты художественных произведений, публицистических и научных изданий, тексты СМИ, высказывания выдающихся деятелей, результаты анкетирования носителей языка (ср. Хизова, 2005, с. 1—4).

В исследовании целесообразно придерживаться синхронного среза при описании, диахронно можно использовать (лишь) для обозначения тех/иных изменений в концепте, тех/иных его черт.

В качестве примера диахронного анализа концепта приведем исследование концепта «радость» в русской языковой картине мира, проведенного Э.Г. Шимчук на основе данных нескольких периодов истории русского языка: «В современном русском языке *радость* противопоставляется *удовольствию* по признакам ‘духовное’ — ‘телесное’. *Радость* и ее синонимы *ликование*, *торжество* — обозначения положительного чувства, живущего в душе и сердце (духе) человека. Это чувство тяготеет к сфере высокого, духовного, небесного.

Удовольствие, то есть положительная чувственная реакция на приятное и/или полезное, возникает преимущественно (хотя и

¹ По мнению М. В. Михайлова (Институт современных языков и переводоведения, Тамперский университет, Финляндия), в качестве альтернативного пути можно предложить изучение данных, полученных из корпусов текстов. Информация о частотности тех или иных слов / семантических групп позволяет судить об их важности в культурной среде и может служить объективным критерием для сопоставления с данными других языков. Интерес может представлять как сравнение одноязычных корпусов текстов, близких по объему и аналогичных по структуре, так и исследование параллельных корпусов текстов, включающих оригинальные тексты и их переводы на другой язык. Переводы дают «смазанную» картину, позволяющую установить, в чем заключается влияние исходного языка на язык перевода и с какими трудностями сталкивается переводчик. Однако для получения максимально точной информации необходимы так называемые аннотированные корпуса текстов, т. е. текстовые массивы, в которых лингвистически релевантная информация «помечена» специальными маркерами.

не только) на материальной основе. *Удовольствие* воспринимается в первую очередь как "радость тела". Признаки, образующие современный концепт *удовольствие*, объединяют слово *удовольствие* с такими лексическими единицами, как *наслаждение*, *блаженство*.

Лексическая оппозиция *радость* — *удовольствие* — результат поздних процессов: само слово *удовольствие* вошло в русский язык в начале XVIII века, до середины XIX века *радость* и *удовольствие* функционируют как дублиеты. Данные русских письменных памятников XI—XVII веков позволяют предполагать, что для раннего Средневековья характерно нерасчлененное "телесное" представление *радости* — *удовольствия* (*довольства*): это и определенное проявление чувства человека/сообщества людей / окружающего мира, и лицо, предмет или событие, являющиеся воплощением данного чувства.

В ряде контекстов древнерусские *радѣ*, *радовати* выражают желание (пожелание) вызвать или продлить приятное или полезное событие. В комплекс средневековых представлений, связанных с внешними проявлениями *радости*, входят пение, пляски, смех (нередко громкий), улыбки, плач.

В языке древнерусской письменности *радость* образует пару с *весельем*. *Радость* — *веселье* "живут" в земном и горнем мире, а также в человеке — его сердце, душе и теле. Обращалось внимание на то, что в ранних текстах намечается противопоставление *веселье* — *радость* по признакам 'небесное' — 'земное'. Однако данное противопоставление не закрепилось: возможно, двусмысленность книжного слова, его устойчивое соотнесение и с земным, и с небесным миром (ср. контекст из Евангелия: *въниди въ радость Господа своего*, Матф. 25.21 — Остром. Ев.), приводят к тому, что лексема *радость*, вплоть до Нового времени продолжая быть именем того, что чувственно открывается человеку в земном, с известного момента становится также обозначением умопостигаемой эмоции, внутреннего переживания, приписываемого индивидууму».

Вместе с тем включение в круг когнитивного анализа все новых и новых тематических разрядов лексики приводит к тому, что количество концептов растет геометрически. Ученые опасаются, что грань между концептуальным анализом и лек-

сикологией будет размыта. Если когнитивный анализ растворяется в лексикологии, то он потеряет значимость особого когнитивного подхода к реконструкции культурных смыслов, ибо не может концептосфера культуры состоять из двухсот тысяч компонентов¹.

Таким образом, при исследованиях следует учитывать тот факт, что лингвокультурный концепт — единица более емкая, чем лексема, и концептологический анализ ориентирован на культуру, тогда как лексикологический — на язык (Виноградов, 2007).

Вопросы для самоконтроля

1. Что такое концептуальный анализ?
2. Назовите наиболее распространенные методы анализа концептов.
3. Опишите методику исследования структуры концепта.
4. Назовите этапы сопоставительного исследования концептов.

1.3.4. Типы концептов

Сложный характер структурной организации концепта предполагает, что за ним могут стоять и пониматься знания разной степени абстракции, т.е. различные форматы знания. Концепт может быть и отдельным смыслом, и целой концептуальной структурой, которая включает другие концепты меньшей степени абстракции. По своему содержанию и степени абстракции концепты могут подразделяться на следующие типы (Болдырев, 2000): 1) конкретно-чувственный образ; 2) представление или мыслительная картинка; 3) схема; 4) понятие; 5) прототип; 6) пропозициональная структура; 7) фрейм; 8) сценарий (скрипт); 9) гештальт.

¹ Ср. Ю.А. Степанов посвящает анализу 22 ключевых концептов русской культуры, которые обозначает как «константы», более тысячи страниц текста своего труда.

Конкретно-чувственный образ — это образ конкретного предмета или явления, присутствующий в нашем сознании, например:

образ определенного *дома*, того, в котором мы живем, например образ деревенского дома, или особняка, или многоэтажного дома, и т. д.

Представление — это обобщенный чувственный образ разного рода предметов и явлений, например:

дом вообще — любой жилищный объект с крышей, окнами, дверями.

Представление, таким образом, отражает совокупность наиболее наглядных внешних признаков предмета или явления.

Схема — это мыслительный образец предмета явления, имеющего пространственно-контурный характер, например:

общие контуры человека, дома, траектории движения.

Схема предполагает определенную степень абстракции.

Понятие — концепт, содержащий наиболее обобщенные существенные признаки предмета или явления, его объективные, логически конструируемые характеристики, например:

ромашка — травянистое растение семейства сложноцветных с цветками, у которых лепестки обычно белые, а середина желтая (Ожегов, Шведова, 1995, с. 673).

Понятие возникает на основе представления или схемы в результате абстрагирования от второстепенных признаков.

Прототип — категориальный концепт, дающий представление о типичном члене определенной категории. Это могут быть наиболее часто встречающиеся, типичные, примеры, социальные стереотипы, идеалы, образцы, например:

представления о герое — человеке как образце мужества и стойкости (*Александр Невский; Дмитрий Донской; Иван Сусанин; гражданин Козьма Минин и князь Дмитрий Пожарский; непобедимый флотоводец адмирал Ушаков, Кутузов* и т. д.); о типичном политике (*Маргарет Тэтчер, Гельмут Коль*) и т. д.

Данные концепты служат опорными точками, с помощью которых человек делит свои знания об объектах и явлениях окружающего мира на определенные категории и выносит свои суждения о них.

Пропозициональная структура / пропозиция — наиболее распространенный способ концептуальной организации нашего знания. Она представляет собой модель определенной области нашего опыта, в которой выделяются элементы — аргументы и базовый предикат, связывающий эти аргументы, даются их характеристики, указываются связи между ними. Семантические отношения между аргументами представляются в виде определенных семантических функций (Болдырев, 2000, с. 36—37).

Фрейм — объемный, многокомпонентный концепт, представляющий собой информацию о стереотипной ситуации (напр., фрейм «университет»). Фрейм может быть представлен в виде двухуровневой структуры узлов и отношений:

- 1) вершинные узлы, содержащие данные, всегда объективные для данной ситуации (*студенты, преподаватели, лекции*);
- 2) терминальные узлы, или *слоты*, которые заполняются данными из конкретной ситуации (нередко слоты представляются как подфреймы, или вложенные фреймы: *абитуриенты, студенты-пятикурсники*). Активизируя фрейм через данные второго уровня, можно воссоздать всю структуру ситуации в целом.

Сценарий, или скрипт (от англ. *script* — сценарий), — это динамически представленный фрейм как разворачиваемая во времени определенная последовательность этапов, эпизодов, например:

отдельные эпизоды внутри фрейма «университет»: *сессия, экзамен, школьная практика, подготовка к семинарскому занятию*.

Гештальт (от нем. *Gestalt* — фигура, образ) — это концептуальная структура, целостный образ, который совмещает в себе чувственные и рациональные компоненты в их единстве, как результат нерасчлененного восприятия ситуации, высший уровень абстракции: недискретное, неструктурированное знание. Гештальт может рассматриваться, с одной стороны,

как начальная ступень процесса познания, на которой у индивида сформированы лишь самые общие, неструктурированные знания, например:

гештальт *университета* для тех, кто никогда не учился в вузе и не знает, какова его структура, как строится учебный процесс.

С другой стороны, гештальт может пониматься как высшая ступень познания, когда человек обладает исчерпывающими, осознанными и систематизированными знаниями об объекте, владеет разными типами концептов, например:

у индивида сформировались: *конкретный образ*, напр., здания университета или аудитории, *общая схема* университета, *научное понятие* высшего университетского образования, последовательность этапов обучения в форме *сценария*, общая структура всех составляющих университета и университетского образования в виде *фрейма*.

В последнем случае гештальт выступает как концептуальная система, объединяющая все вышеназванные типы концептов, которые постоянно вычленяются в процессе познания, актуализируя свой образный, понятийный, схематический, фреймовый и другие уровни, или разные комбинации этих концептуальных сущностей. Все они тесно переплетаются в мыслительной и речевой деятельности человека (Болдырев, 2000, с. 36—38)¹.

¹ Характерно, что и в процессе осмысления такой сложной сущности, как время, возникают концепты различной степени абстракции. Цельный, культурно-обусловленный концепт времени можно назвать «калейдоскопическим», текучим: за номинацией «время» стоят такие концепты, как: а) мыслительная картинка (время — корабль, никогда не бросающий якоря); б) схема (берегите время — это ткань, из которой сделана жизнь); в) фрейм (время неподвижно как берег); г) сценарий (время скребет, роет нас, как землекоп почву, и обнажает нашу геологию). Таким образом, «время» предстает эмоционально маркированной, метафорически насыщенной категорией и, будучи номинацией абстрактной семантики, не является «пустой», отвлеченной сущностью (Бабушкин, 1997, с. 149).

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите существующие типы концептов.

2. Объясните, в чем состоит особенность таких концептов, как: а) сценарий/скрипт; б) схема; в) понятие; г) прототип; д) фрейм; е) гештальт.

3. Классифицируйте следующие концепты (возможны несколько вариантов ответа): первый подснежник на клумбе; посещение музея; тополь; библиотека; цветущая каштановая аллея; магазин; яблоко; деревенский дом; однопалубное судно; «Крузенштерн»; сентябрь; профиль человека; школа; профессор; идеальный студент; гимназия № 1.

1.3.5. Роль языка в процессе концептуализации

Огромная роль в реальности повседневной жизни принадлежит языку. Любые формы взаимодействия людей без языка были бы невозможны. Язык является одним из основных инструментов концептуализации окружающего мира. Это означает, что, с одной стороны, большая доля информации о мире поступает к нам с помощью языка: из учебной, художественной и научной литературы, языкового общения, изучения значений и языковых единиц. С другой стороны, язык помогает нам свести воедино и обобщить всю информацию, поступающую по другим каналам: через зрение, слух, обоняние и т. д. Именно язык помогает свести воедино результаты чувственного опыта, предметно-практической деятельности, умственной деятельности. Таким образом, язык обеспечивает доступ ко всем концептам, независимо от того, каким способом они сформированы.

Для формирования концептов и их существования язык сам по себе не требуется. Он нужен для обмена мыслями (концептами) и для обсуждения их в процессе общения. Для этого необходимо назвать концепты, выразить их языковыми средствами, т. е. вербализировать. Различные средства выражения концептов в языке (т. е. средства языковой репрезента-

ции, языкового представления концептов) составляет один из основных предметов исследования когнитивной лингвистики.

В языке концепты находят выражение в лексических, грамматических, фразеологических системах, а также на фонетическом уровне (например, интонационно и звукоподражательно).

Соотношение концепта и его языковой оболочки может быть следующих видов:

1) полное соответствие слова концепту — чаще всего это происходит при передаче конкретного концепта, связанного с устойчивым чувственным образом. В этом случае достаточно значения отдельного слова, которое вызывает в сознании образ, например: *яблоко, стол, ручка* и т. д.;

2) имеющееся в языке слово частично соответствует концепту; это связано с различными типами концептов:

Эмоционально-оценочные и предметные концепты актуализируются в речи по-разному, ср. «*Чудно! Восхитительно! Замечательно!*») как языковая реализация концепта положительной оценки;

3) однословная репрезентация для существующего концепта отсутствует — это происходит по мере усложнения выражаемых смыслов и возникновения дополнительных ассоциаций, знаний; в этом случае используются словосочетания или предложения; наглядным примером этого являются абстрактные концепты, которые требуют развернутых описаний — научных или словарных дефиниций, текстовых иллюстраций;

4) слово не соотносится с концептом ввиду отсутствия социальной потребности обозначать соответствующее явление в данной языковой общности:

в русской картине мира, например, отсутствует характерный для английского мировосприятия концепт "privacy", который можно передать словами «уединение, уединенность», «секретность»;

5) возможность передачи концепта только с помощью целого *текста* или ряда произведений одного/нескольких авторов, например, «русская душа», «русский характер», «англий-

ский юмор», «чувство собственности». Концепты такого рода обычно трудно выразить одним предложением или в виде пространного определения. Они требуют осмысления большого количества ситуаций, отражающих определенные, взаимосвязанные аспекты названных концептов.

Так, невозможность выразить концепт «русская душа» при помощи одной/нескольких лексем объясняется всеобъемлющим характером этого концепта для русского мировоззрения. Русская языковая модель человека определяется противопоставлениями идеального и материального (духа и плоти) и интеллектуального и эмоционального (ума и сердца). Концепт «душа» занимает центральное положение в языковой картине мира, поскольку в нем синтезируются свойства материального, идеального, интеллектуального и эмоционального. Духовное начало определяет мир и гармонию состояния человека (Бурова, Буров, 2007, с. 186).

Различия в объеме концепта можно проследить на примере фразеологизмов. Приведем результаты исследования О. Ю. Нуждиной реализаций концептов «душа» и "soul".

Понятие «душа» в английском и русском языка, следовательно, и реализация концепта «душа» и "soul" не контрастируют. Объем семантики слов — имен концептов — приблизительно одинаков в обоих языках, но не их употребительность. На 45 примеров, включающих лексему *soul* в английском языке, приходится 115 выражений с лексемой *душа* в русском языке. Различие в частотности употребления составляет 40 процентов. Русское слово *душа* гораздо более распространено, чем английское *soul*, и играет огромную роль в жизни русского народа. Обратим внимание, что в русском языке слова *душа*, *дух*, *духовный* одного общеславянского корня. Слово *душа* образовано с помощью суффикса *-j-* от той же основы, что и *дух*. В слове *дух* корень тот же, что и в словах *дохнуть*, *дышать* (образовано с помощью суффикса *-ьти* от той же основы, что и *дыхати*). В этих словах одна и та же основа выступает в перегласованном виде. В английском же языке этимология слов *soul* и *spirit* различна. *Soul* восходит к древнеанглийскому *sawol*, *saw(e)l*. В готском языке — *saiwala*, в старосаксонском варианте — *seola*. Слово *spi-*

rit имеет общие корни с англо-нормандским *esprit*, древнефранцузским — *esperit* и *esprit*, лат. *spiritus*.

В русском языке слово *душа* дает наивысшую частотность употребления в значении «внутренний психический (психологический) мир человека». Это слово является для англоязычного мира довольно трудным и не вполне ясным, и часто в речи слово *душа* (*soul*) заменяется на *сердце* (*heart*). Так, например, со всей душой, от души — *with all one's heart*; душа нараспашку — *open-hearted*; в глубине души — *in one's heart, at heart*; брать за душу — *tug someone's heartstrings*; вкладывать душу — *put one's heart into something*.

Другие, довольно привычные русские выражения со словом *душа* переводятся на английский язык с опущением и *soul* и *heart*. При сопоставлении получаем следующее: *жить душа в душу* — *live in harmony*; *душа не на месте* — *feel anxious, worried*; *это мне не по душе* — *I really don't like it*; *души не чаять* — *think the world of somebody*; *(не) иметь за душой* — *in one's possession*; *отвесми душу* — *relieve one's feelings*; *стоять над душой* — *pester, harass somebody* и т. д.

Из общего числа сочетаний с лексемой *душа* на английский язык с соответствующей лексемой *soul* переводится 10 процентов сочетаний, с лексемой *heart* — 20 процентов. Перевод 70 процентов устойчивых выражений производится с использованием английской общепотребительной лексики с опущением соответствующих лексем (Нуждина, 2007, с. 210).

Вопросы для самоконтроля

1. Какова роль языка в процессе концептуализации?
2. Каким образом концепт соотносится с языковой формой?
3. Как соотносятся лексические реализации концепта «душа» в русском и английском языках?

I.3.6. Концепт и языковое значение.

Способы представления структур знаний в языке

Неоднородность содержания и организации разных основ концептов, а также многообразие способов их представления (репрезентации) в сознании человека отражает неоднородный

характер предметов и явлений окружающего мира. Это проявляется в многообразии и разноплановости языковых средств, используемых для их выражения. По способу языковой выразительности выделяют следующие типы концептов:

а) *лексические*, которые передаются значением конкретного слова, например:

Родина/Fatherland/die Heimat/la Patrie;

б) *фразеологические*, передающиеся значениями фразеологических сочетаний, например:

на седьмом небе от счастья/to be in seventh heaven/on cloud nine/im siebten Himmel sein;

в) *грамматические*, которые находят отражение в грамматических формах, категориях, синтаксических структурах, например:

концепт предшествования передается во всех трех языках системой прошедших времен;

концепт множества — формами множественного числа и т.д. (Болдырев, 2000, с. 42).

Конкретно-чувственный образ передается значениями большинства слов, содержащих конкретные, наглядные внешние характеристики, например:

стол — предмет мебели в виде широкой горизонтальной пластины на опорах, ножках (Ожегов, Шведова, 1995, с. 375);

table — a flat surface, usually supported by four legs, used for putting things on (CIDE, 1998, p. 1483);

Tisch —m — Moebelstueck, das aus einer waagrecht auf einer Stuetze, in der Regel auf vier Beinen, ruhenden Platte besteht, an der gegessen, gearbeitet werden kann (Duden, 1996, S. 1536).

Иногда подобные концепты иллюстрируются в словарях с помощью картинок. Конкретные зрительные образы связаны также с именами известных исторических, политических и общественных деятелей, знаменитых актеров, музыкантов, спортсменов, например:

Суворов, Пепл I, Winston Churchill, Queen Elizabeth, Bismark, Boris Becker, Jeanne D'Arc.

Представление, или мыслительный образ/картинка, выражается лексическими единицами, называющими класс конкретных предметов. Соответственно их значения передают обобщенные чувственные образы, совокупность наиболее наглядных, чувственно воспринимаемых зримых признаков, например:

петь — издавать голосом музыкальные звуки, исполнять вокальное произведение (Ожегов, Шведова, 1995, с. 506);
sing — to make musical sounds with voice, usually producing words to match a tune (CIDE, 1998, p. 1340);
singen — mit der Stimme (ein Lied, eine Melodie) hervorbringen, vortragen (Duden, 1996, S. 1404).

Иногда мыслительная картинка раскрывается в самой внутренней форме слова, например:

колокольчик, подснежник / snowdrop / das Schneeglockchen.

Аналогичные концепты связаны и с именами собственными, называющими предметы/лица с определенными внешними характеристиками, а также с фразеологическими оборотами, например:

Колобок, Дюймовочка, дядя Степа; нос картошкой, хвост трубой, Humpty-Dumpty, Schneewitchen.

Концепты-схемы как пространственно-контурные представления передаются значениями таких слов, как *улица, путь, дерево*:

улица — два ряда домов и пространство между ними для прохода и проезда, а также само это пространство (Ожегов, Шведова, 1995, с. 819).
track — a mark or line of marks left on a surface, esp. the ground, by an animal, person or vehicle which has moved over the surface, and which shows which direction the animal, etc. has taken (CIDE, 1998, p. 1544—1545);

Baum — Holzgewaechs mit festem Stamm, aus dem Aeste wachsen, die sich in laub-odernadeltragende Zweige teilen (Duden, 1996, S. 212).

Концепт-схема, с одной стороны, близка к представлению, или «мыслительной картинке», поскольку может вызвать конкретный зрительный образ или может быть изображена графически; с другой стороны, это уже следующая ступень абстракции на пути к понятию.

Понятия представлены значениями слов, передающими лишь словесные определения обозначаемых предметов, например:

ель — вечнозеленое хвойное дерево семейства сосновых (Ожегов, Шведова, 1995, с. 183);

biology — the scientific study of the natural processes of living things (CIDE, 1998, p. 127);

Etymologie — Wissenschaft von der Herkunft und Geschichte der Woerter und ihrer Bedeutungen (Duden, 1996, S. 466).

Концептуальные признаки понятийного характера могут быть выражены также именами собственными, ставшими нарицательными, например:

Левша — мастер на все руки, народный умелец, *Иванушка-дурачок* — кроткий, терпеливый, простодушный человек, в решающий момент проявляющий находчивость, смелость и храбрость;

Дон Кихот/Don Quixote — человек, который борется за справедливость, и эта борьба нередко носит обреченный или бессмысленный характер; *Робин Гуд/Robin Hood* — благородный человек, защитник обездоленных.

Концепт-фрейм представлен в значении слов, связанных ассоциативными связями с другими словами и лексико-семантическими группами, например:

школа, музей, библиотека, университет.

Эти слова вызывают в сознании говорящего ассоциативный ряд:

университет — факультет — деканат — кафедра — отделение — студенты — преподаватели — аудитории — кабинеты и т. д.

В значении таких слов отдельные подробности, характеризующие называемый объект, сводятся как бы в единое целое, в объемное представление некоей комплексной ситуации. Знание этой ситуации, а также возможной последовательности событий в рамках этой ситуации и позволяет воспринимать значение конкретной языковой единицы как передающей концепт-фрейм. Подобные значения передаются и фразеологическими единицами:

приемный покой, hall of residence.

Сценарий выражается словами, в значении которых заложена определенная динамика развития событий, схема действий, например:

лекция, exam, wedding, die Exkursion.

Это преимущественно отглагольные имена и имена событийной семантики, а также фразеологические сочетания типа:

бить баклуши, to come up against a brick wall.

Значения подобных слов и словосочетаний подразумевают последовательность определенных этапов, разворачивающихся во времени, например:

концерт — публичное исполнение музыкальных произведений (возможно в сочетании с хореографическими, декламационными и другими номерами) (Ожегов, Шведова, 1995, с. 287);
die Exkursion — Gruppenausflug zu wissenschaftlichen oder Bildungszwecken (Duden, 1996, S. 471).

Кроме того, в определении может уточняться распределение ролей между участниками этих событий, например:

exam — a test of a student's knowledge or skill in a particular subject which results in a qualification if a student is successful (CIDE, 1998, p. 475).

Концепт-гештальт может воплощаться в языке не только отдельными словами, но и целыми текстами, являясь высшей ступенью знания об объекте, целостным, нерасчлененным представлением о сущностях реального мира. Иногда гештальтный образ может скрываться за самыми простыми, «обыденными», на первый взгляд, словами. Так, в качестве примера языковой реализации гештальта «стол» можно привести эссе калининградской журналистки Елены Дашковской:

«Длань Бога — так называли на Руси стол в доме. Потому что как с ладони Творца, с молитвой и благодарностью принимали здесь пищу, читали Священное Писание. Недаром он всегда был большим — четырехугольным или круглым, стоящим посреди главной комнаты в доме — горницы.

С христианской точки зрения стол — олицетворение Вселенной, Земли, и в то же время — лицо дома. По столу исстари судили об устоях семьи, нравах хозяев, в более широком смысле — о гармонии человека с миром.

Упоминание о столе не раз встречается в Священном Писании. Например, в Кане Галилейской для сидящих за свадебных столом гостей Иисус Христос совершил первое чудо. За Тайной Вечерей стол стал основанием для вина и хлеба, мистическим образом превратившихся в Тело и Кровь Бога!

Были и другие столы — для мена и торга. Изгоняя торгующих из дома Божия — храма, Христос перевернул их. Это напоминание верующим — рано или поздно перевернется стол, не созвучный миру Господа. А он тесно переплетен у нашего народа с церковным годом. Где новогодье — всего лишь светская дата, выпадающая на время поста. Отмечать ее можно — недаром 1 января во всех храмах служатся специальные новогодние молебны. Но скромно.

Другое дело — Рождество и шумные Святки сразу за ним, вплоть до Крещения 19 января. Эти дни исстари считались особой порой — время встреч близких и дальних родственников, друзей и соседей. Именно в эти дни принимали "веселых гостей" — не в пример Святой седмице, когда принято было приглашать в дом духовенство.

При таком подходе Рождественский праздничный стол — призыв к единению. Общая трапеза за ним сближает, умиряет

сердца, гасит обиды, настраивает на взаимопонимание. Недаром "Домострой" предписывал в Святки: "Завтракать мужу и жене врозь отнюдь не пригоже, разве если кто болен". Разъяснялось также: покрытый нарядной скатертью, стол олицетворяет светлые добрые мысли хозяев, уют и порядок в доме. Букет из цветов, еловых веток — надежду и пожелание добра.

В современных семьях большого стола зачастую нет. Конечно, не в каждый дом он и поместится. Но даже журнальный или раскладной столик становится в рождественские праздники местом единения семьи. И как бы ни складывались обстоятельства в течение года, куда бы не раскидывала жизнь домочадцев, рождественский стол напомнит: нет ничего милее близких по духу, родных людей».

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите три группы концептов, классифицированных по способу языковой выраженности (приведите свои примеры).
2. Приведите собственные примеры лексического выражения концепта-схемы, концепта-сценария, концепта-фрейма, концепта-представления в английском/немецком/французском языках.

I.3.7. Грамматические концепты

Наряду с лексическими концептами, существенная часть концептуальной информации различного уровня абстракции закрепляется в грамматическом строе языка в виде *грамматических концептов*. К числу подобных концептов относятся, в частности, мыслительные образы, которые формируются в сознании говорящего на основе языкового опыта передачи отношений между предметами окружающего мира (напр., *отношение обладания* в притяжательном падеже английского языка) и их характеристики (напр., *характеристика множественности или единичности* в формах числа). Грамматические концепты возникают в результате обобщения информации о языковых единицах, их свойствах и употреблении, а также о том, каким образом связи и отношения между объек-

тами реального окружающего мира отражаются в отношениях между языковыми единицами.

Грамматические концепты составляют часть собственно языковых знаний и могут иметь различные когнитивные основания. Выделяют несколько типов грамматических концептов с учетом специфики их формирования и структуры в отдельных языках.

1. Элементарные грамматические концепты имеют чисто лингвистическую основу и носят формальный характер, например согласование времен в английском языке или согласование определения и определяемого слова в роде, числе и падеже в русском языке.

2. «Двухмерные» грамматические концепты имеют более сложную структуру, так как связаны с общими, неязыковыми понятиями, предполагают само знание этих экстралингвистических понятий и способов их представления в языке. К числу этих концептов относится концепт грамматического рода в русском, немецком, французском языке. С одной стороны, он имеет формально-языковой характер, поскольку характеристики конкретного грамматического рода приписываются всем существительным независимо от биологической природы обозначаемых объектов; с другой стороны, этот концепт опирается на внеязыковое понятие биологического пола, так что грамматический род существительных, обозначающих одушевленные объекты, обычно соответствует их биологическому полу. Вместе с тем возможны некоторые отступления, например:

в русском языке слова *врач, директор*, музыкант и т.п. могут совпадать с биологическим полом называемых лиц, и для таких случаев могут создаваться неологизмы, типа: *критик — критикесса, профессор — профессорисса*, разг. *профессорша*.

К числу «двухмерных» грамматических концептов относятся также различные средства синтаксической связи: например, союзы, предлоги, передающие некоторые пространственные, условные, причинно-следственные, временные и прочие

смыслы, а в немецком, английском и французском языках также артикли, выражающие категории *определенности/неопределенности*¹.

3. «Многомерные» грамматические концепты обладают наиболее усложненной структурой и предполагают знание неких общих понятий, языковых концептов и соотносящихся с ними явлений. Многомерные концепты предполагают определенную интерпретацию общих, неязыковых концептов посредством некоторых «относительных» (т. е. интерпретирующих, преломляющих) понятий.

К таким концептам относится концепт грамматического *времени*, включающий представления о реальном времени (настоящем, будущем, прошлом — оно обозначается лексемами *time/die Zeit*), грамматическом времени (настоящем, прошлом, будущем — передается лексемами *tense/Tempus*), а также понятие момента речи, которое определяет соотношение между реальным и грамматическим временами.

К числу «многомерных» относятся и так называемые синтаксические концепты. Это различные модели, некие структурные схемы простого предложения, указывающие на определенные типовые отношения между субъектом и предикатом, например:

бытие объекта (*Мы провели у моря целый день; There were beautiful roses in the garden; Es gibt viele interessante Buecher hier*);

бытие признака объекта (*У нее были голубые глаза и чудные золотые волосы; She is usually very frank; Dieses Auto ist ziemlich teuer*);

¹ Некоторые грамматические концепты могут занимать промежуточное положение между «двухмерными» и «многомерными» концептами, например концепт грамматического числа: с одной стороны, он является «двухмерным», так как включает в качестве когнитивной основы понятие количества и способы его языкового выражения; с другой стороны, использование грамматических форм числа зависит от знания таких реальных характеристик обозначаемых объектов, как «исчисляемость/неисчисляемость», «собирательность» и т. д.

самостоятельное перемещение объекта (*Мы выехали из города рано утром; We ran to the bus stop; Wir sind zusammen spazierengegangen*);

претерпевание состояния (*Мне было жарко; She felt exhausted after a long working day; Er war gluecklich*) и т. д.

Многомерность синтаксических концептов проявляется в представлении знаний языкового и неязыкового характера. Они отражают, с одной стороны, знание некоторого грамматического концепта (т. е. пропозиционального значения), а с другой — знание определенного концептуального содержания неязыкового свойства в виде суждения о мире (т. е. конкретный смысл предложения). В синтаксический концепт входит также знание синтаксической модели, синтаксических позиций и функций конкретных слов, используемых в предложении, синтаксических связей и т. п. (Болдырев, 2000, с. 42—45).

Вопросы для самоконтроля

1. Что следует понимать под грамматическими концептами?
2. Назовите основные типы грамматических концептов.

1.3.8. Фреймовая семантика

К числу наиболее распространенных концептов относятся фреймы, исследованием которых занимается одна из наук когнитивного цикла — фреймовая семантика.

В научный обиход понятие *фрейм* было введено М. Минским, под которым он понимал прежде всего структуру данных, предназначенную для представления стереотипной ситуации. Первоначально фреймы соотносились лишь со зрительными представлениями, или визуальными картинками. Однако универсальность этого понятия обусловила его использование по отношению к семантике отдельных слов, словосочетаний, фразеологизмов, предложений и даже целых текстов. Существует и более общее определение фрейма как представления языковой компетенции человека, без которой невозможна пра-

вильная передача информации от одного говорящего к другому (Белозерова, 2007, с. 118).

Как лингвистическая концепция *фреймовая семантика* была впервые предложена Ч. Филлмором в середине 70-х годов XX века. Первоначально в понятие фрейма исследователь вкладывал исключительно языковой смысл: фрейм понимался как система выбора языковых средств — слов, грамматических правил и языковых категорий, — которые могут ассоциироваться с типовыми ситуациями. Впоследствии понятие фрейма получило более когнитивное толкование: это когнитивная структура, знание которой ассоциировано с концептами, представленными словами. Общий термин «фрейм» используется для обозначения структурированных концептов (т.е. собственно фреймов, схем, сценариев, когнитивных моделей), в которых выделяются определенные компоненты и отношения между ними.

В настоящее время фрейм определяется как:

1) единица знаний, организованная вокруг некоторого концепта и содержащая данные о том, что существенно, типично, и возможно для этого концепта в рамках определенной культуры (Т. А. ван Дейк, В. Дреслер);

2) тип когнитивной модели, представляющей знания и мнения, связанные с конкретными, часто повторяющимися ситуациями (Ф. Унгерер, Х.-Й. Шмидт);

3) структура знания, объединяющая разнообразные области, ассоциативно связанные с данной языковой формой (Дж. Тейлор).

Фреймовая семантика занимается изучением и обоснованием связи лингвистической и энциклопедической информации при создании номинативных единиц. Это метод исследования взаимодействия семантического пространства языка (языковых значений) и структур знания, т.е. мыслительного пространства. Она изучает принципы структурирования и отражения части человеческого опыта, знаний в значениях языковых единиц, при этом подчеркивается непрерывность пере-

хода от языка к познавательному опыту, т. е. отсутствие четко очерченной границы между языковыми значениями и человеческим опытом.

Теория фреймов во многом возникла как попытка разрешить проблему зависимости языкового значения от познавательного опыта человека, поэтому для ее понимания необходимо рассмотреть отличия в отношении к контекстуальной обусловленности значения слова в структурализме и фреймовой семантике.

Для структуралистов, вслед за Ф. де Соссюром, значение слова определяется внутриязыковым контекстом, т. е. синтагматическими и парадигматическими отношениями между языковыми знаками внутри языковой системы, так что значение слова не зависит от того, что говорящий знает об объектах реального мира¹. Отсюда и возникновение теории лексического поля (т. е. определенного лингвистического контекста для раскрытия языковых значений), согласно которой слова группируются в виде определенных семантических областей, имеющих специфические для каждого языка формы организации. Рассматриваемая семантическая область полностью покрывается данной сетью слов, которые как бы соревнуются между собой за семантическую территорию и тем самым находятся в парадигматической оппозиции друг к другу.

Следовательно, для понимания значения отдельного слова необходимо знание и его позиции в этом поле, и места других слов данного поля. С этих позиций в рамках теории функционально-семантических полей (А. В. Бондарко) изучаются отдельные грамматические явления и категории: поле модальности, темпоральности, субъектности и т. д. Структурная лингвистика занимается изучением групп лексем ради них самих

¹ Примером является, в частности, наличие в английском и немецком языках слова *hand/Hand* (кисть руки), объем значения которого определяется существованием слова *arm/Arm*, и отсутствие подобной пары слов в русском языке, где оба значения покрываются одним словом *рука*.

и интерпретацией, например, лексико-семантических полей как исключительно языковых явлений (Болдырев, 2000, с. 55—60).

В когнитивной лингвистике контекст для определения языкового значения является внешним по отношению к языковой системе.

Так, если в структурной лингвистике значение слова *toothbrush/зубная щетка* определяется семантикой других языковых единиц, напр., *nailbrush/щетка для ногтей*, *hairbrush/щетка для волос*, то когнитивисты полагают, что смысл этого слова зависит от функции, которую выполняет называемый объект в повседневном опыте человека, а не от противопоставления другим словам в системе языка.

Таким образом, значение языковой единицы становится понятным только в контексте других когнитивных, а не языковых структур, т. е. на фоне другого, например, более крупного концепта, например:

«пятерка» на фоне концепта «оценка» в контексте общего представления о системе оценок знаний в отечественных учебных заведениях и на фоне концепта «городской транспорт».

Вербализация этих структур в языке не важна, так как лексическое значение слова в большей степени определяется своим когнитивным основанием, чем другими, противопоставленными ему словами.

За значениями слов стоят когнитивные контексты, т. е. некие когнитивные структуры, или блоки знания, которые обеспечивают их понимание. Ч. Филлмор называет эти контексты фреймами (*frames*), Р. Лэнекер — когнитивными сферами/областями (*cognitive domains*), Ж. Фоконье, Дж. Лакофф — ментальными пространствами (*mental spaces*) (Болдырев, 2000, с. 57—60).

Принято выделять следующие *свойства фреймов*:

1) взаимосвязь и взаимопроникновение фреймов (фреймы не изолированы друг от друга, а тесно взаимодействуют между собой);

2) возможность концентрации (фокусировки) внимания человека на любой части фрейма;

3) идеальный характер фрейма (фрейм отражает «образцовую» картинку объекта или ситуации, которая служит некоей точкой отсчета для объяснения непосредственно наблюдаемых ситуаций, с которыми человек имеет дело в действительности).

Формально фреймы описываются как структура *узлов и отношений*: «Вершинные уровни фрейма фиксированы и соответствуют понятиям, всегда справедливым по отношению к предполагаемой ситуации. Ниже этих узлов — терминальные узлы, или слоты. Каждый терминальный узел может указывать на условия, которым должно отвечать его заполнение. Часто такое заполнение представляется как подфрейм — вложенный фрейм. Такова в общем виде сложная структура фрейма» (Белозерова, 2007, с. 118—119).

С точки зрения фреймовой семантики языковая единица приобретает свое значение в результате *выделения* (*профилирования* в терминологии Р. Лэнекера) конкретного участка или структуры в пределах соответствующей когнитивной области; *выделение* предполагает структурирование этой области с помощью схемы.

Выделяют схемы *включения, ограничения, последовательности, «вверх-вниз», «часть-целое», передвижения, соединения, разъединения, приближения, удаления*, например:

понимание слов *год/year/das Jahr/annee, месяц/month/der Monat/mois; неделя/week/dieWoche/semaine* связано с выделением конкретных участков внутри концепта «время» с помощью схемы ограничения;

понимание лексемы *нос/nose/die Nase/nez* вырисовывается в результате применения схемы «часть-целое» к концепту «лицо».

Лексическое значение слова, по мнению Ч. Филлмора, передает определенную сцену или ситуацию, которая соотносится с фреймом знания посредством «перспективы», т. е. фокусировки внимания на отдельных элементах фрейма, например:

глагол *продавать/sell/verkaufen/vendre* фокусирует внимание на продавце и товаре, глагол *покупать/buy/kaufen/acheter* — на покупателе и товаре, *платить/pay/zahlen/payer* — на товаре и деньгах в рамках фрейма «торговая сделка».

Перспективизация события или фокусировка внимания (или выделение *фигуры* и *фона*, в работах Р. Лэнекера) определяет синтаксическую функцию слова в предложении, например:

в глаголе *buy/kaufen* покупатель является субъектом действия, а продавец — объектом, при глаголе *sell/verkaufen* — наоборот.

Привлечение фреймовых структур может способствовать исследованию разнообразных языковых явлений, например отдельных языковых единиц. Так, при передаче того или иного концепта лексическая единица активирует соответствующий когнитивный контекст, или фрейм как модель быденного знания об основных концептах. Когнитивный контекст — это модель культурно-обусловленного, общепринятого знания, которое разделяется, по меньшей мере, частью языкового сообщества. При этом до сих пор неразрешенной проблемой остается установление той грани, за которой кончается языковое знание (т.е. понимание языкового значения) и начинается знание о мире в целом, т.е. общее, энциклопедическое, неязыковое знание (Болдырев, 2000, с. 55—63).

Во фреймовой семантике выделяются несколько типов фреймов:

1) *ситуационные* фреймы отражают знания событийного, неязыкового характера (описанные выше фреймы торговой сделки, внешности и многие другие);

2) *классификационные* фреймы представляют собой определенные структуры языкового знания, разного типа сочетаемостные, словообразовательные фреймы, фреймы классов слов, текстов, т.е. классификационные модели, в которых отражены принципы организации языковой системы (фрейм, позволяющий отнести слово к определенной части речи, а текст — к жанру).

Классификационные фреймы играют значительную роль в процессе формирования грамматических концептов, позволяя отнести ту/иную языковую форму к определенному лексико-грамматическому разряду.

Кроме того, выделяют семантические фреймы (фрейм-слово), сценарные фреймы (фрейм-ситуация), текстовые фреймы (фрейм-интерпретация), с помощью которых человек понимает слова, рассуждения, действия, повествования (Кривцова, 2004, с. 47—48).

Так, например, по мнению Е. В. Ивановой, при описании природных катаклизмов в текстах немецкоязычного экологического дискурса часто используется сценарный фрейм «*Наказание Бога*», в состав которого входят такие слоты, т. е. терминальные узлы фрейма, как:

Причина наказания: Die Flut bestrafte uns fuer unser *Selbstbewusstsein* und fuer unsere *Arroganz* (SZ 15.06.2005) — Наводнение наказало нас за нашу *самоуверенность и высокомерие*;

Божий суд: In Algier wurden in der Zeitung "El Watan" die Augenzeugenberichten veroeffentlicht: "Ich bin sicher, das ist ein *Gottesgericht*, Gott ist uns wuetend wegen unserer *Taetigkeit*" (www.stern.de; 24.05.03) — В Алжирской газете «Аль Ватан» приводятся свидетельства очевидцев: «Я уверен, что это *суд Божий*. Бог прогневался на нас за наши дела»;

Исполнитель наказания: Die *Sintflut* wurde von Gott *als Strafe* ueber die *suendige* Menschheit verhaengt (Die Welt Online) — Потоп *послан* Богом грешному человечеству как наказание;

Способ избежать наказания: Nun sehen sie darin ein Zeichen Gottes. Sie haben ueberlebt, glauben sie, weil sie *im Einklang mit dem Schoepfer und seiner Natur leben*. Etwas weiter noerdlich, in Richtung der thailandischen Grenze, fuehlen sich die Menschen von Gott bestraft (ZEIT 04.01.2005) — Они видят в этом знамение Божие. Они верят, что выжили *благодаря тому, что живут в согласии с Творцом и его природой*. Чуть севернее, по направлению к таиландской границе, люди ощущают, что наказаны Богом (Иванова, 2007, с. 123—125).

Вопросы для самоконтроля

1. Что изучает фреймовая семантика?
2. Что понимается в когнитивной лингвистике под фреймом?
3. В чем состоит различие понимания контекстуальной обусловленности значения в структурализме и когнитивной лингвистике?
4. Назовите свойства фреймов.
5. Перечислите типы фреймов.

Тема I.4. Категоризация мира

I.4.1. Понятие категоризации

Категоризация является одним из ключевых понятий когнитивной лингвистики и раскрывает общие принципы познавательного процесса и формирования знаний. В процессе познания окружающего мира человек делит предметы и явления на определенные группы и категории, когнитивные сущности, которые и хранятся в памяти. В основе формирования категорий лежат определенные структуры знания — когнитивные модели, концепты, фреймы, т. е. знания о том, какие элементы входят в состав определенной категории, каковы их основные характеристики, какими отношениями они связаны с другими категориями, какие образцы являются более типичными для этой категории, а какие — менее типичными и т. д.

В когнитивной лингвистике под категоризацией понимается:

- 1) знание категорий объектов и явлений и их названия;
- 2) процесс отнесения объектов и явлений к конкретной категории с присвоением им соответствующих названий.

В качестве примера обратимся к проведенному Н. Л. Чулкиной (Российский университет дружбы народов, Москва) исследованию категории «повседневность»: «В социально-философском смысле категория "повседневность" предстает как первооснова постижения, освоения и преобразования человеком окружа-

ющего мира. Все же прочие формы знания и деятельности являются производными от нее. Столь высокий статус рассматриваемой категории ставит задачу ее внимательного изучения. Прежде всего, важно понять, каковы основные свойства повседневности, отмеченные исследователями, и как они отражаются в языковом сознании рядовых людей...

Переживание реальности жизненного мира каждым отдельным человеком зиждется прежде всего на том, что оно разделяется с *другими*. Свойство *интерсубъективности* выражается не только в необходимой для нормального существования личности установке на реальность мира повседневности, но и в исключительной важности осознания ею самого факта присутствия других в этом мире. Непосредственное присутствие *других людей* в нашей жизни определяет наше поведение, наши слова и поступки. Это же свойство обуславливает формирование категории "социального Я" — "подсистему целостного Я", представляющую собой обобщенную характеристику данного индивида окружающими» (Э. Гоффман).

Многие исследователи (П. Бергер, Т. Лукман, Э. Берн, А. Вежбицкая и др.) представляют повседневную жизнь и взаимодействие людей в достаточно формализованных, *стереотипных* для определенных этнических и социальных ситуаций структурах — схемах, сценариях и т. п.

Таким образом, можно сделать вывод о большой степени ритуализации, типизации и стандартизации социального взаимодействия людей в обыденной жизни. Это «глобальное» свойство повседневности — позитивный фактор, без него наша жизнь превратилась бы в непрерывную цепь взаимных «непониманий» и «невозможностей» решения жизненно важных проблем».

Существуют три основных теории процесса категоризации (Болдырев, 2000, с. 66—94).

1. *Классическая* (традиционная) теория о классах и видах была разработана еще древнегреческими философами Платоном и Аристотелем и доминировала в философии, психологии, антропологии, лингвистике и других научных дисциплинах вплоть до второй половины минувшего века. Основные положения этой теории следующие:

а) предмет относится к данной категории только тогда, когда у него присутствуют все основные признаки данной категории, набор которых известен;

б) границы категории строго определены;

в) все признаки категории бинарно противопоставлены;

г) все элементы категории равноправны по своей значимости.

Категория в рамках классического подхода воспринималась как вполне ясная структура, как некое абстрактное вместилище, в которое одни предметы входят, а другие находятся вне его. Условием включения предметов в категорию было наличие у них определенных общих свойств, определявших категорию в целом.

2. Теория Л. Витгенштейна, изложенная в его труде «Философские исследования», представляет собой альтернативную точку зрения на природу категорий.

Анализируя слово *Spiel* (игра), исследователь отметил, что данная категория не имеет четких границ, потому что отсутствуют те существенные признаки, по которым игры можно было бы отделить от не-игр (*настольные игры, игры с мячом, Олимпийские игры* — некоторым из них свойственна соревновательность, другие связаны с наличием физических или умственных способностей).

Данная категория строится не на основе общих существенных признаков, а на некотором подобии тех или иных характеристик, на их пересечении. Это могут быть общие сходства или сходства в деталях. Подобный принцип формирования категорий Л. Витгенштейн назвал принципом «семейного сходства»: в семье черты сходства могут встречаться в различных сочетаниях у разных членов семьи, но в то же время это одна семья. Знание определенной категории основывается на знании некоторых образцов, т. е. центральных, наиболее ярких представителей категории.

3. Теория прототипов возникла как дальнейшее развитие идей Л. Витгенштейна; ее основные положения были сформулированы в начале 70-х годов XX века американским психоло-

гом Э. Рош. Эксперименты Э. Рош показали, что процесс категоризации во многом опирается на человеческий опыт и воображение. При отнесении какой-либо сущности к некоторой категории человек исходит из принципа «семейного сходства», т. е. некоего реально воспринимаемого подобия между отдельными элементами категории, а также из сличения категоризируемой сущности с прототипом, т. е. «лучшим образцом категории», например:

Как показали эксперименты, для американцев наиболее типичными представителями категории «птица» являются малиновка (robin) и воробей (sparrow); наименее типичным — пингвин (penguin).

Исходные *принципы теории прототипов* сводятся к следующим:

1) в сознании человека мир определенным образом структурирован, что позволяет группировать объекты и явления в мыслительные структуры — категории; чувственно воспринимаемые объекты образуют естественные (природные) категории, а концептуально обусловленные объекты — семантические категории;

2) элементы категорий неравнозначны между собой, так как одни из них психологически более выделены и во внутренней структуре категории относятся к прототипическому ядру категории, в отличие от элементов периферии; степень приближения объектов к ядру определяется их сходством с прототипом (который является когнитивной точкой референции в силу того, что в нем воплощены все наиболее характерные признаки категории); вокруг прототипов группируются все входящие в данную категорию предметы, поэтому и принадлежность объекта к категории обусловлено его сходством с прототипом, т. е. наличием у него *прототипических характеристик*;

3) категории могут не иметь четко очерченных границ, между соседними категориями существуют переходные зоны; прототипические элементы категорий обладают наибольшим количеством свойств, общих с другими элементами категории и наименьшим количеством признаков, характерных для чле-

нов других категорий, тогда как непрототипические, или промежуточные между категориями, элементы имеют характеристики, в равной степени свойственные и одной и другой категории (ср. *кошка* и *кит*).

Прототипический подход не является единственно возможным, некоторые категории построены по образцу аристотелевских, классических категорий, но прототипический подход более гибок и более подходит при объяснении языковых явлений. Прототипический подход содержит в себе черты как классического подхода, так и теории Витгенштейна: «Центральные элементы прототипических категорий, обладая наибольшим количеством характерных признаков, с одной стороны, приближаются к идеалу классической, логической категории, которая, конечно же, более удобна и понятна, поскольку строится на основе четкого соответствия всех членов категории заданному списку признаков. С другой стороны, прототипические категории обладают той гибкостью, которая необходима для эффективной работы человеческого мышления и диктуется постоянно меняющимися знаниями о мире и ситуациями общения, так как они могут включать в свой состав новые элементы, даже если эти элементы имеют лишь один или несколько общих с прототипом признаков» (Болдырев, 2000, с. 84).

Вопросы для самоконтроля

1. В чем суть классической теории категорий?
2. Что нового внес в понимание природы категорий Витгенштейн?
3. Назовите ключевые положения теории прототипов.

I.4.2. Классификация прототипов

С точки зрения психологии прототип — это «центральный или типичный элемент категории», с когнитивной точки зрения — это концепт (гештальт, схема, образ и т. д.), лежащий в основе формирования категории и определяющий ее содержание, концепт категории или элемента категории.

Прототипы могут иметь различную природу, что позволяет классифицировать их следующим образом (Болдырев, 2000, с. 66—94):

а) *типичные примеры* (яблоко как типичный фрукт) обычно не осознаются, их использование имеет автоматический характер и носит преимущественно устойчивый характер;

б) *стереотипы* обычно осознаются, могут вызывать разногласия, претерпевать изменения со временем, часто применяются для быстрых, поверхностных суждений о людях, уподобляясь своеобразным ярлыкам. Среди них можно выделить такие типы (Юдина, 2007, с. 241):

национально маркированные стереотипы, характеризующие артефакты культуры (*итальянская пицца, китайский фарфор*) и национальные свойства (*немецкий порядок, французская галантность*);

регионально маркированные (*тульский пряник, оренбургский платок*);

гендерно маркированные (*дамские капризы, мужская гордость*);

обусловленные возрастными особенностями (*детский лепет*);

социально и профессионально маркированные (*барские замашки, профессорская забывчивость*);

в) *идеалы*, или абстрактные идеальные образцы:

материнская любовь, сыновний долг;

г) *образцы*:

Суворов — образец смелости; *Шопен* — образец музыкальной одаренности, *Менделеев* — пример научной гениальности;

д) *метонимическая модель*, в которой категория воспринимается как целое через меньшую подкатегорию, например:

категория «глагол» воспринимается через подкатегорию «акциональный глагол»;

к метонимическим моделям относятся также *частная модель* (напр., *МГИМО, Оксфорд, Сорбонна* — модели престижного образования).

Характерной чертой прототипического подхода является признание двух аспектов категоризации: вертикального и го-

горизонтального. *Горизонтальный аспект* категоризации предполагает, что тот или иной объект в обязательном порядке должен быть отнесен к определенной категории одного уровня обобщения, например к категории «книга», «газета» или «журнал»; в то же время этот объект можно соотнести с разными по степени абстрактности категориями, например: книга, издание, предмет (*вертикальный аспект*).

Существование категорий различной степени абстракции свидетельствует о том, что категоризация предметов и явлений окружающего мира может происходить на разных уровнях, т. е. заставляет говорить о разных уровнях категоризации в ее вертикальном аспекте, об определенной иерархической упорядоченности этих уровней. Один из уровней категоризации признается как базовый, а остальные — как суперординатный (*superordinate*, по терминологии Э. Рош, т. е. уровень высшего порядка, или вышестоящий уровень) и субординатный (*subordinate*, по терминологии Э. Рош, т. е. уровень низшего порядка, или нижестоящий уровень).

Категоризация как познавательный процесс состоит не только в делении мира на категории разного уровня абстракции и соотнесении с ними определенных объектов и явлений. Этот процесс предполагает выделение срединного уровня как психологически более значимого, т. е. базового. Категории организованы таким образом, что когнитивно более значимые, базовые категории сосредоточены в середине иерархии, обобщение происходит вверх по отношению к базовому уровню, а детализация — вниз по отношению к базовым категориям (Болдырев, 2000, с. 66—94).

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите виды прототипов.
2. Приведите собственные примеры прототипов.
3. Что понимается под горизонтальным/вертикальным аспектом категоризации?
4. На каких уровнях происходит категоризация?

1.4.3. Виды языкового знания и его категоризация

Знание как таковое является результатом концептуализации и категоризации реального мира. Языковое знание, будучи неотъемлемой частью общей концептуальной системы человека, является результатом изучения системы и структуры языка и его функционирования. Языковое знание чрезвычайно неоднородно. Это и знание языковых единиц, форм, категорий, синтаксических конструкций, их значений и функций.

Н. Н. Болдырев предлагает разграничить эти знания по трем главным видам (Болдырев, 2007):

- 1) вербализованное (т.е. отраженное в лексике) знание об объектах реального мира;
- 2) знание собственно языковых форм, значений, категорий, отражающих специфику того или иного языка;
- 3) знание языковых единиц и категорий, которые служат целям интерпретации концептуального содержания в языке.

В системе языковой категоризации эти виды языковых знаний выражены тремя типами категорий: 1) лексические; 2) грамматические (лексическо-грамматические); 3) модусные (интерпретативно-коммуникативные).

Их выделение обусловлено тем, что язык выполняет и одновременно совмещает две функции — когнитивную и коммуникативную.

Дело в том, что познание окружающего мира человеком происходит индивидуально. Оно основано на опыте каждого человека в его взаимодействии с окружающим миром. Языковое общение предполагает определенный уровень стандартизации знаний, коллективность знания, так как участники коммуникации являются представителями определенной общности людей (культурной, национальной, территориальной, социальной, профессиональной).

Таким образом, языковое знание в конечном счете — коллективное знание, а индивидуальное знание — это определен-

ная конфигурация знания, отличающаяся объемом, содержанием и интерпретацией.

Три системы категоризации в языке — лексическая, грамматическая и модусная — обеспечивают совмещение разных конфигураций и достижение понимания. Они обуславливают переход от аналоговой (лексической) к языковой (грамматической) и затем к интерпретирующей (модусной) категоризации. Эти системы создают возможность перехода от когнитивно-номинативной к когнитивно-дискурсивной функции языковых единиц и в целом языка.

Лексические категории отражают познание окружающего мира (знание о конкретных предметах, явлениях). Они представляют собой аналоговые (по отношению к естественным объектам) категории и по своей природе имеют логическую структуру.

Главный принцип формирования аналоговых категорий — инвариантно-вариантный, логический. Согласно этому принципу, центром категории становится слово с наиболее общим значением. Оно одновременно служит названием категории, ее инвариантом и основным идентификатором (в отношении к другим элементам данной категории — вариантам, т. е. словам с конкретным значением).

Например, как пишет Н. Н. Болдырев, «для лексической категории "птица" слово "птица" служит одновременно ее названием, центральным элементом (инвариантом) и категориальным идентификатором: *соловей — буро-серая птичка сем. дроздовых, отличающаяся красивым пением*» (Ожегов, Шведова, 1995, с. 735).

Логический характер структуры лексических категорий объясняется тем, что структура лексических категорий не совпадает с прототипической структурой категорий исследуемых объектов. Как пишет Болдырев, слово, называющее прототип естественной категории, может занимать не центральное, а периферийное положение одного из вариантов и не может служить категориальным идентификатором.

Например, исключается следующее определение: *соловей — это воробей, отличающийся красивым пением*. Логический принцип процесса категоризации (в направлении от нижнего уровня к верхнему и наоборот) определяет логическую природу категорий. Если обратиться к естественной категоризации, то в ней базовым, исходным уровнем считается срединный, и направление движения концептов происходит от базового к верхнему уровню (обобщение) или от базового к нижнему уровню (конкретизация). Это обуславливает перспективность исследования (вербализованного знания) с помощью концептуального и фреймового анализ.

Второй вид языкового знания связан непосредственно с природой самого языка, с его онтологией и отражается в грамматических категориях. По отношению к языку грамматические категории предстают как категории естественных объектов, поэтому для них характерна прототипическая структура.

Так, прототипическую структуру имеют лексико-грамматические разряды (классы) слов, на которые делятся части речи: прототипом в категории глаголов являются акциональные глаголы, т.е. глаголы действия, процесса; прототипом категории существительных — конкретные существительные; подобные отношения можно наблюдать в категориях имен собственных, имен прилагательных и т.д.

Грамматические категории отражают те стороны и свойства реального мира, которые отличаются наибольшей регулярностью и поэтому имеют обязательный характер при передаче в языковых формах.

В частности, временные значения в меньшей степени, чем пространственные, зависят от позиции говорящего и воспринимаются как более объективные и универсальные. Как следствие, темпоральные значения в языке в обязательном порядке представляются морфологическими категориями. Напротив, пространственные характеристики в индоевропейских языках (как отличающиеся в реальной действительности зависимостью от

позиции говорящего и достаточной вариативностью) отражаются в лексическом значении предлогов и других частей речи.

Особенности знания этого типа отражаются в формате представления его единиц в виде классификационных фреймов, ориентированных на систему языка.

Языковое знание третьего вида представляется языковыми единицами и категориями модусного типа. Они обеспечивают возможность различного объяснения говорящими некоторого концептуального содержания и формирования на основе этого отдельных смыслов.

Среди категорий модусного типа Н.Н. Болдырев называет категории отрицания, экспрессивности, приблизительности, очевидности, а также аксиологические категории. В основе каждой из них лежит соответствующий модусный концепт.

Особенность структуры и формирования модусных категорий состоит в том, что они объединяют языковые средства на основе общности их интерпретирующей функции. Модусные категории представляют собой формы отражения онтологии человеческого сознания, его интерпретирующей, объясняющей функции, формы проявления индивидуального опыта, оценок и знания. Данные категории имеют концептуально-языковую или логико-языковую природу.

«Интерпретация, — пишет Н.Н. Болдырев, — является неотъемлемым свойством человеческого сознания и познавательных процессов, в частности. В онтологической триаде "система мира — система языка — концептуальная система человека" она связана именно с человеком, его восприятием и оценкой системы мира и системы языка» (Болдырев, 2007, с. 104).

Вопросы для самоконтроля

1. Раскройте смысл понятия «знание».
2. Какие виды языкового знания выделяет проф. Н.Н. Болдырев?
3. Какие типы категорий выражают отдельные виды языкового знания?
4. В чем различие между аналоговой (лексической), языковой (грамматической) и модусной (интерпретационной) категориями?

Тема 1.5. Теории концептуальной метафоры и концептуальной интеграции

1.5.1. Теория концептуальной метафоры

Теория концептуальной метафоры возникла в конце 70-х — начале 80-х годов как концептуальное противопоставление лингвистическим теориям метафоры. Впервые о метафоре как концептуальном явлении заявил американский исследователь М. Рэдди в статье «Метафора канала» ("The Conduit Metaphor"). Введенный термин «концептуальная метафора» должен был указывать на связь между понятием — способом отражения мира сознанием — и использованием словесной языковой формы в процессе этого отражения (Опарина, 1990, с. 15). Вместе с тем, еще задолго до этого лингвисты указывали на то, что концептуализация непонятого происходит в терминологии уже известного. Об этом, в частности, писал в конце XIX века немецкий ученый Й. Штеклайн: «Мы можем представить себе духовное только с помощью чувственного. Для духовного не существует самостоятельных выражений».

Авторы лингвистической теории концептуальной метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсон рассматривают метафору как когнитивное явление, один из центральных процессов в концептуализации мира, часть мыслительной системы и языка. В теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона метафорика в языках предстает «не как собрание случаев переноса имен, объединенных общим принципом семантической деривации, но внутренне разрозненных, а в гораздо более упорядоченном виде — сгруппированных в блоки метафоризации, организуемые посредством так называемых базовых концептуальных метафор» (Никитин, 2000, с. 258).

В когнитивных исследованиях метафора понимается как способ концептуализации абстрактной или незнакомой сферы сквозь призму конкретной или интуитивно понятной сферы.

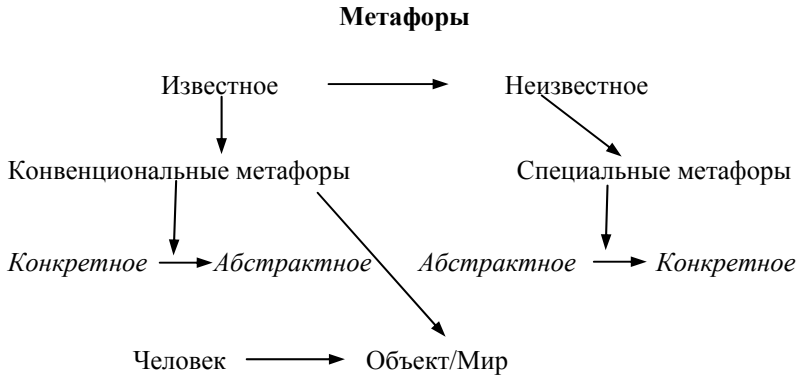
В процессе метафоризации конкретные понятия, свойственные обыденному сознанию, становятся моделями для осмысления сложных понятий, принадлежащих к различным сферам деятельности человека (Бородулина, 2002, с. 190). Это облегчает отображение тех фрагментов действительности, которые не даны в непосредственных ощущениях. По отношению к «непредметному миру» метафорическая номинация — основной способ выделения его в отдельный класс и представления в языковой форме. Одними из наиболее ярких примеров осмысления абстрактного сквозь призму конкретного являются метафоры времени.

Для осмысления времени активно используются пространственные (Много лет тому *назад*), динамические (*Прошло/минутло/промелькнуло/пронеслось/пролетело* несколько лет), предметные понятия (Сколько времени у нас еще *осталось?* *Уделите* мне несколько минут), персонификации (Время — лучший *лекарь/время покажет/научит*).

Противоположный процесс осмысления конкретного в терминах абстрактного происходит достаточно редко, при возникновении специальных метафор.

Например, концептуализация астрономических расстояний (конкретного) происходит на основе временных понятий (абстрактного) только при измерении пространства в *световых годах* (в метафоре *световой год/light year* временная единица — год — измеряется в пространственных понятиях — километрах *световой год/light year* = 94 630 000 000 000 km). Здесь метафора является «вынужденной», поскольку использование более чем десятизначных цифр в астрономических расчетах затруднило бы их понимание.

Таким образом, системную модель метафорических переносов можно представить в виде следующей схемы (приводится по Jaekel, 1997, p. 60):

Проследим, как происходит процесс метафоризации на концептуальном уровне. Метафоризируемый предмет или событие (например, время) представляет собой концептуальную *область цели* (target), тогда как концепты, используемые для его осмысления (например, пространство), относятся к *области источника* (source). Метафора возникает в результате системного проецирования, перенесения структуры концептуальной области источника на структуру области цели.

Рассмотрим этот процесс на примере высказывания о времени знаменитого философа Средневековья св. Августина Блаженного¹:

See: it [i. e. time] *came and went 'from day to day'* (Ps. 60, 9), and by *its coming and going* it implanted new hopes and other experiences to be remembering (Saint Augustine 1991, [iv, vii, 13] 60) — Дни приходили и уходили один за другим; входя и уходя, они бросали в меня семена других надежд и других воспоминаний (Аврелий Августин, 1999, с. 75).

¹ Св. Августин Блаженный (354—430), замечательный духовный писатель Западной Церкви, епископ Иппонский, оставил многочисленные труды, ставшие фундаментом для развития богословской науки в Европе; среди них наиболее известны «О граде Божием» и автобиографическая «Исповедь».

Здесь время (*time/ дни*), область цели метафорического переноса, осмысляется сквозь призму двух концептуальных областей: движения (*time came and went/its coming and going/дни приходили и уходили*) и одушевленного существа (сеятеля/садовника: *они бросали в меня семена надежд/days implanted hopes*). Это схематически представляется в виде двух концептуальных моделей: ВРЕМЯ ДВИЖЕТСЯ/TIME MOVES, ВРЕМЯ — ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО/TIME IS A CREATURE¹.

Значение концептуальных метафор состоит в их постоянном неосознаваемом употреблении: «Все, на чем мы основываемся постоянно, неосознанно и автоматически, настолько сжилось с нами, стало частью нас самих, что мы не можем этому противостоять, часто просто потому, что это проходит незамеченным» (Lakoff, Turner, 1989). Метафорам свойственно не исчезать, но оставаться в человеческом сознании, так что логические следствия их действия проявляются в особенностях понимания мира.

Вопросы для самоконтроля

1. Как понимается метафора в когнитивной лингвистике?
2. Опишите процесс метафорического переноса.
3. Почему метафора особенно активно используется при осмыслении абстрактных понятий?

I.5.2. Соотношение концептуального и языкового уровней в метафоре. Системность концептуальной метафоры

Метафора как базовый генеративный процесс является онтологической. Метафорическая проекция, происходящая на концептуальном уровне между двумя понятийными облас-

¹ Концептуальную метафору принято писать заглавными буквами.

тами, проявляется в языке в виде различных метафорических выражений: лингвистический аспект выражает глубинный, базовый когнитивный процесс.

Концептуальная метафора представляет собой концептуальную основу, идею или образ, общий для ряда языковых выражений. Языковая же метафора — поверхностное проявление (в виде слова, фразы или предложения) межпространственного проецирования в концептуальной системе. Таким образом, центр метафоры находится не в языке, но в способе концептуализации одного ментального домена в терминах другого.

Например, такие различные метафорические выражения, как: *work time has changed, becoming more flexible...* (изменилось рабочее время, став более гибким...); *'time density' has increased* (плотность времени увеличилась); *social time has been shown to be highly structured* (... наше общественное время, как было показано, чрезвычайно структурировано); ... *different temporal fragments are of equal importance* (... различные временные фрагменты (досл. обломки, осколки) имеют одинаковое значение) — являются языковыми выражениями одной концептуальной метафоры — TIME HAS A SOLID STRUCTURE/ВРЕМЯ ИМЕЕТ ПЛОТНУЮ СТРУКТУРУ. В ней время, наполненное событиями, понимается в виде физического тела, обладающего плотностью. В процессе метафоризации концептуальная область времени структурируется по образцу концептуальной области твердых тел (как следствие, использование слов *flexible, density, structured, fragment* в сочетании с темпоральными лексемами).

Уровень конвенциональности (т. е. устойчивости, традиционности, общепринятости) метафор различен. На концептуальном уровне метафора конвенциональна в той степени, в какой ее употребление является общепринятым среди носителей языка или членов отдельной социокультурной общности. Степень языковой конвенционализации выражается количеством языковых реализаций данной концептуальной метафоры: чем

более конвенциональна концептуальная метафора, тем больше существует лингвистических выражений, построенных на ее основе.

Среди метафор времени, наиболее конвенциональной является метафора ВРЕМЯ — ЭТО ПРОСТРАНСТВО: языковые метафоры, построенные на основе этой схемы, составляют более 80% всех темпоральных метафор.

В результате процесса узуализации (т.е. постоянного, привычного использования) концептуальные метафоры утрачивают семантическую двуплановость, а языковые метафоры начинают выражать «устойчивые подобию», становятся общеизвестными, воспроизводимыми — готовыми элементами лексики. Таким образом, появляются не только новые значения слов, но и новые вербализированные смысловые пласты.

Одним из наиболее ярких примеров узуализации метафор являются временные предлоги современного языка, из которых почти все изначально были пространственными: имеющие пространственное значение, имеют также временное. Например, about (около): *in about an hour* (ОЕ *on-butan*; *butan* = *beutan* ‘вне’); above (более): *it took above an hour* (ОЕ *on-bufan*; *bufan* = *be-ufan* ‘наверху, через’; ср. нем. *oben*); after (после): *after an hour* (ОЕ *after* ‘сзади’; ср. *aft* — нареч. *мор.* в кормовой части; по направлению к корме); around (около): *around three o'clock* (до 1600 редкое употребление; ‘по кругу, в круге’); at (в): *at noon* (простая локализация в пространстве); behind (за): *the train is behind time* (ОЕ *behindan* ‘сзади’); by (к): *by night* (ОЕ *be* ‘рядом, в присутствии’); for (в течение): *for a while* (ОЕ *for* ‘перед’); since (с ...): *he's been here since yesterday* (связано с древнеанглийским *sith* ‘путешествие’; древнеанглийское *siththan* ‘после этого, следующий’; среднеанглийское *sthence*); until (до): *until midnight* (ОН *und* ‘up to’ + ОН *til* ‘at’).

На основе конвенциональных метафор могут возникать новые индивидуально-авторские метафоры, к механизмам возникновения которых относятся расширение (*extending*), уточ-

нение (*elaborating*), соединение (*composing*) метафор¹. В результате возникает сложный комплекс метафорических связей, позволяющий инферировать (т. е. вынести, получить) большее количество информации.

Реализациями концептуальных метафор, их индивидуаль-но-авторским преломлением часто выступают поэтические метафоры, в которых конвенциональная метафора расширяется или уточняется.

Так, например, концептуальная метафора времени TIME MOVES/ВРЕМЯ ДВИЖЕТСЯ раскрывается в поэтических образах: «*time's revolving wheels/вращающиеся колеса времени*» (Плутарх), «*time's winged chariot/крылатая колесница времени*» (Э. Марвел).

Примерами метафоры TIME IS A CREATURE/ВРЕМЯ — ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО являются яркие поэтические метафоры: «*that old bad cheater, time/время, старый обманщик*» (Б. Джонсон), «*that old common arbitrator, time/время, всеобщий судья*» (У. Шекспир), «*the nurse and the breeder of all good/кормилица и воспитательница всего доброго*» (У. Шекспир), «*the author of all authors/автор всех авторов*» (Ф. Бэкон), «*the greatest innovator/величайший изобретатель*» (Ф. Бэкон).

Вместе с тем всё многообразие метафорических образов времени нельзя свести к ограниченному количеству метафорических схем. Существуют и совершенно неповторимые образы, как, например, метафора Дж. Данна «*time is a short parenthesis (вводное слово или предложение) in a long period (период, законченное предложение)*»).

¹ При расширении происходит перенос большего количества элементов структуры концептуальной области источника; в результате уточнения слоты в конвенциональных метафорических схемах заполняются новым содержанием. В процессе соединения для концептуализации области цели используется одновременно несколько областей источника, что приводит к сосуществованию в одном небольшом фрагменте текста языковых реализаций ряда различных концептуальных метафор.

Различная степень конвенционализации метафор позволяет говорить о существовании некоего континуума в зависимости от степени метафоричности содержания. На одном конце метафорического ряда находятся наименее конвенциональные новые образные метафоры, представляющие собой единичные проекции из области цели в область источника. На противоположном сосредоточены метафорические выражения, ставшие частью традиционного лексического состава языка. Переносное значение последних зафиксировано в словарях в качестве конвенционального (в этом случае лишь намеренное воссоздание этимологии языкового выражения выявляет для носителей языка его образность). Между двумя полюсами континуума находятся те языковые метафоры, которые широко используются в языке и культуре, однако еще не утратили своей образности для носителей языка.

Концептуальные метафоры системны, и это раскрывается как на *синхроническом*, так и на *диахроническом* уровне, причем нередко трудно отделить один от другого. Метафора по своей сути является семантическим явлением языкового развития — выявление метафоры невозможно без сколько-нибудь диахронического рассмотрения лексемы. Буквальное значение слова должно уже существовать, чтобы можно было говорить о наличии метафорического переноса из одной области в другую в новом значении. Поэтому любая теория метафоры должна в определенной мере включать историко-диахронический компонент. Как показали исследования И. Суитсер, историческое изменение значения на основе концептуальной метафоры проявляется не в отдельных изолированных выражениях, но имеет системный характер концептуальных метафорических переносов между понятийными областями. Благодаря историческому анализу «корней» семантического изменения становится возможным более отчетливое представление синхронных семантических связей между лексическими доменами. (Traugott, 1975, p. 210; Jaekel, 1997, p. 22, 51—55; Charteris-Black, 2004, p. 9; Lakoff, 1998, p. 203; Lakoff, Turner, 1989, p. 55—56; Скляревская, 1993, с. 30; Опарина, 1990, с. 15; Indurkha, 1992, p. 19—20; Sweetser, 1990, p. 45).

Вопросы для самоконтроля

1. Как соотносятся концептуальный и языковой уровни в метафоре?
2. В чем состоит системность концептуальных метафор?
3. Опишите процесс возникновения индивидуально-авторских метафор.

1.5.3. Роль культурного компонента в метафоре

Культура играет центральную роль как в процессе понимания метафоры, так и при выборе той или иной метафоры. По мнению Н. Куинн, именно культурная модель, существующая в обществе и разделяемая всеми его членами, обуславливает особенности и частотность использования метафорических выражений. Причина распространенности и высокой степени конвенционализации отдельных метафор заключается в том, что эти метафоры содержат адекватные проекции на уже существующие культурные модели. Проекция происходит только при высокой степени подобия между элементами и связывающими их отношениями из области цели и элементами и связями в культурной модели. Концептуальная метафора способствует более полному уяснению сущности культурной модели, приводит к появлению логических следований и сложных умозаключений (Quinn, 1991, p. 57, 65).

Концептуальные метафоры появляются на основе общепринятой системы ценностей, базируясь на традиционных для данного общества понятиях и правилах (отсюда высокая частотность метафор в пословицах и других устойчивых выражениях). Особенно важны метафоры при изучении культуры языкового социума, так как способны передавать наиболее существенную культурную информацию. Способность языковой метафоры выражать мировидение, ее культурная маркированность основаны на связи образного основания метафоры

с категориями культуры — «символами, стереотипами, эталонами, мифологическими и прототипическими ситуациями. Метафора нагружена культурными коннотациями и в случаях, когда она функционирует в языке как самостоятельная единица, и тогда, когда выступает как связанный компонент устойчивого сочетания» (Опарина, 1999, с. 38). Наряду с коннотациями на принадлежность коммуниканта к определенному лингвокультурному социуму может указывать специфика оценочного компонента метафоры.

Метафора занимает ключевое положение в религиозном мышлении, будучи одним из лучших способов выражения категорий духовных, когда неизвестное и недоступное физическому анализу осмысливается в терминах видимого физического мира. Понимание религиозных текстов невозможно без понимания определенной системы образов, объяснение которых основывается на метафоре и является наглядным воплощением ключевых духовных истин¹. Говоря о метафоре в религиозном тексте, необходимо помнить, что изначально метафора возможна при наличии семантического напряжения, которое является результатом переноса слова из его привычного контекста в непривычный. Для понимания метафоры необходима личностная интерпретация метафорического употребления слов в контексте, преломление метафоры через опыт получателя текста. При понимании религиозных метафор восприятие концептуального сдвига в значении слова зависит во многом

¹ Религиозные тексты традиционно являются богатейшим источником символов, метафор и аллегорий, представляя лингвистам интереснейший материал для исследования. В последние годы в зарубежном языковедении интерес к религиозным текстам продолжает расти, о чем свидетельствует, в частности, тема 25-го лингвистического симпозиума LAUD «Метафора и религия» (1997, Германия) и предложение бельгийского ученого Ж.-П. ван Ноппена сформировать особое направление в лингвистике, которое занималось бы изучением метафоры в религиозных, прежде всего библейских, текстах (Липилина, 2004, с. 119).

от вероисповедания получателя текста, так как целью метафорической проекции является область духовного (Charteris-Black, 2004, p. 173—177).

Важную роль в процессе восприятия и интерпретации метафоры играют предшествующие знания. Внеязыковые знания обуславливают невозможность буквального понимания метафорических выражений, в них учитывается национально-культурный элемент семантики метафор. Своеобразие языковых метафор зависит от специфики человеческой деятельности, определяющей своеобразие языковой картины мира отдельного народа. Воплощаемые в языке с помощью метафоры структуры концептуального уровня могут иметь универсальный или национально-специфический характер. Частное и универсальное в метафорах отображает ключевую особенность метафоры — антропометричность. «Выбор того или иного основания для метафоры связан со способностью человека соизмерять все новое для него (в том числе и реально не соизмеримое) по своему образу и подобию или же по пространственно воспринимаемым объектам, с которыми человек имеет дело в практической деятельности, в жизненном опыте» (Телия, 1996, с. 136).

В лингвокультурологической классификации исследователи выделяют три типа языковых метафор (Свирепо, 2001).

Метафоры эпохи возникают для удовлетворения определенной потребности, насущной для данной языковой общности, либо рождаются из некоего преобладающего чувства. Они имеют сквозной характер, составляя в совокупности «тезаурус культуры», и очерчивают пространство информационного взаимодействия членов данного сообщества. Таким образом, метафора эпохи становится общекультурным символом и, зафиксировав важное на определенном этапе для языкового сообщества явление, впоследствии не исчезает, а продолжает существовать, видоизменяться, обрастать контекстом. С течением времени подобные метафоры могут стать общими для ряда языковых сообществ, представляя собой «мотив эпохи».

Этнокультурные метафоры являются важным элементом языковой картины мира, так как отражают принятый в данном языковом сообществе способ категоризации явлений действительности и систему ценностей. Они в малой степени подвержены изменениям и представляют собой «комплекс специфических черт культуры». При наличии тесных культурных контактов между различными народами, в условиях территориальной и исторической близости целые пласты этнокультурных метафор становятся общими.

Локальные метафоры являются «унифицированной и/или объясняющей моделью» в конкретной ситуации и способствуют решению конкретных задач. Они нередко используются в терминологии, помогая на основе образного переноса понятия неизвестное и еще неословленное, и способствуют образованию новых, непредсказуемых ранее ассоциативных рядов.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем причина высокой частотности конвенциональных метафор?
2. Какое значение имеет изучение метафор для культурологических исследований?
3. Какие факторы играют центральную роль в понимании метафоры?
4. Что понимается под метафорами эпохи?
5. Назовите черты этнокультурных метафор.
6. Дайте определение локальных метафор.

I.5.4. Типология концептуальных метафор

В основе метафорической номинации как семантической операции переноса характеристик и качеств лежит подобие именуемого и уже известного объекта, т. е. принцип аналогии. Метафора отвечает способности практического мышления человека интуитивно улавливать сходство между различными классами объектов. Аналогия в метафоре отражает две важнейшие тенденции: стремление к регулярности (в уподоблении сущностей), с одной стороны, и креативности (в проявлении творческой фантазии) — с другой (Липилина, 1998, с. 70).

Между областью источника и цели в концептуальной метафоре существуют два вида соответствий:

1) *онтологические* соответствия касаются отдельных сущностей областей источника и цели: например, *время* соответствует *ресурсу* в следующих метафорах:

TIME IS A RESOURCE/ВРЕМЯ — ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕСУРС: *Time, unlike other economic resources, cannot be accumulated* — *Время, в отличие от других экономических ресурсов, не может быть аккумуляровано;*

ZEIT IST EINE RESSOURCE: *Sie leidet unter staendigem Zeitmangel* — *Она страдает от постоянной нехватки времени;*

2) *эпистемические* соответствия относятся к знаниям о реальных свойствах сущностей и об отношениях между ними, например в метафоре TIME IS A RESOURCE/ZEIT IST EINE RESOURCE:

в области источника — РЕСУРС — уменьшение количества полезного ископаемого приводит к его нехватке и росту его стоимости;

в области цели — ВРЕМЯ — малое количество времени означает его хронический недостаток и увеличение его ценности: *Zeit gilt wie Raum als ein besonders wertvoller und knapper Rohstoff* (J. Rifkin) — *Время, как и пространство, считается особенно ценным и дефицитным сырьем.*

Концепты имеют метафорическую и неметафорическую природу, уровень абстрактности и сложности концептов различен. Среди прямозначных концептов лингвисты называют следующие: пространственные ориентации; онтологические понятия, отражающие общие знания о свойствах объектов и веществ, на основе которых происходит их категоризация; структурные понятия, отражающие внутреннюю логику повседневных действий и сущность вычлененных в процессе деятельности объектов.

Параллелизм между метафорами и лежащими в их основе буквальными концептами обуславливает существование трех основных типов концептуальных метафор.

1. *Ориентационные* метафоры структурируют абстрактные и предметные сферы в соответствии с неметафорическими линейными ориентациями в пространстве, возникшими в результате сенсомоторного опыта. В них по образу неметафорической системы структурируется полностью другая система.

В процессе концептуализации времени центральной метафорой данного типа является пространственная метафора ВРЕМЯ — ЭТО ПРОСТРАНСТВО, ПО КОТОРОМУ МЫ ДВИЖЕМСЯ, построенная на основе образной схемы «вперед-назад»: ср. ВПЕРЕДИ — БУДУЩЕЕ/FRONT IS FUTURE, ПОЗАДИ — ПРОШЛОЕ/BACK IS PAST.

В процессе метафорического переноса информация и возможные логические выводы из источниковой области пространства проецируются на информацию и логические выводы о времени. Информация пространственных лексем и фраз проецируется на соответствующие темпоральные значения: например, пространственные значения слов/словосочетаний *behind/позади, precede/предшествовать, follow/следовать, come/приходить, approach/приближаться, pass/миновать, fly by/пролетать* и т.п. налагаются на их темпоральные значения.

2. *Онтологические* метафоры структурируют абстрактные сущности (события, действия, эмоции, идеи) на основе человеческого опыта, связанного с физическими объектами (предметами и веществами), когда свойства, присущие материальным объектам (форма, консистенция, размер) проецируются на абстрактные объекты. К онтологическим метафорам относится перенос ОБЩЕСТВО — ЭТО ЗДАНИЕ, лежащий в основе приводимого ниже высказывания:

«Новые возможности и новые требования, обретенная свобода и потерянные привычные условия жизни — всё вдруг оказалось и воплощающейся мечтой, и разочаровывающим обменом. И мечется русский человек в поисках той *твердой почвы*, на которой мог бы он начать *строить свою жизнь* при новых условиях. Куда только ни обращается взгляд его — и к зарубежным примерам, и к своему великодержавному прошлому, даже к своему недавнему прошлому — упуская из виду, что решение подобных внешних вопросов является результатом решений, восприятий и устоев внутренних. Ни в чужом (оно и есть

чужое!), ни в прошлом (в истории возврат невозможен!), а в корнях своих, в Богом заложенном в нас восприятии жизни найдет ключ как *лично, так и соборного домостроительства своего*» (из журнала «Русское Возрождение», 1995).

3. В *структурных* метафорах осмысляемая область концептуализируется благодаря наложению на нее структуры других областей.

В качестве примера рассмотрим ключевую метафору христианской картины мира ЖИЗНЬ — ЭТО ПУТЬ В ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ. В ней на область *жизни* накладываются пространственные (например, *дорога, цель, страна*) и динамические (например, *странствовать*) понятия, характерные для области *пути*.

Человек в метафорическом выражении предстает *странником* (из первой русской исторической повести М. Загоскина «Юрий Милославский»):

«*Домой собираюсь, Дмитрич!.. Да и пора, голубчик, видит Бог, пора! Помаялся, пошатался лет пятьдесят по чужой стороне, будет с меня!*» "А где твоя родина?" — спросил Юрий, не понимая истинного смысла слов юродивого. "Где моя *родина*? Чай там же, где и твоя"... "А теперь я понимаю, — сказал Милославский, — ты говоришь *не о земном своем отечестве* и хочешь сказать, что смерть твоя близка..."».

Смысл земной жизни человека — стремление к жизни вечной — метафорически осмысляется как *цель странствия*: (из прощального письма Александра Шмореля, участника молодежного движения Сопrotивления «Белая Роза», написанного родителю из гестапо г. Мюнхена 13.07.1943):

Meine lieben Vater und Mutter! Nun hat es doch nicht anders sein sollen und nach dem Willen Gottes soll ich heute mein irdisches *Leben abschliessen*, um *in ein anderes einzugehen*, das niemals enden wird und in dem wir uns alle wieder treffen werden...Eins vor allem lege ich Euch ans Herz: Vergesst Gott nicht!!! Euer Schurik (aus dem Brief des Mitglieders der Weissen Rose Alexander Schmorell; 13.07.1943; LMU-Muenchen, Februar 2005) — Дорогие папа и мама! Ничего другого и не должно было бы произойти. По Божией воле должен я сегодня закончить мою земную жизнь, чтобы перейти в жизнь иную, которая никогда не кончается и в которой мы все снова встретимся... Завещаю вам: не забывайте Бога! Ваш Шурик.

Главным ограничением в процессе метафорического проецирования является *принцип топологической инвариантности*. Согласно гипотезе топологической инвариантности, проецируемая когнитивная топология сферы источника, т.е. ее образно-схематическая структура, должна соотноситься со структурой, присущей сфере цели.

Выдвижение гипотезы топологической инвариантности позволяет выявить две центральных характеристики процесса метафоризации. Во-первых, на определенном семантическом уровне существует структурное соотношение между семантической структурой сферы цели и сферы источника, которая обуславливает возможность проецирования одной структуры на другую. Эта корреляция является либо открытием, либо создается на основе опыта. Во-вторых, ограничение в проецировании налагается семантической структурой сферы цели (Lakoff, 1998; Lakoff, Johnson, 1980; Lakoff, Turner, 1989; Barcelona, 2000)¹.

Вопросы для самоконтроля

1. Что лежит в основе процесса метафоризации?
2. Какие виды соответствий существуют между областями источника и цели в концептуальной метафоре?

¹ По мнению М. В. Никитина, теория Лакоффа объясняет только один тип языковой метафоризации: тот вариант «предметно-признаковой метафоры, когда предметное имя с высоким метафорическим потенциалом используется в качестве базы для метафорического описания аналогического моделирования другого денотата по ряду признаков последнего». В метафорике этого типа происходит аналогическое уподобление одного денотата (класса однородных денотатов) другому денотату — базе сравнения — по ряду признаков в силу их схожести. В процессе метафоризации метафорически переосмысляются имя N1 денотата D1 и имена его признаков P1, P2 ... (D1), так что N1 (D1) метафорически обозначает D2 и ряд родственных с D2 денотатов (Никитин 2002, 259). Как один из видов метафоры концептуальную/когнитивную метафору рассматривают Е. О. Опарина, Н. Д. Арутюнова (Арутюнова, 1999; Опарина, 1990). Критика теории концептуальной метафоры зарубежными исследователями излагается в (Jaekel, 1997; Warren, 1992; Rakova, 2003; Quinn, 1991).

3. Опишите сущность ориентационных метафор.
4. Что понимается под структурными метафорами?
5. В чем отличие структурных и онтологических метафор?

1.5.5. Когнитивные функции метафоры

Метафора бывает задействована как в развитии концептуальных структур для представления новых понятий и явлений, так и в формировании новых слов для заполнения лексических лакун. Роль метафоры может быть семантической, когда она связана с разработкой ресурсов лингвистической системы для ословливания изменений в концептуальной системе. Прагматическая функция метафоры проявляется особенно ярко в том случае, когда метафора предстает как стилистическое средство передачи авторской оценки происходящего. Здесь она отражает языковой выбор автора, обусловленный особенностями достижения некоей риторической цели в определенном контексте. Когнитивные характеристики метафоры целесообразно рассматривать в совокупности с аргументативными функциями метафоры в дискурсе.

Рассмотрим функции языковой метафоры, выделяемые Э. Гоутли (Goatly, 1997, p. 149—166):

1) *объяснительная, или моделирующая*, функция метафоры состоит в облегчении понимания абстрактного концепта на основе более знакомого; яркие метафоры увеличивают информативность и запоминаемость текста; эта функция является центральной при создании научных теорий (сущность электромагнитных процессов, например, объясняется с помощью образа *потока*, природа света — с помощью теории *волн и частиц*);

2) функция *переосмысления* проявляется в способности метафоры стимулировать появление нового взгляда — с другой перспективы — на уже известное явление посредством использования нетрадиционных терминов или незнакомых категорий;

3) функция *аргументации* непосредственно смыкается с описанными выше, но характеризуется несколько иной целью: повлиять на мнение слушателя, так как меткие метафоры яв-

ляются и убедительными, и естественными; следовательно, принятие или непринятие предлагаемой метафоры означает и принятие или непринятие вытекающего из нее логического и эмоционального заключения;

4) *идеологическая* функция является следствием изначальной взаимосвязи языка и реальности, когда язык не пассивно отражает объективную реальность, а участвует в формировании образа этой реальности — метафора выделяет одни аспекты метафоризируемого явления, оставляя в тени другие, влияя тем самым на восприятие явления как целого;

5) *эмотивная, или экспрессивная*, функция является одной из центральных в метафоре, так как метафоры помогают более конкретно и наглядно передать особенности индивидуального восприятия абстрактных концептуальных переживаний, тончайшие оттенки чувства, состояния, настроения; эта функция непосредственно смыкается с оценочной функцией метафоры;

6) *декоративная* функция проявляется в процессе создания поэтических метафор и эвфемизмов;

7) *структурирующая* функция метафоры способствует построению логически связного текста и нередко сочетается с объяснительной и аргументативной функцией.

В классификации А. П. Чудинова функции языковой метафоры представлены следующим образом:

1) функция *номинации*, когда метафора участвует в создании адекватного названия для неословленной реалии;

2) функция *коммуникации* представляет новую информацию в краткой и понятной для адресата форме;

3) *прагматическая* функция, проявляющаяся в процессе формирования у адресата мировосприятия, необходимого говорящему;

4) *инструментальная* функция, с которой тесно связана функция моделирования, т. е. представления мира в виде структуры взаимосвязанных элементов, и функция выдвижения гипотез о еще неизвестном объекте;

5) *изобразительная* функция, результатом которой является создание ярких образов (Чудинов, 2001, с. 35—36).

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите когнитивные функции метафоры, выделяемые Э. Гоутли.
2. В чем состоит моделирующая функция метафоры?
3. С какой функцией метафоры непосредственно связана эмотивная (экспрессивная) функция?
4. Какие функции языковой метафоры называет А. П. Чудинов?
5. В чем суть прагматической функции метафоры?

1.5.6. Теория концептуальной интеграции

В середине 80-х годов прошлого века теория концептуальной метафоры получила свое развитие в теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера, которая стала новой попыткой исследовать взаимоотношения между языковой формой и стоящими за ней концептуальными структурами. В последние годы данная теория активно разрабатывается зарубежными и отечественными исследователями на самом разнообразном языковом материале (Fauconnier, Turner, 2003; Sweetser, 1999).

В теории концептуальной интеграции (*conceptual integration*) делается попытка объяснить родственные когнитивные процессы (анalogии, индукции, метафоры, метонимии) как варианты единой базовой когнитивной операции концептуальной интеграции. Авторы теории считают, что концептуальная интеграция имеет место не только в сфере языка, но во всех мыслительных процессах. «Интеграционные концептуальные сети одинаково значимы для категориального расширения (category extension), интеграции событий (event integration), грамматических конструкций, концептуальных изменений (напр., появление в науке термина "artificial life"), литературных и риторических находок. Метафора и аналогия составляют лишь подгруппу в ряду различных явлений концептуальной интеграции» (Fauconnier, Turner, 2001).

В модели концептуальной интеграции объединены методы фреймовой семантики и теория «смешанных пространств»

(*blended spaces*) Ж. Фоконье. Основная когнитивная роль в процессе метафоризации отводится проецированию (*projection*) структур, которое соединяет фреймы и конкретные ситуации, а с ними и родственные фреймы и конвенциональные сцены. Непременным элементом проецирования, которое связывает языковые конструкции, концепты-двойники (*counterparts*), несовпадающие концепты (*non-counterparts*), является *интеграция* — базовая когнитивная операция, одинаково функционирующая на различных уровнях абстракции, в разных концептуальных условиях.

По мнению Ж. Фоконье и М. Тернера, модель метафорического проецирования структуры одной концептуальной области в другую, предложенная Дж. Лакоффом, имеет существенные ограничения и не может объяснить более сложные случаи сближения и взаимодействия концептов на аналогичной основе. Поэтому в модели Ж. Фоконье в процессе метафоризации взаимодействуют не два концепта — области цели и области источника — но четыре мыслительных пространства: два *входных пространства* (*input spaces*), *родовое пространство* (*generic space*); *смешанное пространство* (*blended space, blend*).

Понятия «мыслительные пространства» (*mental spaces*), домены (*domains*), «знания» (*knowledge*) соотносятся в теории концептуальной интеграции следующим образом: мыслительное пространство строится на основе привлеченных структур из многих концептуальных доменов и на базе частного контекста.

Мыслительные пространства представляют собой небольшие по объему концептуальные «архивы», обслуживающие процессы частного понимания (*local understanding*) и действия. Эти фрагментарные объединения (*partial assemblies*), структурированные фреймами и когнитивными моделями, содержат различные структурные элементы. В центре входных пространств сосредоточены образы того, что следует выразить, и того, что служит этой цели посредством уподобления. Мысли-

тельные пространства взаимосвязаны, по мере развития дискурса претерпевают изменения, используются в процессе моделирования динамического проецирования в мышлении и в языке (Никитин, 2002, с. 264; Fauconnier, Turner, 2001).

Процесс концептуальной интеграции описывается следующим образом.

1. Родовое пространство (*generic space*), т. е. операционная и динамическая структура, возникающая в ходе обработки информации, накладывается на каждое входное мыслительное пространство и содержит их общие элементы. Некоторые яркие родовые пространства могут становиться традиционными (конвенциональными) и содержать опорные ресурсы для конструирования новых межпространственных проекций в новых интеграционных сетях.

2. В результате концептуального слияния структура из двух входных мыслительных пространств проецируется в смешанное пространство — *бленд* (*blend, blended space*).

3. Бленд содержит результирующую структуру (*emergent structure*), которая отсутствует во входных пространствах, она обогащается в процессе соединения элементов входных пространств, когда создаются новые связи между элементами и привносятся в бленд дополнительные конструкции.

4. Бленд связан со входными пространствами, что обусловливает возможность обратной проекции элементов из бленда во входные пространства, с родовой структурой и содержит, наряду с родовой, более частную структуру.

5. Четыре мыслительных пространства (два входных пространства, родовое пространство и бленд) связаны проекционными связями (*projective links*) и в совокупности представляют сеть концептуальной интеграции (*conceptual integration network*). Сетевая модель (*network model*) раскрывает динамичный, рабочий когнитивный процесс конструирования значения в ходе мышления и действия (Fauconnier, 1999, p. 103).

В процессе построения бленда совершаются *три когнитивные операции* (Fauconnier, Turner, 2001).

1. Соединение (*composition*) элементов входных пространств, результатом которого — новые отношения, отсутствующие во входных пространствах. Вариантами соединения являются слияние (*fusion*) сочетающихся элементов; комбинирование не сочетающихся элементов на базе метонимических связей между элементами одного входного пространства; перенесение в бленд сочетающихся элементов как отдельных единиц (*distinct entities*).

2. Добавление (*completion*) — в блендах задействуется большое количество фоновых концептуальных структур и знаний, в результате чего объединенная структура дополняется другими структурами. Основной подтип пополнения структур — это модели (*pattern completion*), когда минимальное соединение в бленде дополняется более крупной конвенциональной моделью.

3. Уточнение (*elaboration*), в процессе которого бленд развивается в рамках образной мыслительной симуляции (*imaginative mental simulation*) сообразно с принципами и логикой выходного пространства; процессы уточнения блендов могут быть бесконечными, приводя к их большей детализации.

Общая структура процесса концептуальной интеграции подчиняется ряду *принципов оптимальности*:

1) принцип *интеграции* (*Integration*): бленд должен представлять собой глубоко интегрированную сцену, которая может функционировать как цельный концептуальный объект; каждое мыслительное пространство в структуре бленда должно также быть интегрировано;

2) *топологический* принцип (*Topology*): любое входное пространство и любой элемент данного пространства, проецируемый в бленд, должны сохранить связи, существовавшие у предмета во входном пространстве до его проецирования в бленд;

3) принцип *переплетенности* (*Web*): в ходе функционирования бленда как единого концептуального объекта сохраняется сеть соответствующих связей со входными пространст-

вами; связи элементов бленда с их прототипами во входных пространствах вызываются в сознании без усилий и дополнительного анализа;

4) принцип *разархивации* (*Unpacking*): бленд способствует разархивации блендовой структуры, реконструированию входных пространств, межпространственного проецирования, родового пространства, сети связей между всеми мыслительными пространствами;

5) принцип *аргументированности*, или логики (*Good reason*): элементы, участвующие в построении бленда, должны быть значимыми в силу их связей с другими мыслительными пространствами и важными функциями для уточнения и развития бленда.

Представленные принципы оптимальности взаимодействуют друг с другом; в построении бленда появляются многообразные ограничительные оптимизирующие принципы конструирования бленда на более низком концептуальном уровне:

1) неразрушение (*Non-disintegration*): необходимо нейтрализовать проекции и топологические связи, которые могут разрушать бленд;

2) неперестановка (*Non—displacement*): не следует разрывать важные сетевые связи между блендом и выходными пространствами;

3) невмешательство (*Non-interference*): необходимо избегать проецирования в бленд не соотносящихся элементов из входных пространств;

4) недвусмысленность (*Non-ambiguity*): следует уходить от двусмысленности, препятствующей пониманию бленда;

5) обратная проекция (*backward projection*): в процессе возникновения результирующей структуры необходимо избегать обратного проецирования во входное пространство тех элементов бленда, которые могли бы разрушить его единство.

Наряду с межпространственным проецированием, избирательной проекцией элементов входных пространств в бленд,

родовым пространством, которое соотносится с обоими входными пространствами, все мыслительные пространства имеют общий ценный фрейм (*shared common rich frame*) и разделяют его содержание.

Фреймовая сеть представляет собой концептуальную интегрирующую сеть, в которой все мыслительные пространства — входные, родовые и бленд — разделяют топологию, приписываемую организующим фреймом (*organizing frame*). Организующий фрейм конкретизирует природу значимых для мыслительного пространства деятельности, событий, участников. Организационный фрейм не может быть абстрактным, поскольку последний не представляет набора организующих отношений для элементов пространства. При наличии общего организующего пространства упрощается процесс интеграции входных мыслительных пространств в силу облегчения поиска коррелирующих элементов (Fauconnier, Turner, 2001).

Ряд положений теории Фоконье, в особенности предлагаемая терминология, вызывает сомнения. Американский лингвист М. Ракова полагает, что теория концептуального слияния в большей степени применима для анализа новых индивидуально-авторских выражений, чем системных проекций между концептуальными доменами (Rakova, 2003, p. 19). По мнению проф. Никитина, выделение в структуре метафоры смешанного пространства предполагает, что «метафора всякий раз, хотя бы на время и в операциональном плане» порождает некие гибридные существа. Из этого можно заключить, что теория концептуальной интеграции «в иной терминологии возвращает нас к достаточно известному заблуждению, что в случае живой метафоры мы имеем дело с когнитивно-семантическим процессом не в два, а в три шага». Вместе с тем человеческое сознание «более озабочено сличением и различением концептов... чем их смешением», что делает настоящую интеграцию (смещения типа «кентавр», «сирена») периферийными и специфическими явлениями (Никитин, 2002, с. 266, 269).

Вопросы для самоконтроля

1. Дайте определение термину «концептуальная интеграция».
2. Приведите отличия теории концептуальной интеграции от теории концептуальной метафоры.
3. Какие когнитивные операции происходят в процессе построения результирующего концептуального пространства (бленда)?
4. Какие положения теории концептуальной интеграции вызывают сомнения?

Тема 1.6. Теория концептуальной метонимии

1.6.1. Проблема соотношения концептуальных метафоры и метонимии

Концептуальная метафора тесно связана с явлением концептуальной метонимии. При рассмотрении проблем взаимодействия метафоры и метонимии существуют два дополняющих друг друга направления. С одной стороны, это изучение метонимии как концептуального основания метафоры, с другой — установление причин и выявление типов сосуществования метафоры и метонимии.

В когнитивных исследованиях последних лет возник новый подход к исследованию связей концептуальных процессов метафоры и метонимии. Ряд исследователей указывают на существование некоего континуума (от лат. *continuum* — *непрерывный, сплошной; смежный; связный*), противоположными полюсами которого — прототипическими категориями в процессе концептуального проецирования — являются метафора и метонимия (Radden, 2000).

Впервые о существовании непрерывного континуума, двумя крайними точками которого являются метафора и метонимия, заявил Р. Якобсон. Он основывался, с одной стороны,

на аксиоме Бюлера о смежности и сходстве как двух основных измерениях значения, а с другой — на дихотомии между синтагматическими (отношения согласования на основе смежности) и парадигматическими (отношения замены, субституции на основе сходства) отношениями в семантике Соссюра. Якобсон предположил, что и основные фигуры речи и мышления — метонимия и метафора — неразрывно связаны друг с другом как противоположные концы одного процесса. Между метафорой и метонимией, отражающими соответственно парадигматические и синтагматические отношения в языке, существует структурная согласованность, обуславливающая одинаковый уровень их частотности в языке. Для полного понимания метафор, по мнению Якобсона, следует учитывать как их горизонтальные связи с согласующимися тропами (напр., метонимия), так и вертикальные отношения с менее и более конвенциональными метафорами.

Понятие континуума отражает постепенность перехода от метонимии к метафоре, а также предполагает возможность установления границ между двумя процессами в разных точках концептуальных переходных зон (*conceptual transition zones*). Существование метафоро-метонимического континуума, полюсами которого являются чистая метонимия и чистая метафора, подразумевает также наличие промежуточных случаев, когда в основе языкового выражения лежат оба концептуальных процесса. Для обозначения этих промежуточных явлений в работах зарубежных исследователей были предложены термины «метафора, основанная на метонимии» (*metonymy-based metaphor*), «метафтонимия» (*metaphonymy*) (Goossens, 2003; Dirven, 2003; Geeraerts, 2003; Radden, 2000).

В связи с этим необходимо обратить внимание на понимание сущности процесса метонимического переноса в когнитивной лингвистике.

В когнитивной семантике возникли два *определения метонимии* как концептуального процесса (узкое и широкое):

1) в первом определении метонимия предстает как *концептуальное расширение*, происходящее внутри одной концептуальной области и приводящее к референциальному сдвигу¹;

2) во втором, более широком определении, метонимия представляет собой *проецирование концептуальной области* (домена) источника на концептуальную область цели и частичное понимание области цели через область источника. Концептуальная область, внутри которой происходит метонимическое проецирование, структурирована одной образной когнитивной моделью. Источник и цель относятся в метонимии к одной функциональной области, имеют общее опытное основание и соединены прагматической функцией, благодаря которой происходит мысленная активация области цели.

В результате метонимии выражение, обозначающее один предмет или явление, используется для обозначения другого, ассоциативно связанного предмета или явления на основе связей, установленных между сущностями внутри одной концептуальной структуры (Feysaerts, 2000, p. 64; Lakoff, 1987, p. 288). При этом сущностью метонимии является установление связей между сущностями внутри одной концептуальной структуры, благодаря чему метонимия не ограничивается референциальным актом, а предстает как один из базовых процессов расширения значения (Taylor, 2003, p. 325).

Ряд исследователей (Дж. Тейлор, У. Крофт, Б. Уоррен) считают отличительной чертой метонимического переноса *выдвижение на первый план фрагмента концептуальной структуры* или концептуальной сферы (domain highlighting). В результате активируется только отдельная зона концептуальной

¹ Референт (англ. referent) — тот предмет мысли, с которым соотносено данное языковое выражение; отраженный в сознании элемент объективной реальности как «внутренняя сторона» слова, т. е. как то понятийное содержание, с которым по законам семантического строения данного языка устойчиво соотносится данная единица выражения (Ахманова, 1969, с. 384).

области, и некоторые аспекты концептуализируемой сущности становятся более «активными», чем другие (Р. Лэнэкер называет это явление ‘active zone phenomenon’).

Примером выдвижения на первый план отдельной зоны концепта является «контекстуальная модуляция» значения слова *car/автомобиль*: в сочетании *wash a car/мыть автомобиль* подразумевается внешняя часть машины, в сочетании *vacuum clean the car/пылесосить автомобиль* ее внутренняя часть (обивка сидений). Это приводит не к полисемии слова, а к выделению отдельных частей концепта (Taylor, 2003, p. 325). Второстепенная в буквальном значении слова область концепта становится центральной в значении метонимическом. В предложении *Proust is tough to read/Пруста трудно читать* метонимия возникает в результате выдвижения на первый план из концепта [PROUST], центром которого является образ писателя, второстепенной части концепта — произведений писателя (Croft, 2003, p. 179).

Общим в определении метафоры и метонимии в когнитивной лингвистике является понятие концептуальной области/сферы. Для метафоры в проецировании участвуют две независимых концептуальных области, в метонимии — одна концептуальная область. В связи с этим возникает вопрос о сущности концептуальных областей и границах между ними. Согласно принятому в когнитивной науке определению, концептуальные сферы представляют собой структурированные блоки информации и опыта и являются основанием или фоном (background) лингвистического значения. Границы и состав концептуальных доменов, имеющих непосредственное опытное основание (т.е. связь с реальной действительностью), устанавливаются в рамках сознательной обыденной таксономии (классификации) концептуальных областей (Barcelona, 2000b, p. 32). Неопределенность границ между отдельными концептуальными областями приводит к взаимопроникновению метафоры и метонимии в языке (Goossens, 2003, p. 352).

Несмотря на существование непрерывного континуума метафорико-метонимических отношений, процессы метафорического и метонимического переносов отличаются друг о друга.

Рассмотрим сходства и различия, позволяющие разграничивать эти концептуальные явления.

Главное *сходство* между метафорой и метонимией заключается в том, что они в равной степени участвуют в процессе изменения значений, могут приобрести статус фигур речи и нарушают условия истинности высказывания (Waggen, 2003, p. 127).

Дж. Лакофф указывает на следующие ключевые *различия* метафоры и метонимии:

1) основной функцией метафоризации, в процессе которой структура и логические отношения источниковой области проецируются на структуру и логические отношения области цели, является *понимание*, основной функцией метонимии выступает *референция*;

2) отношение между областями источника и цели в метафоре можно обозначить как «X это (есть) Y», в метонимии «X вместо Y» (Lakoff, Turner, 1989, p. 103).

К. Фейертс полагает, что отличие метафоры от метонимии состоит в том, что метафора включает системное проецирование онтологических, образно-схематических и логических структур из области цели в область источника на основе *отношения сходства* между взаимодействующими областями. Метонимия, в свою очередь, включает *отношение смежности*, выражаемое различными ассоциативными связями, и приводит к *референциальному сдвигу*, благодаря которому более значимая концептуальная структура используется для доступа к менее важной структуре (Feysaerts, 2000, p. 64).

Б. Уоррен указывает на шесть *системных различий* между метафорой и метонимией:

1) в основании метафоры лежит гипотеза (в метафоре LIFE IS A JOURNEY жизнь предстает *как если бы* это было путешествие). В метонимии гипотетичность отсутствует (напр., в значении слова *чайник* в предложении *The kettle is boiling — Чайник кипит*). «Не-буквальность» метонимии является поверхностной, природа ассоциаций в ней предсказуема. В метафоре ассоциация между источником и целью произвольна и непред-

сказуема, поскольку общим (гипотетически) может стать любое свойство областей источника и цели;

2) метафора необходима либо как риторический прием, либо как средство заполнения лакун в словаре, для метонимии эти функции необязательны (ср. *различные части страны* в значении «жители»);

3) в отличие от метафоры референциальная метонимия не встречается выше фразового уровня;

4) в основании метафоры могут быть одновременно несколько общих свойств областей источника и цели, что обуславливает действенность метафоры как экономичного средства создания новых, ассоциативно богатых значений. Метонимия соотносит области источника и цели посредством только одной ассоциативной связи;

5) различна сама природа ассоциативных связей: в метонимии ассоциация возникает в том случае, когда говорящий сталкивается с источником и целью относительно одновременно (это отражается и в характере метонимических проекций: часть-целое, смежность в пространстве/во времени, причинно-следственные связи). В метафоре ассоциация основывается на частичном сходстве, для уловления которого не обязательно одновременное присутствие областей источника и цели;

6) метафоры могут порождать темы, аспекты которых разрабатываются говорящим на протяжении больших отрезков текста. Отдельные тематические метафоры в процессе конвенционализации могут стать концептуальными. Метонимия никогда не приводит к возникновению продолжительных разработанных тем, несмотря на то, что существуют повторяющиеся метонимические модели (часть вместо целого, емкость вместо содержимого и т. д.).

Кроме того, совмещение в высказывании метонимического и буквального значения слова не приводит к возникновению зевгмы (*Caedmon is a poet and difficult to read — Кэдмон — поэт и труден для чтения*), в отличие от высказываний, где совмещаются метафорическое и неметафорическое значения (Warren, 2003).

Все вышесказанное позволяет заключить, с одной стороны, что в концептуальной системе человека существует некий континуум, противоположными полюсами которого являются метафора и метонимия; с другой стороны, природа метафорического и метонимического переносов различна.

Вопросы для самоконтроля

1. Что понимается под метафоро-метонимическим континуумом?
2. Приведите определения метонимии.
3. Какие существуют сходство и различия между метафорическим и метонимическим переносами?

**I.6.2. Роль концептуальной метонимии
в процессе осмысления действительности
(на примере темпоральных процессов)**

Рассмотрим особенности метонимического переноса на примере *метонимии времени* в английском языке.

По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метонимическая концептуализация времени происходит в результате сравнения отдельных происшествий, чувств, деятельности с регулярными событиями, повторения которых определяют «одинаковый» промежуток времени в механизме инструментов измерения времени.

Солнечные часы, например, зависят от регулярно повторяющегося движения солнца, механические часы основаны на движении колесиков, вызываемого разъединением пружин, или на регулярном движении маятника.

Таким образом, последующие повторения отдельных событий метонимически означают промежутки времени. В результате возникают такие «буквальные» характеристики времени, как:

однонаправленность и необратимость (события однонаправлены и необратимы);
непрерывность (человек воспринимает события как непрерывную череду);

делимость (периодические события имеют начала и концы);
измеримость (повторения событий можно сосчитать).

Ощущение времени всегда является относительным, так как зависит от концептуализации времени на основе переживания событий.

Основным типом метонимии, сочетающимся с метафорой, является метонимический перенос «событие вместо времени» (Event-for-Time metonymy), например:

в предложении *The presidential elections are approaching* (Приближаются президентские выборы) событие — президентские выборы — означает время выборов, которое концептуализируется как приближающееся;

в предложении *He received the message during the meeting* (Он получил сообщение на встрече) встреча метонимически замещает длительность временного периода, во время которого эта встреча имела место (Lakoff, Johnson, 1999, p. 138—139, 154—155).

Немецкая исследовательница Т. Анстатт (Anstatt, 1996), подробно рассмотревшая в своей монографии именные обозначения времени и их этимологию в славянских языках, английском и санскрите, отмечает, что преобладающее число базовых обозначений времени этимологически возникли из имен событийных концептов (*времени жатвы, посевной, праздников, а также погодных условий*).

Как пишет Г. Радден (Radden, 1997), концептуальные области пространства и времени позволяют говорящему осмысливать предметы и события окружающего мира. «Пустые», лишенные содержания сами по себе, пространство и время становятся значимыми именно в силу этой своей наполненности вещами и событиями. Как следствие, время неотделимо от событий, так же как пространство неотделимо от предметов. Это облегчает процессы метонимического переноса внутри концептуальных областей пространства и времени. Значимость событий превосходит по значимости само время, и поэтому нередко темпоральная информация активируется посредством событий, произошедших, происходящих или планируемых в определенное время.

Так, в предложении *Let's talk about a new project after lunch* (Поговорим об этом после обеда) слово *lunch* метонимически означает точку во времени.

Подобно тому, как предметы являются естественными ориентирами в пространстве, ориентирами во временном пространстве становятся события.

Число значимых в жизни отдельного человека или всего языкового сообщества событий, которые могут считаться временными ориентирами, ограничено, они большей частью относятся к прошлому, их даты нередко забываются. Как следствие, в роли временных ориентиров чаще всего выступают регулярно повторяющиеся общественные события.

Так, повторяющиеся действия, совершаемые в течение дня, обуславливают появление таких временных ориентиров, как *working time/рабочее время*, *leisure time/свободное время*, *sleep time/время сна*, *opening time/открытие*, *closing time/закрытие*, *rush hour/час пик*, *curfew/комендантский час*.

К повторяющимся из года в год событиям относятся *праздники*, *время года*, а также *деятельность*, *характерная для данного времени года*.

Г. Радден усматривает мотивационное основание метонимического осмысления времени в событийных понятиях в том, что время и отдельное событие, происходящее в это время, имеют единое основание в самом опыте жизни. Ограниченность метонимического обозначения времени заключается в том, что обозначенное метонимически время нельзя измерить. Система метонимически возникших временных концептов включает лишь несколько ключевых событий, но не включает реляционных, т. е. относительных концептов. Для концептуализации соотношения различных точек во времени и связанных с ним событий используется метафора, на основе которой временные отношения понимаются на основе отношений в пространстве.

Анализ темпоральных метонимических переносов на материале английского журнала «The Economist» за 1999—2005 годы позволил выявить следующие типы метонимического переноса *Time-for-Event*:

«Чистая» метонимия, когда отрезок времени обозначает событие/я:

how did *July 4th* become what it is — как стало 4 июля тем, чем оно сейчас [День Независимости США] является;

«Характеризирующая» метонимия:

а) оценка события — характеристика времени: *the first 12 months were fine...* — первые 12 месяцев были чудесны;

б) эмоции, вызываемые событием, — время: *it will cause anxious times for producers* — для производителей начнутся беспокойные времена;

в) деятельность — время: *the depression years of 1875—1995* — годы депрессии 1875—1995;

г) влияние, оказываемое действием, — время: *January should be a quiet time* — январь будет спокойным временем;

д) окружающая среда — время: *smoggy, hazy days have become the norm* — букв. туманные, наполненные дымом и копотью дни стали нормой.

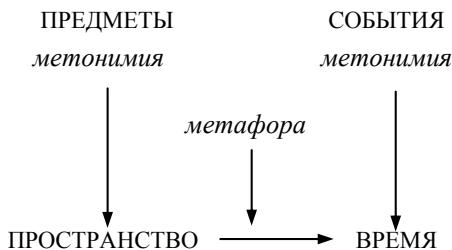
Метафора и метонимия основываются на различных ментальных и психологических процессах, однако исследования последних лет все больше доказывают тесную взаимосвязь этих явлений.

Вопросы для самоконтроля

1. Какую роль играет метонимический перенос в процессе осмысления времени?

2. Какой тип метонимического переноса является наиболее распространенным в процессе концептуализации времени?

3. Рассмотрите схему (Radden, 1997, p. 147—148) и объясните, каким образом соотносятся пространство, время, предметы и события:

Часть II

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ СЕМАНТИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Семантика, находящаяся в центре интересов современной когнитивной лингвистики, имеет всеобъемлющий — «сквозной» — характер: ни один из разделов науки о языке, будь то фонология, морфология, лексикология, синтаксис, не может не коснуться вопросов *значения* тех языковых явлений, которые он рассматривает. Освоение основных положений когнитивной семантики представляется тем более значимым и необходимым, если «целью является понимание и проникновение в иноязычную культурную среду... и взаимообогащение культур — факторы, которые должны играть определяющую роль в современном международном диалоге» (Лоханов, 2011, с. 377). Глубокое проникновение в сущность культурно-специфических концептов и категорий, без которого невозможен процесс межкультурной коммуникации, становится возможным только при детальном изучении семантических систем сопоставляемых языков.

Во второй части настоящего пособия излагаются отдельные положения лингвистической (преимущественно лексической) семантики, которые могут помочь начинающим исследователям глубже взглянуть на когнитивную сущность описываемых ими языковых явлений. Выполнение практических упражнений будет способствовать формированию аналитических навыков и умений, необходимых для сопоставительных исследований концептов различных культур. В данной части учебного

пособия используются материалы «Курса лингвистической семантики» М. В. Никитина (Никитин, 1996; Никитин, 2007)¹.

Тема II.1. Значение языковой единицы

II.1.1. Значение. Основные понятия.

Структура лексического значения

Знаковая деятельность — т.е. сознательное, намеренное использование знаков — одна из существенных особенностей человека как существа разумного. Знаки окружают его со всех сторон и непрерывно самим человеком производятся. В *узкой* трактовке к знакам относят только то, что в обыденном языке обозначается как «знак», т.е. разнообразные общепринятые или согласованные на данный случай, спонтанные или намеренно установленные условные знаки или знаковые системы; из числа знаков при этом исключается речь, т.е. использование естественного языка. В *широкой* трактовке единицы и комбинации единиц естественного языка также относят к знакам. Это приводит к различению между словесными (естественно-языковыми) первичными знаками и вторичными (искусственными) знаками.

Значения — понятия, связанные знаком. Связываясь со знаком, понятия становятся семантическими единицами — значениями или частями значений (семами). Совокупности значений образуют семантические системы языков (системы значений).

Человеческое сознание представляет собой скоординированное единство прагматических и когнитивных структур.

¹ Рекомендуем также ознакомиться с книгами «Спорные проблемы семантики» Н.Ф. Алефиренко (Алефиренко, 2005), «Лингвистическая семантика» И.М. Кобозевой (Кобозева, 2009), «Семантика» М.А. Кронгауза (Кронгауз, 2001), «Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексическая фразеология. Лексикография» А.П. Крысина (Крысин, 2007).

Прагматические структуры (субъективная оценка) первичны. Когнитивные структуры — объективированное, внепрагматическое знание мира во всех его существенных признаках, связях и закономерностях — составляют основу для ориентации в мире и подкрепляются объективным знанием.

Всякое конкретное значение квалифицируется как элемент либо когнитивных, либо прагматических структур сознания, что приводит к расслоению значения на когнитивный и прагматический компоненты.

Когнитивный компонент относится к информации о мире вне его субъективной оценки: это *познавательное, интеллектуальное (интеллективное), референционное, денотативное* значение.

Денотат (референт) — всё то, что представляется (репрезентируется) в высказываниях вещными словами — именами собственными или нарицательными; денотат — это обозначаемая вещь. В более широком смысле денотатом считается всё то, что может быть обозначено данным именем, именными словосочетаниями и даже высказыванием (предложением) и текстом.

Денотат — общий термин, употребляемый и для реальных, и для мнимых, воображаемых денотатов. Референт — термин, употребляемый только для существующих денотатов. Безденотатными (нереферентными) являются в большинстве случаев признаковые слова (прилагательные, порой нарицательные абстрактные существительные) — они употребляются только для целей описания.

Мыслительная операция соотнесения обозначающего слова с его денотатом (референтом) называется референцией (денотацией, предметным соотнесением/соотнесенностью). Если в тексте несколько слов/словосочетаний имеют одинаковое предметное соотнесение — они *кореперентны* :

рус. Небо внизу кончается, и там, глубоко под ним, под самым его краем, рассыпано пестро, смутно. *Москва...* Какая же она большая!.. Смутная вдалеке, в туманце. Но вот, яснее... — я

вижу колоколенки, золотой куполок Храма Христа Спасителя, игрушечного совсем, белые ящички-домики, бурые и зеленые дощечки-крыши, зеленые пятнышки-сады, темные трубы-палочки, пылающие искры-стекла, зеленые огороды-коврики, белую церковку под ними... Я вижу всю игрушечную *Москву*, а над *ней* золотые крестики (И. С. Шмелев. Лето Господне);

англ. It was upon a delicious summer morning, before the sun had assumed its scorching power... that a *youth*, coming from the northeastward approached the ford of a small river <...> On the bank of the... brook, opposite to that which the *traveller* was approaching, two men... seemed, from time to time, to watch his motions; for, as their station was much more elevated, they could remark *him* at considerable distance (Sir W. Scott. Quentin Durward);

нем. *Otto von Bismark* trägt in der Geschichte von Deutschland den Namen "*der Eiserne Kanzler*";

фр. De fouies les figures de l'histoire de France, il n'en faut pas chercher de plus touchante ni de plus populaire que cell de *Jeanne d'Arc*. Et son épopée, depuis les voix entendues par *la petite bergère de Domremy*, jusqu'a supplice final, est inscrite dans tous les esprits, et bien au-dela des frontières de France.

Когнитивное значение состоит из контенционального, составляющего «содержание понятия», и экстенционального, составляющего «объем понятия».

Контенционал — это совокупность, а точнее, структура отраженных в данном понятии (значении, имени) признаков. Экстенционал — это множество вещей (денотатов), с которыми соотносится понятие (значение, имя).

Контенционал и экстенционал значения имени могут варьироваться в зависимости от контекста, ср. значение английского слова *book* в высказываниях:

(1) There were many *books* on my father's desk. (2) A *book* is a set of pages that have been fastened together inside a cover to be read or written in. (3) Less promising in appearance was a large square *book* with plain black covers; Nickolas peeped into it, and, behold, it was full of coloured pictures of birds (H. H. Munro). В (3) слово *book* имеет самый богатый контенционал (т. е. наибольшее количество конкретных признаков предмета) и самый узкий экстен-

сионал (так как соотносится с единичным денотатом). В (2), напротив, экстенсионал слова предельно широк (вмещает все возможные денотаты), но контенсионал чрезвычайно беден.

При всем контекстуальном варьировании прямого значения имени в его контенсионале содержится некое *постоянное ядро* — устойчивая структура признаков, характерная для данного класса. Это устойчивое ядро называется **интенсионалом** значения.

Интенсионал и экстенсионал значения находятся в обратной зависимости друг с другом: чем богаче интенсионал, тем беднее экстенсионал (*книга — печатное издание — предмет*).

Возможны два вида контенсионального варьирования.

1. Затрагивается стабильное ядро значения, его интенсионал; в результате создается новое значение, происходит семантический сдвиг (переосмысление, семантическое преобразование), ср.:

рус. *звезда* — «небесное тело» (*небо в звёздах*); *звезда* (о деятеле искусства, науки, о спортсмене) — «знаменитость» (*звезда экрана*);

англ. *keen* — «острый» (*A kitchen knife needs a keen blade*); *keen* (об умственных способностях) — «проницательный» (*Even at the age of 95 he still had a keen mind*);

нем. *Blatt* (n) — «лист» (*grüne Blätter*); *Blatt* (n) — «газета» (*ein unabhängiges Blatt*);

фр. *éveil* (m) — «пробуждение»; *éveil* (m) — «предостережение» (*donner l'éveil*).

2. Варьирование не затрагивает интенсионала, но значение имени в тексте обогащается **дополнительными признаками**, описывает только определенный — единичный — денотат или класс денотатов; понятие о единичной вещи в связанном тексте всегда обогащается новыми признаками, ср. значение слова *звезда* в следующем фрагменте романа И. С. Шмелева «Лето Господне»:

Бывало, ждешь *звезды*, протрешь все стекла. На стеклах лед, с мороза. Вот, брат, красота-то!.. Елочки на них, разводы, как

кружевное. Ноготком протрешь — *звезды* не видно? Видно! Первая *звезда*, а вон — другая... Стекла засинелись. Стреляет от мороза печка, скачут тени. А *звезд* все больше. А какие *звезды!*.. Форточку откроешь — резанет, ожжет морозом. А *звезды!*.. На черном небе так и кипит от света, дрожит, мерцает. А какие *звезды!*.. Усатые, живые, бьются, колют глаз. В воздухе-то мерзлость, через нее-то *звезды* больше, разными огнями блещут, — голубой хрусталь, и синий, и зеленый, — в стрелках.

Варьирование второго типа не создает новых значений, но проявляет две разновидности конвенционального значения: а) сигнификативное значение — имя не описывает единичный денотат; б) денотативное значение — имя репрезентирует единичный денотат / группу единичных денотатов, т. е. представляет в речи нечто единичное в своем классе.

Все вещные слова (имена существительные) способны к репрезентации денотата, т. е. референционному употреблению. Из них имена собственные специализированы в этой функции, но репрезентируют только единичное, а не класс. Не имея собственного интенционала, они не могут описать денотат, а предназначены для того, чтобы выделить его по принятому соглашению как единичное в некоем классе. Тем самым именам собственным свойственно только денотативное значение, как, например, в следующем фрагменте «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина:

Король шведский... послал зятя своего, *Биргера*, на ладях в *Неву*, к устью *Ижеры*, с великим числом шведов, норвежцев, финнов. Сей вождь опытный, дотоле счастливый, думал завоевать *Ладугу*, самый *Новгород*, и велел надменно сказать *Александру*: "Ратоборствуй со мною, если смеешь; я стою уже в земле твоей". *Александр* не изъявил ни страха, ни гордости послан шведским, но спешил собрать войско; молился с усердием в Софийской церкви, принял благословение архиепископа новгородского *Спиридона*, отер на праге слезы умиления сердечного и, вышедши к своей малочисленной дружине, с веселым лицом сказал: "Нас немного, а враг силен; но Бог не в силе, а в правде: идите с вашим князем!"

Возможность описания денотата у имен собственных вторична и появляется как побочное следствие закрепления определенных имен собственных за определенными классами денотатов:

рус. *Дон Кихот*, англ. *Don Quixote*, фр. *Don Quichotte* — герой одноименного романа М. Сервантеса; рус. *донкихот* — «странный для окружающих человек, рыцарски-самоотверженно борющийся за отвлеченные идеалы добра» (*He переведутся донкихоты*); англ. *quixotic* — "having ideas that are not practical or likely to succeed" (*This is a vast, exiting and perhaps a quixotic project*); фр. *donquichottisme* — донкихотство.

Имена нарицательные способны репрезентировать как класс, так и единичное в рамках класса, а, кроме того, еще и различные промежуточные экстенционально-референционные разряды между классом и единичным. Имея свой интенционал, они всегда описывают денотат, даже когда совмещают описание денотата с его репрезентацией в речи. Наричательные существительные в репрезентирующем употреблении имеют и экстенциональный, и контенциональный компоненты значения. При этом, репрезентируя единичное, они несут денотативное значение, в котором общие для класса признаки растворяются в образе единичного денотата и могут обрастать множеством разнообразных других признаков. Вне репрезентации единичного нарицательное существительное замыкает свое контенциональное значение структурой общих для вещей данного класса признаков — сигнификативным значением, ср. значение существительного *Rose* (f) в стихотворении Б. Брехта:

Höchstes Glück ist doch zu spenden
denen, die es schwerer haben,
und beschwingt mit frohen Händen
auszustreun die schönen Gaben.

Schöner ist doch keine *Rose*
als das Antlitz des Beschenkten,
wenn gefüllet sich, o grosse
Freude, seine Hände senkten.

Признаковые слова (глаголы, прилагательные, наречия, ряд абстрактных существительных) в речи наряду с неспособностью к репрезентации не обнаруживают и экстенционального значения. Им свойственно лишь контенциональное сигнификативное значение, и они специализированы в семиотической функции описания того, что в высказывании репрезентировано другим именем. Сами по себе они нереферентны, ср., например, описание последнего листа в одноименном рассказе О. Генри:

But, lo! after the *beating* rain and *fierce* gusts of wind that had endured through the *livelong* night, there yet stood out against the brick wall one ivy leaf. It was the *last* on the vine. Still *dark green* near its stem, but with its *serrated* edges *tinted with the yellow of dissolution and decay*, it hung *bravely* from a branch some twenty feet above the ground.

Вопросы для самоконтроля

1. Что такое денотат? В чем различие терминов *денотат* и *референт*? Какие слова мы называем кореферентными?
2. Какие слова являются безденотатными и почему?
3. Что понимается под контенционалом, и как он соотносится с экстенционалом?
4. Опишите два типа интенционального варьирования.

Практическое задание

Прочитайте начальный фрагмент повести М. Н. Загоскина «Юрий Милославский». Выявите *кореферентные* слова; укажите, какие слова имеют только *денотативное* значение, а какие только контенциональное *сигнификативное* значение.

Никогда Россия не была в столь бедственном положении, как в начале семнадцатого столетия: внешние враги, внутренние раздоры, смуты бояр, а более всего совершенное безначалие — все угрожало неизбежной погибелью земле русской. Верный сын отечества, боярин Михайло Борисович Шеин, несмотря на беспримерную свою неустрашимость, не мог спасти Смоленска.

Этот, по тогдашнему времени, важный своими укреплениями город был уже во власти польского короля Сигизмунда, войска которого под командою гетмана Жолкевского, впущенные изменою в Москву, утесняли несчастных жителей сей древней столицы. В недалеком расстоянии от Москвы стояли войска второго самозванца, прозванного Тушинским вором; на севере — шведский генерал Понтиус де ла Гарди свирепствовал в Новгороде и Пскове; одним словом, исключая некоторые низовые города, почти вся земля русская была во власти неприятелей, и одна Сергиевская лавра, осажденная войсками второго самозванца под начальством гетмана Сапеги и знаменитого налета пана Лисовского, упорно защищалась; малое число воинов, слуги монастырские и престарелые иноки отстояли святыю обитель.

II.1.2. Своеобразие семантических систем языков. Соотношение прагматического и когнитивного компонентов значения

В отличие от понятийных систем, которые обнаруживают несравненно больше общих черт, чем обусловленных внеязыковыми причинами (особенностями среды, истории, культуры) различий, семантические системы языков весьма своеобразны в каждом языке.

Внеязыковыми (экстралингвистическими) причинами своеобразия семантических систем могут быть различия в понятиях и понятийных системах народов как отражение различий в обстоятельствах и содержании материальной и духовной жизни народов. При всей подавляющей общности фундаментальных условий жизни у каждого из них имеются собственные только им специфические реалии культуры, быта, истории, которым в иной культуре и понятийной системе соответствуют полные или частичные пробелы — материальные и понятийные лакуны (от англ. *lacuna* — пропуск; пустота). Различия в понятийных системах отражаются на отдельных участках семантических систем, и для их восполнения прибегают к заимствованиям.

Вместе с тем своеобразие семантических систем является результатом прежде всего внутренних языковых причин, непосредственно не связанных с понятийными, мыслительными различиями.

1. Между знаком и понятием не обязательна какая-либо естественная зависимость или сходство (*принцип произвольности знака*); следовательно, распределение понятий-значений между знаками не подчинено каким-либо строгим правилам и поэтому уникально в каждом языке.

Принцип произвольности знака проявляется, в частности, в своеобразии структуры полисемии в разных языках: англ. *gentle* соединяет два понятия-значения, которые в русском языке передаются двумя различными прилагательными: *gentle* (smile) — *ласковый*; *gentle* (slope) — *отлогий*; рус. *нос* сводит вместе в виде двух своих значений понятия, которые в английском языке передаются раздельно: *нос* (человека) — *nose*; *нос* (корабля) — *bow, head, prow*; во фр. *fameux, -se* объединены два понятия-значения, передаваемые в английском языке двумя разными прилагательными: (un acteur) *fameux* — *famous*; (un menteur) *fameux* — *notorious*.

2. В каждом языке понятия не только своеобразно разведены по языковым единицам как их значения, но и сами единицы могут принадлежать к разным уровням языковой структуры.

Начало действия в русском языке может быть выражено как аналитически, при помощи фазисных глаголов (*начать работать*), так и в рамках глагольного слова при помощи приставок *за-, по-, вз- (взо-, вс-), воз- (вос-)* (Петрухина, 2009, с. 100). В английском языке начало длительного действия (инхоативность) выражается только аналитическими конструкциями с фазисными глаголами, ср.: рус. *Все вдруг засмеялись (начали смеяться)* — англ. *Suddenly everyone began to laugh/ burst out laughing*.

3. Каждый язык может по-своему комбинировать понятия в значения: в одном и том же значении языковой единицы могут быть скомпонованы в единое структурно сложное понятие несколько более простых понятий. В результате языки, не от-

личаясь наборами понятий, могут заметно отличаться комбинаторикой и, как следствие, значениями и семантическими системами в целом:

рус. *твердить* — англ. *to say/ repeat over and over again*;
англ. *to staff* — рус. *обеспечивать персоналом*;
нем. *angreifbar* — рус. *открытый для атаки*;
фр. *laitage* — рус. *молочные продукты*.

4. Допускается значительная свобода в том, что об описываемых вещах и событиях должно быть сообщено открыто (эксплицитно), а что может быть оставлено имплицитно и домысливаться из логики контекста и ситуации речи. В результате семантические системы разных языков на различных своих участках отличаются плотностью / разреженностью семантических средств.

Развитая система видовых форм позволяет русскому языку основательно прорисовывать видовую характеристику глагольных действий, ср. рус. *Мы встретились вчера* — англ. *We met yesterday*; *Мы встречались вчера* — *We met (not once) yesterday*. С другой стороны, в русском языке не всегда уточняется длительность действия, поэтому одна и та же форма может выражать и обычное, и длительное действие, происходящее в момент речи, ср. рус. *Он занимается* — англ. *He is studying / studies*.

5. В случае объектов, части которых не отделены друг от друга какой-либо границей, а плавно переходят друг в друга, сама действительность не препятствует членению ее различными способами, и это дает в результате различающиеся понятийные и семантические системы, например:

В английском, немецком и французском языках шесть основных цветов (ср. фр. *rouge, orange, jaune, vert, bleu, violet*), в русском — семь (за счет различения *синего* и *голубого* среди основных хроматических цветов).

Типология значений. Всякое конкретное значение квалифицируется как элемент либо когнитивных, либо прагматических структур сознания, что приводит к расслоению значения на когнитивный компонент и прагматический ком-

понент. Лексическое значение может сочетать в своей структуре либо оба типа содержания — когнитивного и прагматического, либо ограничиваться одним из них.

подавляющее большинство слов прагматически нейтральны, и в их значениях представлен лишь когнитивный компонент содержания с определенной внутренней структурой (ср. рус. *река*, *яблоня*, *ручка*, англ. *table*, *road*, *garage*, фр. *groupe* (m), *habit* (m), *huile* (f) и т. д.). В этом случае слова сами по себе свободны от выражения субъективных эмоционально-оценочных отношений к денотатам речи. В определенных условиях контекста и ситуации речи прагматически нейтральные слова могут получать прагматическую окраску. Однако такая их окраска — не собственное их значение, а производное от взаимодействия с контекстом и ситуацией речи. Тем самым она — элемент содержательной структуры не слова, а контекста.

Глагол *дышать* в основном своем значении прагматически нейтрален (*дышать* — «о живых организмах: поглощать кислород и выделять углекислый газ»), но в стихотворении Б. Л. Пастернака «После грозы» это слово приобретает отчетливо положительную коннотацию:

Пронесшейся грозой полон воздух.
Всё ожило, всё *дышит*, как в раю.
Всем роспуском кистей лиловогроздых
Сирень вбирает свежести струю.

Междометные слова представляют противоположный случай — это слова с чисто прагматическим значением.

В заключительной главе «Рождественской песни в прозе» Ч. Диккенс использует повторяющиеся междометия *Whoop!* *Hallo!* для выражения эмоционального состояния главного героя: "I don't know what to do!" cried Scrooge, laughing and crying in the same breath; and making a perfect Laocoon of himself with his stockings. "I am as light as a feather, I am as happy as an angel, I am as merry as a schoolboy. I am as giddy as a drunken man. A merry Christmas to everybody! A happy New Year to all the world. Hallo here! Whoop! Hallo!"

Остальные слова объединяют в своем значении оба типа содержания. В структуре их лексических значений представлены и взаимодействуют когнитивные и прагматические компоненты. В зависимости от того, какой компонент оказывается ведущим, они распадаются на две группы.

В первую группу — слов с доминирующим когнитивным компонентом — входят лексемы, денотаты которых специфичны в одном отношении: их свойства аксиологически релевантны, т. е. затрагивают систему ценностных ориентаций людей и поэтому служат устойчивым источником единообразных эмоциональных реакций и оценок, положительных и отрицательных, большей или меньшей интенсивности. Ведущим в значении слова является описание некоего класса денотатов или признака денотатов самого по себе, но ценностная природа этого класса такова, что непременно вызывает эмоции и оценки. Прагматическое значение возникает у слов этой группы как аксиологическая производная когнитивного значения, ср.:

рус. *любовь, верность, творчество, мужественный, вежливый, капризный, герой, разведчик;*

англ. *friend, enemy, help, war, peace, annoy, palace, beautiful, light, truth, honour;*

нем. *Kunst (f), Liebe (f), Freund (m), Ehre (f), Tapferkeit (f), treu;*

фр. *idéal, hostile* (но: *hospitable*), *ignorant, honneur, forcer, harmonie, courageux.*

Во вторую группу — слов с доминирующим прагматическим компонентом — входят лексемы, предметная область которых весьма неопределенна и референционные границы растяжимы. Это отличает их от слов с преобладающим когнитивным компонентом значения. Эта категория слов еще более эмотивно нагружена (напр., рус. *милый, дорогой, мелочи, нелепица, ничего, здорово;* англ. *dear, honey, fuss, cool* и т. д.). Главное в этих словах не то, что ими обозначается, а его эмоционально-оценочная квалификация, выражение субъективного отношения к нему.

Ряды этих слов пополняются за счет выхолащивания когнитивного компонента, ср.: рус. *классно*, *вкалывать*, англ. *phoney*, нем. (*ultra*)*stark*, *toll*, *super* и т. д. Деградируя в когнитивном плане, слово становится подверженным моде и часто оказывается недолговечной приметой времени, так называемым «прагма-словечком» определенного жаргона (ср. *крутой*). Когнитивный компонент в таких словах настолько беден и функционально угнетен, что с трудом удерживает слова от «расползания» из своих аморфных референционных рамок. «Прагматическая инфляция приводит слово к когнитивному параличу» (М. В. Никитин).

Вопросы для самоконтроля

1. Что такое «принцип произвольности знака», и как он влияет на своеобразие семантических систем языков? Приведите примеры.

2. Как влияет свобода комбинаторики понятий на своеобразие семантических систем языков? Приведите примеры.

3. В чем причина различной «плотности-разреженности» семантических средств языков на различных участках?

4. Сопоставьте семантическую структуру многозначных слов и их аналогов в русском, английском и немецком языках (рус. *труба*, *рисовать*, *момент*; англ. *face*, *landmark*, *peak*; нем. *Aufzug* (m), *Decke* (f), *Scheibe* (f)).

5. Классифицируйте слова, исходя из соотношения в них когнитивного и прагматического компонентов: рус. *дом*, *огород*, *офицер*, *отлична*, *периодика*, *ах!*, *праздник*; англ. *glorious*, *ladle*, *cop*, *chef d'oeuvre*, *ha ha ha*, *clever*, *cliché*; нем. *ach ja!* *bewegen*, *helfen*, *grosszügig*, *aufzeichnen*, *Betrug* (m), *Hand* (f).

II.1.3. Структура лексического значения

Семантическим называется признак, отраженный в значении языковой единицы. Это понятие о признаке, представленное в значении словесного знака. При этом несущественно, исчерпывает ли признак данное значение (как, например, у слов *веселье*, *идти*) или составляет только часть этого значения (как, например, признак «веселье» в значении глагола *веселить* — «вызывать веселье, радость» или признак «идти» в значении глагола *вести* — «помогать идти, сопровождать иду-

щего»). Поскольку *веселить* или, например, *смешной* (т. е. вызывающий смех) — сами признаки, то о них следует говорить как о сложных признаках, а о значении этих слов — как содержащих сложный семантический признак.

Обычно лексическое значение представляет собой совокупность семантических признаков, относящихся к описанию называемых словом сущностей (класса сущностей). Эти признаки связаны зависимостями и тем самым образуют структуру лексического значения.

Под структурой понимают взаимозависимости частей целого. В лексическом значении выявляются известные части (элементы, компоненты), которые связаны зависимостями, образующими в результате целое — лексическое значение. В структуре лексического значения выделяются две части — интенционал и импликационал. Интенционал — держательное ядро лексического значения, импликационал — периферия семантических признаков, окружающих это ядро.

Интенционал — структурированная совокупность семантических признаков, конституирующих данный класс денотатов. Наличие их считается обязательным для сущностей данного класса. Именно интенционалы лежат в основе мыслительных и речевых операций по классификации и именованию денотатов, например:

Планеты представляют собой небесные тела, движущиеся вокруг Солнца и светящиеся его отраженным светом; признаки «небесное тело», «вращающееся вокруг Солнца», «светящееся отраженным светом» входят в интенционал слова *планета* (в отличие от слова *звезда*, интенционал которого включает, помимо понятия о небесном теле, признак «раскалённый газовый шар»).

Светлячки отличаются от остальных мелких насекомых способностью излучать свет в темноте, и эти признаки — «маленький», «жук» и «светящийся в темноте» составляют интенционал английских слов *glowworm*, *firefly*.

Серебро представляет собой драгоценный блестящий металл серовато-белого цвета, и признаки «металл», «серовато-белый», «блестящий», «драгоценный» входят в состав интенционала немецкого слова *Silber* (n).

Интенционал предопределяет область того, что может быть названо данным именем, т.е. его экстенционал. Интенционал связан с познавательной-преобразующей стороной деятельности человека, он соответствует конструктивно-логическому аспекту понятия и предполагает известную конструктивизацию действительности, допустимое отвлечение от бесконечности ее связей, переходов и переливов.

Семантические признаки в интенционале распадаются на две части, связанные родовидовым (*гипер-гипонимическим, спецификационным*) отношением: родовая часть интенционала называется гиперсемой (*архисемой*); видовая часть — гипосема (дифференциальными признаками).

Интенционал слова *студент* включает родовую часть (гиперсему) — «учащийся» и видовую часть (гипосему, дифференциальные признаки) — «высшего гражданского учебного заведения».

В интенционале английского слова *earring* гиперсемой является «украшение», гипосемой «продаваемое в мочку уха».

Интенционал немецкого слова *Gold* (n) состоит из гиперсемы «драгоценный металл» и гипосемы «желтый цвет».

В интенционал французского слова *voilier* (m) входят гиперсема «судно» и гипосема «парусное».

Признаки не существуют порознь, но связаны многообразными связями и зависимостями. В силу этого одни признаки заставляют помыслить о других с большей или меньшей необходимостью. Равным образом интенциональные признаки могут с необходимостью или вероятностью предполагать (имплицировать) наличие или отсутствие других признаков у денотатов данного класса. Совокупность имплицируемых признаков образует по отношению к интенционалу (ядру значения) и м п л к а ц и о н а л лексического значения, периферию его информационного потенциала.

Импликационал отражает разнообразные предметные связи сущностей, т.е. очерчивает ожидаемую область того, что может быть названо в связи с данным именем. В импликационалах непосредственно отражена вероятностная структура ми-

ра. Интенционал составляет непрменный постоянный компонент значения имени, а импликационал — его обусловленный и варьирующийся в контекстах компонент, зависимый от предметно-логической структуры контекста.

Информация о денотате, которую слово несет в тексте, складывается из двух частей: непрменных интенциональных признаков и некоторой части импликациональных признаков, актуализируемых контекстом.

Импликация признаков может быть жесткой (обязательной, необходимой), высоковероятностной, слабой (свободной) и отрицательной.

В случае жесткой и высоковероятностной импликации интенционал значения вызывает в сознании признаки с вероятностью, равной или близкой к единице. Совокупность таких признаков образует сильный импликационал значения, разновидностью его является жесткий импликационал (совокупность признаков, с необходимостью имплицуруемых из интенционала).

Признаки сильного импликационала близки к интенциональному ядру, составляя почти непрменную часть лексического значения, поэтому они (в особенности жесткий импликационал) часто попадают в толкования значений слов в толковых словарях. Тем не менее эти признаки остаются за чертой интенционала по той причине, что теоретически возможное отсутствие такого признака в денотате еще не исключает денотат из класса, к которому он отнесен данным именем.

Интенционалом значения слова *лето* выступает «время года, следующее за весной и предшествующее осени»; в сильный (жесткий) импликационал входят признаки «самое теплое время года», «солнце стоит высоко над горизонтом и сильно греет», «дни длинные, ночи коротки»; однако если какое-то лето окажется холоднее других, оно тем не менее останется летом — определяющим признаком является временной интервал.

Импликация признаков может быть не обязательно истинной, но и ложной или сомнительной, так как к импликациона-

лу подключены все стереотипные ассоциации, истинные или ложные, традиционно связанные с каким-то классом (напр., лиса хитра и т. д.).

Импликация каких-то признаков по отношению к интенционалу может представляться невозможной или маловероятной — признаки несовместимы (напр., *черное золото*, *красноречивое молчание*, *песня без слов*). Совокупность таких признаков образует отрицательный импликационал значения (*негемпликационал*). Негемпликационал вовлекается в значение слова как отрицательный информационный потенциал. Атрибуция несовместимых признаков указывает на особый характер номинации и комбинаторики значений.

В сочетаниях этого типа прямые значения слов несовместимы, но слова переосмыслены и употреблены во вторичных значениях так, что несовместимость признаков устранена. Однако несовместимость первичных значений «просвечивает» как фон актуальных вторичных значений и создает эффект сочетания несовместимых понятий.

Переосмыслению может подвергаться либо имя признака (*красноречивое молчание*), либо имя вещи (*черное золото*), либо они вместе. В словосочетаниях рассматриваемого вида происходят два взаимосвязанных согласованных процесса, нацеленных на единый семантический результат:

1) переосмысление слова как результат соотнесения его с новым для него понятием — *деривационно-семантический процесс* обозначения некоего понятия средствами вторичной номинации;

2) переосмысление слова как результат взаимодействия лексических значений сочетающихся слов — *комбинаторно-семантический процесс*.

Взаимодействие несовместимых прямых значений приводит к тому, что из двух несовместимых признаков погашается признак в переосмысленном слове, его место в значении словосочетания заступает один из остающихся противоположных признаков, а значением самого переосмысляемого слова в комбинаторно-семантическом процессе обобщается.

Так, в сочетании *черное золото* комбинаторно погашается сема желтого цвета, а референция к нефти не только погашает семы желтого цвета и металла, но и перестраивает на метафорической основе значение слова *золото* — нечто ценное.

Помимо сильной и отрицательной импликации существует обширная область признаков, наличие или отсутствие которых у данного денотата в одинаковой мере и вероятно, и проблематично. Эта область признаков по отношению к интенционалу значения образует его *слабый*, или *свободный*, импликационал:

Весна может быть ранняя или поздняя, прохладная или теплая; улица широкая или узкая, шумная или тихая; город большой, средний или малый, древний или молодой и т. д.

Основания таких признаков представлены — явно или неявно — в интенционале значения как пустые позиции для заполнения признаками из определенного набора. Импликация, однако, носит свободный характер: интенционал не предопределяет, какое конкретно значение это основание может принять.

То, что в лексическом значении слова выделяются две, хотя и связанные, но разные части — интенциональная и импликациональная, находит подтверждение в оксюморонах. Оксюморон — подчинительное словосочетание, соединяющее несовместимые признаки, ср.: рус. *горячий снег*, *звонкая тишина*; англ. *harmonious discord*; фр. *une folie raisonnable*. Несовместимость в оксюморонах относительная. Оксюморон создает значение-гибрид: он сочетает интенционал одного слова с не свойственным ему импликационалом, который заимствуется у второго слова. Первое слово поступает своим импликационалом, второе — интенционалом. Оксюморон имеет противоположные осмысления в зависимости от того, какое слово сохраняет прямое значение, а какое подвергается переосмыслению.

Вопросы для самоконтроля

1. Что такое интенционал лексического значения, и как он соотносится с импликационалом?
2. В чем различие между сильным (жестким) и слабым импликационалом?

3. В чем сущность отрицательного импликационала, и как он соотносится с интенционалом?

4. Опишите структуру когнитивного компонента лексического значения, выявив интенционал и различные импликациональные пласты значения у слов: рус. *радуга, май, фиалка, звезда, весна, учитель, приятель, багряный*; англ. *queen, campus, privacy, charity, snowdrop, lawn, lake, holiday*; нем. *Leopard* (m), *Lied* (n), *Oase* (f), *Schulfeier* (f).

5. Опишите семантическую структуру словосочетаний: рус. *красноречивое молчание, спешить медленно*; англ. *harmonious discord*; исп. *la música callada, la soledad sonora*.

II.1.4. Типология сем

Все значения, кроме тех, что совпадают с элементарными понятиями, состоят из компонентов, а именно содержат более простые понятия, связанные зависимостями в целостную структуру значения. Применительно к значениям принято понятия как части других понятий-значений называть семами.

С е м ы отличаются от значений как части от целого. Семы — это такие части значений, которые не выражены в структуре данного знака какой-либо его частью, а выявляются чисто реляционно из сравнения значений или, если и выражены в структуре знака, то посредством неноминативной единицы (грамматически, например посредством морфемы). Сема может быть простым и сложным семантическим признаком, для нее существенно лишь то, что этот признак составляет неноминированную часть значения некоего словесного знака.

Например, рус. слово *мудрец* и англ. слово *fool* имеют общую родовую сему «лицо» и разные видовые семы «мудрый» и «глупый». У слова *fool* сема «лицо» присутствует реляционно (её нельзя отнести ни к какой части структуры этого знака); в слове *мудрец* сема «лицо» выражена неноминативной единицей (суффиксом *-ец*).

Семы и значения соотносятся не только как часть и целое, но также как разные статусы существования, выявления поня-

тий в структуре языковых единиц. Одно и то же понятие может иметь статус значения и статус семы, ср.:

Понятие «родитель» является значением слов рус. *родитель*, англ. *parent* и семой слов рус. *отец*, англ. *father*, значение которых состоит из двух понятий-сем: «родитель» и «мужской пол».

В качестве синонимов термина «сема» используются термины семантические составляющие, семантические множители. Близок по смыслу и термин семантический признак, однако для последнего несущественно, составляет он часть значения или совпадает с целым значением. Сема — семантический признак как неноминированная часть значения.

Выявление общего и различного в компонентном составе значений начинается со сравнения их интенционалов и экстенционалов. Семное разложение значений слов является результатом того, что выражаемые ими понятия организованы в иерархические структуры.

Понятия в иерархии различаются уровнем обобщения. Понятия и слова более высокого уровня обобщения называются гиперонимами, понятия и слова низшего уровня по отношению к высшему — гипонимами. Понятия и слова одного уровня обобщения называют эквонимами, а их отношение — эквонимическим (отношением эквонимии).

Например, в триадах рус. *отец* — *мать* — *родитель*, слова *отец* и *мать* относятся к одному, низшему, уровню обобщения, выступая гипонимами относительно слова *родитель* и эквонимами относительно друг друга; ср. англ. *son* — *daughter* — *children*, нем. *Tante* (f) — *Onkel* (m) — *Verwandte* (m, f).

Экстенционал гиперонима равен сумме экстенционалов гипонимов, первый включает вторые. Если же взглянуть на это с интенциональной стороны, то отношения меняются на противоположные: гипоним имеет более развернутый интенционал и включает гипероним как часть своего содержания.

Эквонимические и родовидовые отношения понятий, взаимно предполагающие друг друга, выявляют компонентный

состав и структуру интенционалов. Сравнение эквонимов друг с другом и гиперонимом обнаруживает у них общую часть, содержательно равную гиперониму — гиперсеми интенционала. Различительные признаки, специфические для каждого эквонима, образуют гипосеми интенционала. Гиперсема указывает общее в понятиях данной предметной области, т.е. их категорию, а гипосема — специфическое, особенное в понятии — значении. Тем самым гиперсема и гипосема связаны в единую структуру категориально-спецификационным отношением.

Глаголы, как отмечает Е.Е. Котцова, «имеют более сложную сигнификативно-семантическую природу, чем класс конкретных имен. Концепты глаголов представляют собой типовые ситуации, включающие, наряду с основной процессуальной семой, разные актанты действия (субъект, объект, способ, место, цель, результат, время осуществления действия)». Их можно рассматривать как «гипосемы, т.е. дифференциальные признаки глагольных гипонимов. Такая многосемная структура значения многих глаголов действия предполагает многообразие оснований, типов гипосем, по которым гипонимы-глаголы могут противопоставляться гиперониму» (Котцова, 2011, с. 326).

«Гипонимические группы глаголов, организованные по именованным гипосемам "характер объекта", "характер субъекта", "орудие или средство осуществления действия", часто... четко структурированы и близки к терминосистемам. Ср. группу по гипосеме "средство осуществления действия" (покрытия): *покрывать* — *красить* (п. краской), *асфальтировать* (п. асфальтом), *бетонировать* (п. бетоном), *цементировать* (п. цементом), *ламинировать* (п. ламинатом), *глазурировать* (п. глазурью), *лакировать* (п. лаком)» (там же).

Лексическое значение представляет собой сложное динамичное образование. Составляющие его части различаются многими особенностями: местом и ролью в структуре значения, характером взаимодействия и взаимозависимостей одних с другими и с контекстом, совместимостью / несовместимо-

стью; они своеобразно проявляют себя при переосмыслении слова в словообразовании. В связи с этим возникает проблема типологии сем. В целом разграничивают следующие разряды сем, обычно организованные в оппозитивные пары или ряды из нескольких составляющих:

1) когнитивные (*денотативные, референциальные, предметно-логические, интеллективные*) vs прагматические (*коннотативные, эмотивно-оценочные, экспрессивно-стилистические*);

2) центральные (*ядерные, интенциональные*) vs периферийные (*импликациональные*);

3) актуальные (*актуализированные*) vs потенциальные;

4) явные vs скрытые (*латентные*);

5) обязательные vs факультативные (*дополнительные*);

6) узуальные vs окказиональные;

7) индуцирующие vs индуцируемые;

8) категориальные семы — гиперсемы (классемы, маркеры, архисемы) — гипосемы (дифференциальные / различительные, дистинктивные семы).

Ядерная позиция интенциональных сем в структуре значения наделяет их теми качествами, что они актуализированы («явны»), обязательны (наличествуют во всех употреблениях слова в данном значении) и индуктивны (актуализируют импликационно связанные с ними признаки). Те же качества есть у признаков жесткого импликационала. Интенциональные семы, в свою очередь, распадаются на семы родовой части — гиперсемы (*архисемы, маркеры*) интенционала; семы видовой части — гипосемы (*дифференциальные семы*).

Семы импликационала нельзя классифицировать по жестким рубрикам двузначной логики, как это можно сделать с интенциональными семами в силу конструктивно-логической детерминистской природы интенционала. Семы импликационала имеют вероятностный характер; о вероятностной семе нельзя сказать, есть ли она обязательно, наличествует или обязательно отсутствует, актуализирована или нет в виртуальном значении. О виртуальном значении (т. е. о значении, существующем в памяти) можно сказать, что его состав-

ляют обязательные актуализированные семы (это и есть виртуальное значение), но, кроме того, в нем присутствуют еще и потенциальные неактуализированные семы. В актуальном значении все семы актуализированы, и оно составляется из обязательных сем виртуального значения и части потенциальных сем, актуализируемых в контексте.

Правомерно деление сем на индуцирующие и индуцируемые. Индукция сем может быть двоякого рода — внутренней и внешней по отношению к виртуальному значению. Внутренняя индукция — это индукция ядром значения своего импликационального окружения. Внешняя индукция направлена извне, от контекста и ситуации речи (т.е. от *контекста* и *ситуации*) к виртуальному значению. Внешняя индукция формирует актуальное значение слова в речи, производя изменение в составе сем, а иногда и в структуре виртуального значения, так что в актуальном значении погашаются некоторые семы, появляются новые семы, а также может перестраиваться сама структура значения. Это иногда приводит к качественному сдвигу в значении и образованию нового значения.

Ср. фрагмент романа И. С. Шмелева «Лето Господне»: «Сегодня она [тетя] в лиловом платье и в белой шали, муаровой, очень парадная... Мне велят приложиться к ручке... Она... хватает меня за стриженный вихорчик и говорит нараспев... *Расти, хохолок, под самый потолок!*» В последнем предложении существительное *хохолок* означает «маленький мальчик с хохолком». Позиция обращения предполагает денотат — лицо: если в эту позицию поставлено иное имя, то в нем индуцируется сема лица, погашается несовместимая с ней сема неодушевленности; в целом происходит перестройка значения и возникновение нового.

Рассматривая семантику слов в контекстах, мы обнаружим, что сочетание слова с другими словами оказывает такой эффект на его значение, что в нем одни семы выдвигаются на передний план (получают акцентировку, входят в фокус внимания, оттеняются как ситуативно релевантные), а другие, напротив, отступают на задний план (затеняются как ситуативно несущественные). Никакой количественной перестройки в структуре виртуального значения и составе сем при этом не

происходит, меняются ситуативно мотивированные акцентировки, угол освещения семной структуры в ее конкретно-речевой реализации.

Например, сочетания с словом *окно / window* акцентируют разные признаки в структуре денотата: *сидел на окне* — подоконник (ср. англ. *She's got some wonderful plants in the window*); *открыл окно* — створки, рама (ср. англ. *Is it all right if I open / close the window?*); *разбил окно* — стекло (ср. англ. *My son smashed the dining-room window with a cricket ball*).

Тем самым значение оказывается динамичной структурой, способной встраиваться в ситуацию и приобретать коммуникативную перспективу. На этой основе в актуальных значениях слов различаются семы от т е н я е м ы е (акцентируемые) и семы з а т е н я е м ы е (приглушаемые).

Вопросы для самоконтроля

1. Что такое сема? Может ли одно и то же понятие может быть и семой, и значением?
2. Как соотносятся гиперонимы, гипонимы, эквонимы?
3. Выявите семный состав слов и установите иерархические отношения между словами: рус. *род, муж, семья, жена, внук, сын, родители, золовка, дочь, племянник, дети, дед, свояченица, шурин, тёща, свекровь, теща*.
4. Сопоставьте семантическое наполнение слов: рус. *практика* — англ. *practice*, рус. *амбициозный* — англ. *ambitious*, рус. *кабинет* — англ. *cabinet*, рус. *актуальный* — англ. *actual*; англ. *wonder* — нем. (sich) *wundern*, англ. *still* — нем. *still*, англ. *patent* — нем. *patent*, англ. *novel* — нем. *die Novelle*, англ. *gracious* — нем. *graziös*.
5. Опишите процесс внешней индукции сем у выделенных слов: рус. *Музыканту рукоплескал весь зал*; англ. *The White House is set to announce health-care reforms*.

Практическое задание

Прочитайте начальные строфы стихотворения Б.Л. Пастернака «Февраль. Достать чернил и плакать!..» (1912 год) и их переводы на английский, немецкий и французский языки

(Л. Л. Пастернак-Слейтер, Э. Бёрнера, А. Робена). Укажите, какие семы выделенных слов оказываются оттененными / затененными в тексте-оригинале и его переводах.

Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною черною горит.

Достать *пролетку*. За шесть гривен,
Чрез *благовест*, чрез *клик* колес,
Перенестись туда, где *ливень*
Еще шумней чернил и слез.

Black spring! Pick up your pen and weeping,
Of February, in sobs and ink,
Write poems, while the slush in thunder
Is burning in the black of spring.

Through *clanking* wheels, through *church bells ringing*
A hired cab will take you where
The town has ended, where the *showers*
Are louder still than ink and tears.

Der Februar. Die Tintenschwärze ordern!
Beschreibend sei vom Februar geweint,
Solange noch der Schneematsch donnernd
Im *schwarzen Frühlingsdunkel scheint.*

Die *Droschke* ordern: sechs mal zehn Kopeken.
Durch *Glockenläuten, Räderwerkgebraus*
Schnell dorthin eilen, wo im *lauten Regen*
Das Tintenschwarz, die Tränenflut verrauscht.

Février. Prendre un encrier, pleurer!
Dans les sanglots écrire sur février
Tout le temps que la goguenarde boue met
A devenir sur le printemps d'encre un reflet.

Prendre *un cab*. Pour deux tiers d'un rouble,
Via *les sonneries au ciel, le cri des roues*.
Rouler jusqu'ou *l'averse est alarme*
Encore plus *criarde* qu'encrier, larme.

II.1.5. Семантическая деривация: содержательные связи значений

Словесные знаки легко развивают многозначность: чем частотнее слово в речи, тем больше оснований ожидать у него развернутую полисемию. Полисемия (многозначность), отражающая ассоциативное сближение выражаемых идей, — неотъемлемое свойство естественных языков, в которых за счет ограниченного числа единиц экономно выражается гораздо большее число значений. Язык наследует свой материал и структуру от предшествующих эпох, выражая при этом нечто постоянно изменчивое по составу и объему. Для этого он использует свой старый материал, подчиняя его новым задачам выражения, или вводит новые единицы. Его система вынуждена постоянно перестраиваться.

Значения связаны друг с другом отношениями семантической деривации, одно значение возникает от другого по определенным моделям семантического словообразования. Значения образуют своими связями семантическую структуру слова. В отличие от омонимии разные значения одного многозначного слова связаны в единую структуру тем, что имеют в своем содержании существенную общую часть.

Значения многозначного слова объединены содержательными связями. Эти связи — того же порядка, что и связи понятий, и называются концептуальными связями.

К основным концептуальным связям относятся импликационные, классификационные и знаковые (конвенциональные, семиотические).

Импликационные связи — это когнитивный (мыслительный) аналог реальных связей сущностей объективного мира, их взаимодействий и зависимостей. Одно понятие предполагает, вызывает мысль о другом, если предполагается какая-то зависимость, взаимодействие, связь отражаемых ими сущностей.

К импликационным связям относятся причинно-следственные, пространственные, временные связи, отношения частей и целого и др. Частный случай импликационных связей — метонимические связи значений. Конкретные виды онтологических связей, служащие основанием импликации, весьма разнообразны: «материал — изделие», «причина — следствие», «исходное — производное», «действие — цель», «процесс — результат», «часть — целое», «признак — вещь»:

рус. *радость*: 1) веселое чувство (*испытывать радость*); 2) то, что (тот, кто) вызывает такое чувство (*дети — радость матери; радость ты моя!*); 3) радостное, счастливое событие (*случилась большая радость*);

англ. *fire*: 1) огонь, пламя; 2) пожар (*to catch fire*); 3) свечение; 4) жар, лихорадка; 6) огонь, стрельба;

нем. *gesund*: 1) здоровый (не больной); 2) полезный для здоровья (напр., *eine gesunde Luft, Lebensweise*).

Наиболее частотные модели семантического варьирования лежат в основе регулярной полисемии, ср.:

«Населенный пункт — его жители» (*сбежала вся деревня*); «помещение — собравшиеся в нем» (*рукоплексал весь зал*); «учреждение / организация — их работники» (*собрался весь институт*); «трудовая операция / регулярное действие — место их выполнения» (*встретимся на работе*).

Классификационные связи — мыслительный аналог распределения признаков в вещах. В отличие от импликационных связей, в классификационные сущности объективного мира не объединены какими-либо реальными отношениями, но обнаруживают некоторую общность признаков. Классификационные связи могут быть двоякого рода: 1) гипер-гипонимические; 2) симилятивные.

Гипер-гипонимические связи устанавливаются между понятиями разного уровня обобщения. В зависимости от направления связи, т.е. в зависимости от того, какое понятие и, в частности, какое значение многозначного слова берет-

ся за отправное, различаются связь специализации и связь генерализации, обобщения. В диахроническом, динамическом плане эти отношения описываются известными из лексикологии терминами «сужение» и «расширение» значения. Например, в общенародном языке слово выступает как гипероним — имя общего, родового значения, а в подъязыках имеет более специальное терминологическое значение:

рус. *равенство*: 1) полное сходство, подобие по величине, качеству, достоинству (*равенство сил*); 2) полит. положение людей в обществе, обеспечивающее их одинаковое отношение к закону, одинаковые политические и гражданские права (*социальное равенство*); 3) матем. соотношение между величинами, показывающее, что одна величина равна другой (*знак равенства*);

англ. *resistance*: 1) сопротивление (*There is a lot of resistance to the idea of a united Europe*); 2) техн. свойство материалов противодействовать изменению их формы (*Copper has a low resistance*); 3) полит. *The Resistance* — движение Сопротивления;

нем. *flüchtig*: 1) беглый; 2) хим. летучий, улетучивающийся;

фр. *ouverture*: 1) отверстие; 2) открытие, начало (*ouverture d'un congrès*); 3) муз. музыкальное вступление к опере, балету; 4) муз. законченное произведение для оркестра в одной части.

Особо следует отметить гипер-гипонимическое варьирование по линии «класс — подкласс», где подкласс имеет высокую (положительную) степень классообразующего признака, ср.:

рус. *результат* — «то, что получено в завершение какой-н. деятельности, работы, итог», но *результативный* — «дающий хороший результат».

Варьирование этого типа выявляется, в частности, в ходе диахронных исследований.

Значение англ. существительного *way* — «образ жизни» — в первом переводе Псалтири на английский язык (825 год) представляется нейтральным: "Fot.min stod in wege ðæm rehtan" (*Vesp. Psalter* xxvi. 12) / церк.-слав.: «Нога моя ста на правоте» / рус.: «Моя нога стоит на прямом пути» (Пс., 25: 12). К 1000 году

формируется получившее впоследствии широкое распространение ценностно-маркированное созначение «должный путь жизни или поведения; закон или заповеди (Божии)», ср.: "I walked closely in the *ways of God*" / букв. «Я шел по *путям Господним*» (S. Told, 1786 год). К середине XVIII века это значение расширяется и форма множественного числа *ways* начинает обозначать «*общепринятые нормы поведения; традиции*», ср.: "We judge a stranger by our *home-bred ways*" / букв. «Мы судим незнакомца в соответствии с привычными нам традициями/ *путями*» (Lytton, 1853 год). Характерно, что лексемы *way, path, road* наполняются аксиологическими смыслами, передающими идею «правильной жизни», тогда как слова семантики разнонаправленного движения приобретают отчетливо негативную коннотацию, напр.: англ. *transgression* (букв. и перен. «преступление»), *wayward* («своенравный»), *way-out* («странный»), *out of the road* («странный»), ср.: "Nothing goes down with her, that is quaint, irregular, or *out of the road of common sympathy*" / «Она не принимает ничего, что было бы странным или не получало (букв. *не было на пути*) всеобщего одобрения» (C. Lamb, 1823).

Симилиативная связь имеет место в том случае, когда общая часть не исчерпывает содержания ни одного из концептов: помимо общих семантических признаков, концепты содержат еще различающие их признаки, каждый свои. Кроме того, отличие от гипер-гипонимических связей состоит в том, что общая семантическая часть связанных симилиативной связью концептов не равна гиперониму сопоставляемых концептов.

Симилиативная связь понятий может быть отражением реальной общности свойств у соответствующих референтов. Это случай предметно-логической симилиации:

- рус. *кошка*: 1) хищное млекопитающее семейства кошачьих;
- 2) спец. небольшой якорь;
- англ. *branch*: 1) ветвь, ветка; 2) отрасль; воен. род войск;
- 3) филиал, отделение; 4) ответвление дороги;
- нем. *Fuß* (m): 1) ступня; 2) подножие горы (*Fuß eines Berges*);
- 3) подножие колонны, столпа (*Fuß einer Säule*);
- фр. *pittoresque*: 1) живописный; 2) живой, красочный, выразительный (о слоге); 3) картинный.

Примером предметно-логической симилиации является возникновение у глагола *стушеваться* значения «замолкнуть, сникнуть, незаметно, украдкой скрыться». Этот глагол впервые использовал Ф.М. Достоевский в повести «Двойник» (1843 год).

Как вспоминал писатель, «слово это изобрелось в том классе Главного инженерного училища, в котором был и я, именно моими однокурсниками... Во всех шести классах училища мы должны были чертить разные планы... Все планы чертились и оттушевывались тушью, и все старались добиться, между прочим, уменья хорошо оттушевывать данную плоскость, с темного на светлое, на белое и на нет... Вдруг у нас в классе заговорили: "Где такой-то? — Э, куда-то стушевался!" Или, например, разговаривают двое товарищей, одному надо заниматься: "Ну, говорит один, садящийся за книгу, другому — ты теперь стушуйся!" Или говорит, например, верхнеклассник новопоступившему из низшего класса: "Я вас давеча звал, куда вы изволили стушеваться?" Стушеваться именно означало тут удалиться, исчезнуть, и выражение взято было именно с стушевывания, то есть с уничтожения, с переходом с темного *на нет*» (Ашукин, Ашукина, 1987, с. 333—334; курсив Ф. М. Достоевского).

Общность содержания понятий может не отражать реальную онтологическую природу референтов, но бывает результатом приписывания референтам некоторых общих свойств (напр., фр. *un vieux renard* — старая лиса, старый плут; *agir en renard* — хитрить).

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите существующие содержательные связи значений.
2. В чем сущность импликационных связей значений? (Опишите на примере метонимии и синекдохи.)
3. Опишите сущность симилиации и её проявления в языке на примере метафор.
4. Что понимается под предметно-логической симилиацией?

Практическое задание

Прочитайте стихотворение Б. Л. Пастернака «Неоглядность» (с. 222 настоящего пособия). Сопоставьте словарные определения слов *неоглядность*, *раздолье*, *закрома*, *дело*, *сверкать*, *горячка*, *арена*, *стая*, *крыло* с их значением в стихотворении. Укажите, какой тип семантических связей объединяет значения этих слов. Ознакомьтесь с анализом стихотворения и проследите, какую смысловую нагрузку несут эти слова в общем контексте произведения.

Вынесенное в заглавие стихотворения пространственное существительное *неоглядность* («неоглядное пространство, какое нельзя окинуть взором» [Даль, 1956, т. 2, с. 525]) становится основой для осмысления аксиологии времени. Начальные строки — «*Непобедимым многолетье! Прославившимся исполать!*» — задают торжественный, победный тон всему стихотворению. Этимологически тождественные церковнославянские лексемы *многолетье* и *исполать* (перевод-калька и транслитерация с греческого εἰς πολλὰ ἔτη «многая лета») имеют в русском языке метонимическое и эмотивно-экспрессивное значения: *многолетье* — «молитвенное возгласие о долгоденствии царственной или иной высокой особы, многая лета» (там же, с. 335); *исполать* — «греч. хвала, слава; ай да молодец, славно, спасибо!» (там же, с. 55). Импликация связывает эти слова со строем православного богослужения¹, в котором каждый раз сливаются и настоящий момент литургического круга, и вечность «невечернего дня» Царства Небесного. Глубинная семантика церковнославянизмов *многолетье* и *исполать* делает их причастными категории *вечности*.

Обращение поэта к церковнославянской лексике в первых строках стихотворения звучит как исповедание глубокой ве-

¹ Лексема *исполать* отсылает к высокоторжественному архиерейскому служению, будучи сокращением от греческого: *испола эти деспота* — «на многие годы, владыка».

ры¹, во всей полноте выразившейся в стихотворениях периода Великой Отечественной войны и в цикле стихов Юрия Живаго². В православном контексте раскрывается глубинный — пасхально-победный — смысл первых слов стихотворения. «Непобедимым многолетье! Прославившимся исполать!» — эти строки отсылают к непреходящей славе, сиянию святости. Непобедимыми становятся только в вечности, когда невозможно поражение. Подлинная слава даруется Богом.

После торжественного аккорда первых двух строк третья и четвертая звучат спокойно: «Раздолье жить на белом свете / И без конца морская гладь». У М. Фасмера «раздолье от *доль* "низина, открытая со всех сторон"; не связано с *доля*, как часто думают» (Фасмер, 1987, т. 3, с. 434). По Вл. Далю, «раздолье (от *доля*, *судьба*) простор, обилие и воля... раздолье степи, *ширь*, *гладь*» (Даль, 1956, т. 4, с. 27). Для Б. Пастернака ключевым становится именно далевское, близкое народному, восприятие *раздолья* как безграничной шири белого света, синонимичного бесконечной *гладю* моря, безбрежности русской *судьбы*: «И русская судьба безбрежней, / Чем может грезиться во сне, / И вечно остается *прежней* / При небывалой *новизне*». Завершающая строфу антитеза *прежнего* и *нового* подчеркивает,

¹ Истоки православного мировосприятия Б.Л. Пастернака — в далеком детстве. Он пишет Жаклин де Пруаяр 2 мая 1959 года: «Я был крещен своей няней в младенчестве <...> Это... оставалось всегда душевной полутайной, предметом редкого и исключительного вдохновения, а отнюдь не спокойной привычкой. В этом, я думаю, источник моего своеобразия. Сильнее всего в жизни христианский образ мысли владел мною в 1910-1912 годах, когда закладывались основы моего своеобразного взгляда на вещи, мир, жизнь» (Пастернак, 1992, с. 167). Исповедание веры в военных стихотворениях стало возможным, отчасти благодаря переменам в отношении государства к православию. Знаковым стало избрание 12 сентября 1943 года, после почти полного физического уничтожения священства Русской православной церкви, патриарха Сергия (Страгородского, 1867—1944).

² Ср. фрагменты военных стихов: «Разведчики», «Ожившая фреска».

что пространственная бесконечность является метафорическим прообразом иной, бытийно-временной безбрежности русской судьбы, в которой *прежнее* — душа православной России — при всех поворотах истории — *небывалой новизне* — остается неизменным — вечным¹.

Неотъемлемым звеном метонимической связи пространства и времени является деятельностная семантика — именно деятельность наполняет время и соединяет его с пространством. *Деятельностное* многообразие русской судьбы раскрывается в третьей и четвертой строфах стихотворения, в которых семантически тождественным («на одноименной грани») предстает всё то, что *делает* русскую судьбу неоглядной во времени и пространстве: её словесность (*её поэтов похвала*), история (*историков её преданья*), армия (*армии её дела*), флот (*блеск её морского флота*), народное творчество (*русских сказок закрома*). Завершение четвертой строфы подчеркивает неотмирность русской судьбы, её устремленность к небу: «И гении её полета, / И небо, и она сама».

Живым воплощением (вне)временной *неоглядности* русской судьбы становится в стихотворении подвиг прославленных адмиралов. *Нахимов в звездном ореоле...* Слово сочетание *звездный ореол*, прямым своим значением отсылающее к рубиновой звезде ордена, в середине которого помещено профильное изображение П. С. Нахимова, несет большую эмоциональную нагрузку: *звездный* ассоциируется с недостижимой

¹ В первоначальной семантической структуре наречия *вечно* темпоральный компонент является производным от деятельностного: *век*, *вечный* (укр. *вік*, болг. *век*) родственно лит. *viėkas* «сила, жизнь», *veikių* «действовать, делать» (Фасмер, 1986, т. 1, с. 286). Деятельностный компонент объединяет *вечность* с *новизной*, которая — этимологически — также связана с движением, деятельностью: *новый* родственно лтш. *pauiš* «стремительный, спешный», др.-прус. *pauns* (по аналогии др.-прус. **jauns*, см. *юный*) (Фасмер, 1987, т. 3, с. 78). Наречие *вечно* отсылает не просто к безначальности и бесконечности, но к неизменности и постоянству деятельности, к вечной жизни.

небесной высотой, с блеском славы (*звездный час*), *ореол* объединяет и земное — «блеск, почет, окружающие кого-н.» (Ожегов, Шведова, 1995, с. 450), и небесное — «нимб, венец» (там же). *Звездный ореол* вечной славы окружает образ П. С. Нахимова с минуты его героической кончины на Малаховом кургане осажденного Севастополя.

И в медальоне — Ушаков... Медальон — не только «большая медаль» (Даль, 1956, т. 2, с. 311), но и ключевой элемент храмовой росписи: в медальонах — изображения святых. Служение непобедимого адмирала Ф. Ф. Ушакова (1745—1817) увенчалось церковным прославлением в 2001 году¹.

Сущность земного подвига прославленных адмиралов раскрывается поэтом в шестой и седьмой строфах, где темпоральная семантика вновь переплетается с деятельностно-бытийной: «*Вся жизнь их — подвиг неустанный. / Они, не пожалев сердец, / Сверкают темой для романа / И дали чести образец. // Их жизнь не промелькнула мимо, / Не затерялась вдалеке. / Их след лежит неизгладимо / На времени и моряке*». Многократное использование отрицательной частицы / приставки *не-* подчеркивает причинно-следственное единство самоотверженного труда жизни временной (подвиг *неустанный, не*

¹ Работа над романом «Адмирал Ушаков» («Они... сверкают *темой для романа...*») подтолкнула в 1995 году председателя Союза писателей России проф. В. Ганичева обратиться с просьбой к патриарху Алексию II о рассмотрении возможности канонизации Ф. Ф. Ушакова: «Ваше Святейшество!.. Ф. Ф. Ушаков был самый выдающийся русский военно-морской начальник за всю историю отечественного флота. Нет сомнения, что все сорок кампаний, которые он завершил, были победоносны по промыслу Божию. Федор Ушаков был глубоко верующим, на кораблях его флотилии ежедневно совершались богослужения... Он постоянно заботился о людях, добывал для них пропитание, одежду, а в случае отсутствия денег у государства, в Адмиралтействе, он отдавал свои, которые ему часто не возвращали... Завершив свой боевой путь, Ушаков поселился у стен Санаксарского монастыря» (Ганичев, 2001, с. 105).

пожалев сердец¹) и непреходящей славы жизни вечной (жизнь *не* промелькнула, *не* затерялась, их след лежит неизгладимо).

Многозначная в своем жизнеутверждающем звучании строка десятой строфы — «За ночью следует рассвет» — предваряет заключительную, одиннадцатую, строфу, в которой во всей полноте раскрывается смысл пастернаковской *неоглядности*. Для победоносного флагманского корабля безбрежная ширь *неоглядности* становится вечностью: «И, все препятствия осилив, / *Ширяет* флагманский фрегат, / *Размахом* вытянутых крыльев / *Уже не ведаая преград*»².

II.1.6. Синестезическая симиляция.

Первичная и вторичная номинация

Связь понятий может основываться не на общности их содержания, а на сходстве ощущения, восприятия, впечатления от них. В этом случае синестезической симиляции сходство понятий обусловлено не природой референтов, а способом их восприятия:

рус. *светлый*: 1) полный света (*светлая комната*); 2) радостный, приятный (*светлое воспоминание*);

¹ В полной мере глубинный пласт семантики словосочетания *не пожалев сердец* раскрывается в контексте евангельской заповеди о крестном пути: «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною. *Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее*» (Мк., 8, 34—35; ср. Лк., 9, 23—26, Мф., 10, 37—39). В этом реальность бессмертия: исполнивший Божественную заповедь о любви к ближнему становится наследником вечной жизни (Иов [Гумеров], 2007).

² Флагманский фрегат становится символом иного служения Отечеству — служения святого праведного воина Феодора Непобедимого, адмирала флота Российского, не ведающего в молитвенном представительстве за свою земную Отчизну временных и пространственных границ.

англ. *loud*: 1) издающий громкие звуки (*loud voice*); 2) насыщенный, яркий (*loud colours*);

нем. *knallig*: 1) резкий (ср. *Knall* (m) — треск, взрыв); кричащий (*knallrot* — ярко-красный);

фр. *clair*: 1) светлый; 2) чистый (*eau claire*); 3) ясный, чистый (*voix claire*); 4) ясный, понятный (*une idée claire*).

Синестезические связи концептов устанавливаются посредством механизма в т о р и ч н ы х о щ у щ е н и й, т.е. механизма «ощущения ощущений», позволяющего сличать и различать первичные ощущения объективных сущностей. Сходство восприятия онтологически не тождественных признаков, однородность ощущений, включая даже ощущения разными органами чувств, сходство нервных реакций приводят к синестезическому сближению концептов онтологически разнородных сущностей.

Синестезическая связь концептов лежит в основе возникших в середине XIX века в английском и русском языках отрицательно маркированных словосочетаний *dull everydayness* / *серые будни*, напр.: "Their *dull 'everydayness'*" (E. Durham, 1904); «Дни мелькали, жизнь грозила пустотой, сумерками, вечными буднями» (Гончаров, 1855); «Но, когда вся разрушительная часть была кончена и должна была начаться созидательная, подъем у всех сразу упал, точно кончился праздник и наступили *серые будни*» (Романов, 1922). В буквальном значении лексемы *dull* / *серый* / *сумерки* указывают на нехватку света (*dull* — "not clear, bright or shiny"; *серый* — "(о погоде) пасмурный"). В словарных определениях переносного значения этих слов центральной становится сема «отсутствие яркого чувства» (*dull* "boring"; *серый* "ничем не замечательный", *сумеречное время* "о смутной поре, безвременье"). Связь *полутьмы* (в качестве источника) и отрицательного психологического состояния (в качестве цели) обуславливает привнесение в мыслительную область темноты оценочного критерия, лежащего в основе синестезического переноса *темный* (источник) вместо *отрицательного суждения о темном* (цель). Причина неудовлетворенности *серыми буднями*, выразившаяся в отрицательной коннотации этого словосочетания, — в произошедшем в XVIII—XIX веках разрыве когнитивных связей между

категориями 'повседневность' и 'вечность', в лишении повседневности преобразующего её света веры и любви (подробнее о семантических сдвигах в значении слов *будни*, *повседневность* / *everyday* см.: Коннова, 2010).

На синестезической основе сближаются, как правило, образы простых, внешних, физических действий и явлений сложных, внутренних, умственных и эмоциональных. При этом у имен признаков развиваются более абстрактные значения от более конкретных:

рус. *схватывать*: 1) начинать крепко держать; 2) понимать; ср. *понятие* — от глагольного корня *-ять, *-ьму, входящего в состав слов *взять*, *обнять*, *принять* и т.д. (ср. чеш. *jímati* «хватать», полаб. *jéimat* «брат, хватать, ловить») (Фасмер, 1987, т. 3, с. 326);

англ. *to catch*: 1) ловить, поймать; 2) уловить (*to catch a person's meaning* — уловить, понять чью-л. мысль);

нем. *greifen*: ухватывать; *begreifen*: понимать, постигать; *Begriff* (m): понятие, идея;

фр. *saisir*: 1) хватать; 2) улавливать, понимать (*saisir l'essentiel* — уловить суть); 3) овладевать, охватывать (*être saisi d'admiration* — быть в восторге).

Частным случаем синестезических связей является эмотивная симилиция, при которой концепты сближаются по сходству эмоциональной оценки. Содержательная общность двух концептов при этом может быть минимальной. В предметно-логическом (собственно семантическом, денотативном) плане два концепта могут не иметь ничего общего, для их сближения достаточно сходства субъективно-эмоциональной оценки соответствующих референтов, т.е. общего прагматического компонента содержания (ср. прямые значения слов и их эмотивно-оценочное употребление в сниженной речи: *железный*, *классный*).

Чрезвычайно редки случаи синестезического сдвига в семантике абстрактных имен, приобретающих конкретное значение.

Такая «обратная» синестезия лежит в основе современного значения прилагательного *красный* («цвета спелых ягод земляники»), ставшего производным от древнейших значений красоты, радости и славы (ст.-слав. *красьнь* — аналог греч. *ωραῖος* — «красивый», *περικαλλής* — «весьма красивый», *τερπνός* — «радостный, любезный, восхитительный»), победы (гот. *hrōheigs* «победоносный», новоисл. *hrōs* «слава»).

Пример восстановления первоначальной семантики прилагательного *красный* в художественной речи — фрагмент романа И. С. Шмелева «Лето Господне». Здесь слово *красный* предстает во всей полноте семантического синкретизма: «Звон в рассвете, неумолкаемый. В солнце и звоне утро. *Пасха, красная*. <...> Отец нарядный, посвистывает. Он стоит в передней, у корзин с *красными* яйцами, христосуется. Тянутся из кухни, гусем. Встряхивают волосами, вытирают кулаком усы и лобызаются по три раза. "Христос воскрес!" "Воистину воскрес!" "Со светлым праздничком". <...> Трезвоны, перезвоны, *красный-согласный* звон. *Пасха красная*. Обедают на воле, под штабелями леса. На свежих досках обедают, под трезвон. Розовые, *красные*, синие, желтые, зеленые скорлупки — всюду, и в луже светятся! *Пасха красная! Красен и день, и звон*» (Шмелев, 2007, с. 67).

В семантической структуре слова импликационные и классификационные связи значений нередко дополняют друг друга.

В смысловой структуре слова *праздник* прямые значения «праздник как день торжества, установленный в честь или в память кого-чего-нибудь» (*старинные, церковные, народные, семейные праздники*), «праздник как день, особо отмечаемый традицией, обычаем или церковью» (*праздник Рождества, Пасхи; праздник Нового года; Праздников праздник* — Пасха) сосуществуют с рядом дополнительных значений, объединенных с исходным значением метонимическими связями («праздник как выходной, нерабочий день или несколько нерабочих дней подряд»; «праздник как день радости и торжества по поводу чего-нибудь» — *устроить кому-нибудь праздник*, т.е. порадовать чем-нибудь; «праздник как день игр, развлечений» — *спортивный, детский праздник, праздник песни*) или симилиацией («праздник как кто-что-нибудь радостное, дающее ощущение счастья»: *Встреча с таким человеком — настоящий праздник*).

Потенциал семантического варьирования слова в метафорическом (симилятивном) и метонимическом (импликационном) полях весьма широк, и это наталкивает на важные выводы об устройстве системы номинативных средств языка. Данная система имеет двухуровневое строение: уровень прямых обозначений, являющихся непосредственной, первичной функцией словесных знаков, и уровень переносных, производных от прямых обозначений, выступающих вторичной номинативной функцией уже «занятых» слов.

На уровне первичных номинаций естественные языки достаточно жестки и терминологичны (однозначны), связь между понятием и словом максимально определена и устойчива. Однако этот уровень не способен удовлетворить все запросы в номинации понятий, оценок и эмоций, в экономном выражении когнитивных и прагматических содержаний. Рост словаря ограничивается объемом памяти.

Недостаточность системы первичных обозначений компенсируется системой вторичных номинаций. Возможности выражения мыслей и оценок при этом неизмеримо возрастают без увеличения числа средств выражения, без количественного роста словаря, но ценой меньшей определенности вторичных значений. Переносные значения во многом зависят от контекста и уточняют свой смысл, вписываясь в логику его связей.

Слово в прямом значении осмысливается по памяти. Слово в переносном значении осмысливается по правилам варьирования прямого значения. Чтобы понимать переносное значение слова, надо знать его исходное прямое значение, а сверх того — кое-что о мире, его сущностях, их связях, о закономерностях ассоциирования понятий.

Процесс осмысления переносного значения протекает в два этапа:

- 1) устанавливается достаточный контекст, позволяющий определить предметно-референционную область высказывания. Это дает возможность судить о том, какие слова употреблены в прямых значениях, а какие своими первичными значениями не вписываются в гипотезу о предметной области общения;

2) на следующем этапе «нетипичные» первичные значения переосмысливаются: руководствуясь знанием мира, отбирают из первичных значений подлежащих переосмыслению слов такие семантические признаки, которые отвечают гипотезе о строении предметной области, и эти признаки организуют в структуры — вторичные значения.

Между уровнями первичной и вторичной номинации, прямых и переносных значений нет резкой границы. Память закрепляет вторичные значения напрямую за словом, минуя алгоритм и правила семантизации из контекста, и продвигает значения в узус, а употребление стабилизирует и фиксирует их содержание. Перестановка элементов в семантике слова беспредельно расширяет возможность языкового выражения. Но достигается это за счет известной содержательной неопределенности, нестрогости выражения. Значение выражения самого по себе утрачивает четкие границы. Оно страдает референционной расплывчатостью и в значительной мере черпает свой смысл из целого, из речевой ситуации и контекста. Для осмысления значения выражения недостаточно усилия памяти и языковой компетенции. Оно основано на знании мира и требует творческого усилия ума.

Вопросы для самоконтроля

1. Какова природа синестезической симуляции?

2. Установите тип содержательных связей, объединяющих значения слов:

рус. *скользкий*: 1) гладкий, не создающий трения (*скользкая поверхность; на льду скользко*); 2) перен. неустойчивый, ненадежный, сомнительный (*создалось скользкое положение*);

англ. *mine* (n): 1) рудник; шахта; 2) залежь, пласт; 3) воен. мина; 4) ист. подкоп; 5) источник (сведений и т. п.); 6) интрига;

нем. *Fassung* (f): 1) оправка (*die goldene Fassung eines Edelsteins*); 2) изложение, редакция (*Der Beschluss wurde in eine kürzere Fassung gebracht*); 3) самообладание (*die Fassung bewahren*).

Практическое задание

Прочитайте стихотворение Н. Гумилева «Георгий Победоносец» и опишите этапы осмысления переносного значения выделенных слов.

Идущие с песней в бой,
Без страха — в свинцовый *дождь*.
Вас Георгий ведет святой —
Крылатый и мудрый вождь.
Пылающий меч разит
Средь ужаса и огня.
И звонок топот копыт
Его *снегового* коня...
Он тоже песню поет —
В ней слава и торжество.
И те, кто в битве падет,
Услышат песню его.
Услышат в последний час
Громовый голос побед.
Зрачкам тускнеющих глаз
Блеснет немеркнущий свет!

II.1.7. Семантические факторы экспрессивности художественного слова

Художественное слово экспрессивно. Изучение его особенностей основывается на теории экспрессии (выразительности) в ее приложении к лексическому аспекту поэтической речи. В обыденное определение экспрессивности входит способность производить глубокое впечатление. Основные признаки экспрессивности — это интенциональность и знаковая. Экспрессивность *и н т е н ц и о н а л ь н а*, намеренна, так как относится к сознательным, волевым проявлениям. Экспрессивность *з н á к о в а*: она отмечается как особый содержательный признак некоторых продуктов знаковой деятельности.

Экспрессивность (экспрессия) — это сила впечатления от мысли как функция способа ее выражения, или — иначе — способность языковых единиц варьировать силу впечатления от выражаемой мысли в зависимости от избранных способов ее подачи.

Экспрессивно такое выражение, которое обеспечивает высокою долю внимания к себе за счет своей формы, своего строения. Природа денотата экспрессивного выражения, в принципе, несущественна. Однако между прагматической значимостью денотатов и стремлением к экспрессии выражения должна существовать естественная зависимость, иначе чрезмерная экспрессия по поводу тривиальных предметов выродится в ложный пафос и пародию.

Экспрессивные средства выражают не только прагматическую установку говорящего на безусловное доведение до адресата значимостных акцентов в речи, но и свидетельствуют об эмоциональном переживании им этих моментов. Экспрессивная (и эмотивная) сила языкового средства градуирована по количественному его параметру. Простейшие случаи экспрессивности построены на принципе количества эмотивно значимого языкового средства за счет корреляции между эмотивностью и экспрессивностью выражения. Простейшими средствами экспрессивности являются эмоциональная интонация, ударение и повтор, дополняемые паралингвистическими и невербально-знаковыми средствами — такими, как интенсивность (сила) и длительность звучания (ср. размеры шрифта на письме), мимика, жестикуляция и т. п.

Экспрессивность бытовой и художественной речи типологически различна: если экспрессивность первой основывается на количестве эмотивно значимого параметра вербальных единиц, то экспрессивность второй носит не количественный, а качественный характер и существует на содержательно-образной основе.

Будучи более функцией, чем собственным свойством слова, качественная экспрессивность проявляет себя как функция контекста, как сообщенное свойство, спроецирован-

ное на слово в рамках единицы более высокого ранга (т. е. текста). Не меняя никаких своих материальных, в том числе количественных, параметров, слово при этом меняется качественно, содержательно. Поэтому можно утверждать, что поэтическое слово — функция поэтического текста, а не наоборот. Не художественное слово создает художественное произведение, а напротив: установка на поэтическую речь делает слово поэтическим, сообщает ему экспрессивность.

Если в обыденной речи указательные слова — местоимения, наречия, частицы — лишены какой-либо экспрессивной окраски, то в лирике они приобретают особую выразительность, рождая «эффект совпадения времени восприятия и времени речи о нем» (Ковтунова, 2003, с. 82). Так, в стихотворении А. Фета «Это утро, радость эта» «признаки весны отражают живые, неповторимо индивидуальные ощущения, владеющие поэтом в момент речи о них» (там же, с. 83):

Это утро, радость эта,
Эта мощь и дня и света,
Этот синий свод,
Этот крик и вереницы,
Эти стаи, эти птицы,
Этот говор вод,

Эти ивы и березы,
Эти капли, — эти слезы, —
Этот пух, — не лист, —
Эти горы, эти доли,
Эти мошки, эти пчелы,
Этот зык и свист,

Эти зори без затмения,
Этот вздох ночной селенья,
<...>
Эта дробь и эти трели,
Это все — весна!

Суть установки на поэтическую речь состоит в допущении максимальной свободы контекстуально мотивированной семантизации слова. Поэтическая установка пред-

ставляет собой санкцию на перевод слова в особое состояние его семантики, в котором максимально мобилизован его выразительный потенциал и максимально расслаблены и поставлены в зависимость от контекста связи между означающим и означаемым. Художественный контекст — катализатор такого состояния.

Результатом художественной установки становится гиперсемантизированная речь, где единицы выражения нагружены большим смыслом сравнительно с тем, какой им был бы приписан в нормативном употреблении. Поэтическая речь изначально допускает максимальную экспансию означаемого и в результате получает гиперсемантизированные сообщения, смысл которых лимитируется возможностями контекстуальной интерпретации.

К психологическим факторам, обеспечивающим впечатляющую силу слова в содержательном плане, относятся: 1) антиципация повышенной экспрессии; 2) активация творческого начала в осмыслении речи; 3) образность как конституирующий принцип художественного мышления; 4) тропеизм на уровне слова.

Антиципация (ожидание) повышенной экспрессии заложена изначально в художественном, особенно поэтическом тексте. Сама поэтическая установка естественным образом настраивает и автора, и адресата на впечатляющее начало. С формальной, технической стороны эта установка усиливается сверхнормативной (сравнительно с обыденной речью) упорядоченностью художественной речи (*ритм, размер, рифма, повторы, градации, контрасты, синтаксический параллелизм*), подчеркивающей эффект неслучайности словоупотребления.

Активация творческого начала в осмыслении речи. Художественная речь в значительной мере строится на вовлечении адресата в процесс порождения — осмысления и домысливания ее содержания. Этот процесс стимулируется новизной, нестандартностью выражения. Необычные средства и способы номинации; неожиданна, часто парадок-

сальна сочетаемость; своеобразна «грамматика сочетания смыслов», как следствие — постоянная необходимость выходить за пределы автоматизма речепонимания, что делает слово живым и впечатляющим.

Новизна выражения дополнительно подчеркивается необычностью синтаксиса.

Например, «в стихах раннего Пастернака есть сложные предложения большой протяженности, с множеством придаточных и обособленных оборотов, занимающие пространство нескольких строф. Такая ритмико-интонационная волна обычно развертывает метафорический образ, включающий несколько метафор или несколько сравнений» (Ковтунова, 2003, с. 158) Ср. стихотворение «Я понял жизни цель и чту...» (1916 год):

Я понял жизни цель и чту
Ту цель, как цель, и эта цель —
Признать, что мне неволю
Мириться с тем, что есть апрель.

Что дни — кузнечные мехи,
И *что* растекся полосой
От ели к ели, от ольхи
К ольхе, железный и косой,

И жидкий, и в снега дорог,
Как уголь в пальцы кузнеца,
С шипеньем впившийся поток
Зари без края и конца.

Что в берковец¹ церковный зык,
Что взят звонарь в весовщики,
Что от капели, от слезы
И от поста болят виски.

Образность как конституирующий принцип художественного мышления обеспечивает живую наглядность, телесную смоделированность денотата художественного слова и, как следствие, — четкость и силу впечатления от него.

¹ *Берковец* — старая русская мера веса, равная десяти пудам, т. е. 164 килограммам.

На уровне слова указанные факторы (антиципация экспрессии, активация творческого начала, образность) концентрированно проявляются в тропеизме художественного слова в моделях живой семантической деривации контекстуально зависимого семантического варьирования.

Тропы обеспечивают новизну семантического и остроту прагматического содержательных зарядов в поэтическом общении и, соответственно, приобретают выразительную силу за счет образности и активации творческого речемыслительного начала. Нестандартность тропеической номинации мобилизует тезаурус знаний по линиям сопряженности признаков (метонимия), распределения признаков (метафора) и иерархии признаков в вещах (гипонимия).

Истинно поэтическое выражение не только много выражает (гиперсемантизировано), но и сильно впечатляет. Истоки его впечатляющей силы, очевидно, следует искать именно в соединении качеств: относительная ненормативность выражения сочетается с его интерпретируемостью, гиперсемантизацией и образностью.

Контекст направляет отбор и актуализацию определенных признаков из импликационала значения, параллельно с высвечиванием определенной части его интенциональных признаков. Благодаря контексту модифицируется, осложняется, обогащается и прицельно ориентируется семантика слова и высказывания. Контекст формирует актуальную семантику слова и сам формируется ею, и этот взаимозависимый процесс управляется целеустановками текста и его частей. В данном процессе взаимодействия словарной семантики с контекстом и ситуацией из интенциональных и импликациональных признаков слова одни высвечиваются, выводятся на передний план, отбираются и актуализируются, а другие, напротив, затушевываются, отодвигаются, уводятся из фокуса внимания, подавляются и даже отсеиваются. Этот тип семантического варьирования слова не связан с перестройкой структуры значения в его центральном звене — интенционале. Происходит фокализация (выдвижение на передний план) определенных сем

в интенционале, отбор и актуализация тех или иных сем из импликационала значения.

Тропеизация основана на структурной перестройке исходного (производящего) значения по моделям семантической деривации значений. Если в случае фокализации сем варьируется одно и то же значение, сохраняющее тождество интенционала, то при тропеизации возникают разные значения с отличными интенционалами. Тропеизм — мощный источник выразительности, за счет моделей семантической деривации слово бесконечно расширяет перечень потенциально возможных значений.

Параллельно с формированием актуального когнитивного значения слов в ходе фокализации сем и тропеизации совершается не менее важный процесс формирования эмотивно-ценностной (эмотивно-оценочной) структуры слова. Осуществляется этот процесс за счет корреляций между когнитивными и эмотивно-оценочными компонентами содержания, посредством переключения мыслительных единиц когнитивных структур сознания на их корреляты в прагматических эмотивно-ценностных структурах сознания.

Вопросы для самоконтроля

1. Дайте определение понятию *экспрессивность* и назовите основные признаки экспрессивности.
2. В чем отличие экспрессивности обыденной и художественной речи?
3. Почему слово в поэтическом тексте нередко становится гиперсемантизированным?
4. Назовите психологические факторы экспрессивности поэтического слова.
5. Существует ли различие между фокализацией сем в значении слова и тропеическим варьированием значения слова?

Практическое задание

1. Прочитайте стихотворение Б. Л. Пастернака «Я понял жизни цель и чту...», выделите наиболее яркие тропы. Какие сочетания слов представляются Вам неожиданными, и в чем

их нестандартность? Какие семы в значении слов *весовщик, зык, железный, кузнечные мехи* высвечиваются в результате их взаимодействия с контекстом стихотворения?

2. Прочитайте стихотворение Б. Л. Пастернака «Когда разгуляется...» (1956 год) и его английский перевод Л. Л. Пастернак-Слейтер. Сопоставьте словарные определения выделенных слов с их значением в стихотворении. Укажите, в каких случаях происходит фокализация определенных сем значения (уточните, каких именно), а в каких исходное значение перестраивается, так что возникает новое, переносное (метафорическое, метонимическое) значение слова.

Большое озеро как *блюдо*.
За ним — скопление облаков,
Нагроможденных белой грудой
Суровых горных ледников.

The lake is like a *giant saucer*;
Beyond — a *gathering* of clouds;
Like stern and *dazzling* mountain-ranges
Their massif the horizon crowds.

По мере смены освещенья
И лес меняет *колорит*.
То весь горит, то черной тенью
Насевшей *копоти* покрыт.

And with the light that swiftly changes,
The *landscape* never stays the same.
One moment *clad* in sooty shadows,
The next — the *woods* are all aflame.

Когда *в исходе* дней дождливых
Меж туч проглянет синева,
Как небо празднично в *прорывах*,
Как торжества полна трава!

When, *after* days of rainy weather,
The *heavy curtain* is *withdrawn*,
How festive is the sky, burst open!
How full of triumph is the *lawn*!

Стихает ветер, даль *расчистив*.
Разлито солнце по земле.
Просвечивает зелень листьев,
Как живопись в цветном стекле.

The wind dies down, the distance lightens,
And sunshine *spreads* upon the *grass*;
The *steaming* foliage is translucent
Like figures in stained-window glass.

В церковной росписи оконниц
Так в вечность смотрят изнутри
В мерцающих *венцах* бессонниц
Святые, схимники, цари.

Thus from the church's narrow windows
In glimmering crowns, on spreading wings
Gaze into *time* in *sleepless vigil*
Saints, hermits, prophets, angels, kings.

Как будто внутренность собора —
Простор земли, и чрез окно
Далекий отголосок хора
Мне *слышать* иногда дано.

The whole wide world is a cathedral;
I *stand inside*, the *air* is *calm*,
And from afar at times there reaches
My ear the echo of a *psalm*.

Природа, мир, тайник вселенной, Я службу долготу твою, Объятый дрожью сокровенной, В слезах от счастья, отстою.	World, Nature, Universe's <i>Essence</i> , With secret trembling, <i>to the end</i> , I will thy long and <i>moving</i> service In tears of happiness <i>attend</i> .
--	--

Тема II.2. Семантическая структура словаря

II.2.1. Макроструктуры: гипер-гипонимические и партитивные связи слов

Семантические связи слов словаря могут быть парадигматическими и синтагматическими. Синтагматические связи проявляются в речевых цепочках, при объединении слов в подчинительные словосочетания; в них отражаются связи и зависимости сущностей действительного мира, и они подлежат рассмотрению в комбинаторной и синтаксической семантике в связи с изучением значения синтаксических единиц. Парадигматические связи языковых единиц лежат в плоскости, поперечной разворачиванию речевой цепи, они обеспечивают глубину линейного процесса речи в каждом ее пункте. Это связи выбора и замены (субституции). Многообразные парадигматические связи слов по значению организуют словарь языка в сложную семантическую структуру.

Главным фактором смыслового упорядочения словаря являются гипер-гипонимические (родовидовые, категориально-спецификационные) и партитивные семантические связи. Их действие распространяется на весь словарь, благодаря чему он предстает как целостная иерархическая структура. При этом обнаруживается, что семантическое пространство языка на разных его участках «населено» с разной плотностью и имеет различную глубину проработки, что обусловлено мерой освоения, разработки и важности соответствующих предметных областей в совокупной структуре человеческой деятельности.

Гипер-гипонимическая классификация субстантивов (субстантивами можно считать все слова и словосочетания, способные занимать в предложении позицию подлежащего; вещь, согласно такому подходу, — то, о чем что-либо может быть высказано, т.е. то, чему могут быть приписаны какие-либо признаки). Первичная семантическая классификация субстантивов, принимающая в расчет также определенные грамматические различия между ними в формообразовании и словообразовании, сочетаемости и согласовании, хорошо намечена в традиционных грамматиках. Существительные подразделяются на:

1) конкретные: а) классообразующие; б) вещественные; в) собирательные;

2) абстрактные: а) имена признаков разного рода (качества, действия, процессы, состояния др.).

Классификация конкретных «вещевых» слов на более низких уровнях семантической иерархии не разработана с должной мерой тщательности и полноты. В уже существующей классификации классообразующие имена подразделяются на имена одушевленных / неодушевленных существностей: а) одушевленные — на имена лиц / нелиц; б) неодушевленные — на имена природных / искусственных существностей и т.д. Каждый из этих рядов допускает различные последовательные и параллельные разбиения. Кроме того, одна и та же вещь может быть объектом многочисленных классификаций на разных основаниях.

Разнообразные особенности употребления и поведения слов в речи связаны с относительной мощностью их экстенсионалов. На этой основе имена подразделяются на: а) широкие, т.е. имеющие широкий объем (экстенсионал) и бедный семный состав (контенсионал); б) узкие, т.е. имеющие узкий экстенсионал и более развернутый семный состав (контенсионал).

В.В. Колесов указывает на отличие гиперонима от символа и термина: «символ — условный знак (имя), воплощенный в тексте словом для необходимого соединения (в

представлении читателя) явления с его сущностью... Гипероним — слово ближайшего родового значения для ряда конкретных по смыслу слов, отражающий существенные признаки обозначаемой сущности (но только признаки) в нейтральном по стилю тексте. Сохраняя особенности символа, гипероним снимает присущий символу синкретизм значений, воплощает только принятое общее значение слова. <...> Термин (от лат. *terminus*) — граница, предел возможных стилистических и семантических упрощений слова специально в символическом тексте» (Колесов, 2004, с. 223—224).

Особенно ярко это различие проявляется при сопоставлении переводов текстов Священного Писания — Библии, в которой «язык есть инобытие безусловных сущностей, несущее в себе энергию этих сущностей» (Камчатнов, 1997), а слово представляет собой «не бессильный условный знак, а безусловный символ, обладающий реальной духовной силой» (там же). По мнению А. М. Камчатнова, «глубокое своеобразие церковнославянского языка заключается в том, что он является инобытием только и исключительно Божественной сущности, поскольку Первоучители славянства намеренно создали этот язык как язык православно-христианского богослужения» (там же).

Сопоставляя древний (церковнославянский) перевод Евангелия с переводом XIX века (так называемым Синодальным) и современными переводами, исследователи приходят к выводу, что присущая новым переводам замена символа логическим гиперонимом обедняет семантическую насыщенность текста, снижает высокий стиль древнего источника.

Как отмечает Т. Л. Миронова, «еще Шишков в начале XIX века говорил, что когда слышишь слова: *Се Жених грядет в полночи*, то видишь Самого Господа Иисуса Христа, но когда тебе говорят — *Вот жених идет в полночь*, то никакого Христа тут почему-то не видно» (Миронова, 2003). Когда игумен Иннокентий Павлов перевел строку церковнославянского текста «Символ Веры» *Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века* как *Ожидая воскресения мертвых и жизни будущего века*, А. Ч. Козаржевский прокомментировал этот перевод: «Ну вот, прямо-

таки сидит в кресле и ожидает!» «В церковнославянском слове *чаю* таится древнее значение — упование на справедливость Божьего Суда» (там же). Подробно анализируя семантические подмены при переводе Евангелия, В.В. Колесов делает вывод, что в большинстве своем «стилевые новации определяются... современной литературной нормой, т.е. даны в среднем стиле. Им противостоит высокий стиль старого символа, видимо, недоступный никакому подражанию сегодня» (Колесов, 2004, с. 221, 224).

Партиитивные отношения. Отношения «часть — целое» в онтологическом (предметном) плане — то же самое, что отношения «элемент — структура» (система). Части суть элементы целого, и совокупность их отношений составляет структуру целого. Термин «целое» подчеркивает единство вещи, а термин «структура» акцентирует внимание на составном характере целого и в прямом своем смысле отсылает к строению целого, к образующим его отношениям частей. Отношения «часть — целое» пронизывают весь мир, от микро до макрокосмоса. Они охватывают вещи всех уровней сложности, организуя их в многообразные многоступенчатые иерархии частей — целых, элементов — систем (структур). Как и гипонимические отношения, партиитивные связи имен пронизывают весь словарь и сообщают его семантической структуре целостную перспективу. Семантическая структура словаря имеет два глобальных измерения — гипонимическое и партиитивное.

Понятие о части и имя этого понятия обозначаются как партиитивы. Понятие о целом может быть названо холонимом (от греч. *holos* — целый, весь). Другим возможным обозначением понятия части вместо термина «партиитив» могло бы быть мероним (от греч. *mer* — часть) или партиитим.

Партиитивность выявлена в словаре с меньшей яркостью, чем гипонимия. Так, при выборе из двух возможностей квалификации денотата — по его месту в гипонимических или пар-

тивных иерархиях — и мышление, и язык отдают предпочтение родовидовому определению, напр.:

рус. *кресло* — «вид (предмет) мебели, служащий для сидения», но не *«часть мебельного набора, служащая для сидения»; ср. нем. *Sofa* — "gepolstertes Sitzmöbel mit Rückenlehne und Armlehnen".

Ограничения на партитивную дефиницию имен связаны с различием двух типов целых — органических и неорганических (механистических).

В органической системе свойства частей целиком определяются свойствами целого и целое является условием существования части. Вещь как элемент этой системы определяется через целое, и имя ее класса имеет своей гиперсемой понятие о части такого целого. Имена подобного рода и составляют круг собственно партонимов, ср.:

рус. *кисть* — «часть руки от запястья до конца пальцев»; *залив* — «часть водного пространства, вдавшаяся в сушу»;

англ. *hand* — "the part of the body at the end of the arm"; *prow* — "the front part of a boat or ship"; *tail* — "a part of an animal's body, sticking out from the base of the back";

нем. *Wurzel* (f) — "im Boden befindlicher, oft fein verästelter Teil der Pflanze, mit dem sie Halt findet und der zugleich Organ der Nahrungsaufnahme ist".

К собственно партонимам относятся все имена, определяемые через общее понятие части и его частные разновидности, ср.:

рус. *абзац*, *ветвь* (прям./перен.), *деталь*, *доля*, *кусок*, *компонент*, *ломоть*, *миг*, *мгновение*, *орган*, *отдел*, *отрывок*, *подразделение*, *порция*, *половина* (*треть*, *четверть* и т. п.);

англ. *part*, *component*, *slice*, *piece*, *minute* (от лат. *minūtus* — «маленький, мелкий», а точнее из лат. *minuta* — сокращение выражения *pars minuta prima*, в отличие от *una pars minuta secunda*, ср. слово *second*), *department*, *section*, *portion*, *fraction*, *paragraph* и т. д.

Неорганические (механистические) целые представляют собой множества вещей со свободной структурой — такой, что зависимости частей от целого не столь жестки, чтобы формировать качество вещей и быть условием их существования. Целые такого рода могут быть названы конгломератами. В данном случае вещь нередко способна существовать независимо от того или иного конкретного целого. Имена вещей таких классов если и содержат в своих значениях сему партитивного отношения, то помещают их в периферию своего значения, в его импликационал. Этим они отличаются от явных партитивов, у которых партитивная сема входит в гиперсему интенционала, т. е. составляет родовой признак значения, ср.:

- рус. *пальто, пиджак, костюм, блуза, рубашка, юбка, платье* — предметы одежды;
 англ. *folder, box file, clipboard, notepad, card index, level arch file* — office supplies;
 нем. *Flöte* (f), *Geige* (f), *Cello* (n), *Hoboe* (f), *Trompete* (f), *Trommel* (f) — Musikinstrumente;
 фр. *bêche* (f), *râteau* (m), *pelle* (f), *fourche* (f), *pioche* (f) — les outils de jardinage.

Если степень зависимости между вещью и конгломератом высока, то с мыслью о вещи привычно связывается представление о ее участии в конгломератном множестве определенно-го рода. В результате имена таких вещей содержат общую сему партитивного отношения в сильных импликационалах своих значений, и нередко такие слова называют тематическими, а лексические объединения такого рода — лексико-тематическими группами, ср.:

- англ. *lawn, shed, greenhouse, pond, flowerbed, rock garden, patio, fence, bush, hedge, pergola* связаны с представлением о приусадебном участке;
 фр. *toit* (f), *cheminée* (f), *fenêtre* (f), *balcon* (m), *loggia* (f), *perron* (m), *escalier* (m), *porte* (f), *grenier* (m), *mansarde* (f), *cave* (f) объединены общей идеей дома.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем суть гипер-гипонимических семантических отношений?
2. Чем символ отличается от гиперонима?
3. Какова природа партитивных отношений в лексике?
4. Что понимается под *конгломератами*?
5. Почему гипер-гипонимические и партитивные отношения представляют собой семантические макроструктуры словаря?

Практическое задание

1. Прочитайте стихотворение Б.Л. Пастернака «Единственные дни» (1959) и его английский перевод "Unique Days", выполненный Л.Л. Пастернак-Слейтер.

На протяженьи многих зим
Я помню дни солнцеворота,
И каждый был неповторим
И повторялся вновь без счета.

How I remember solstice days
Through many winters long completed!
Each unrepeatable, unique,
And each one countless times repeated.

И целая их череда
Составилась мало-помалу —
Тех дней единственных, когда
Нам кажется, что время стало.

Of all these days, these only days,
When one rejoiced in the impression
That time had stopped, there grew in years
An unforgettable succession.

Я помню их наперечет:
Зима подходит к середине,
Дороги мокнут, с крыш течет,
И солнце греется на льдине.

Each one of them I can evoke.
The year is to midwinter moving,
The roofs are dripping, roads are soaked,
And on the ice the sun is brooding.

И любящие, как во сне,
Друг к другу тянутся поспешней,
И на деревьях в вышине
Потеют от тепла скворешни.

Then lovers hastily are drawn
To one another, vague and dreaming,
And in the height, upon a tree
The sweating nesting-box is steaming.

И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день,
И не кончается объятье.

And sleepy clock-hands laze away
The clockface wearily ascending.
Eternal, endless is the day,
And the embrace is never-ending.

2. Ознакомьтесь с сопоставительным анализом стихотворений.

Временная отнесённость первых строк стихотворения предопределяет его аксиологическую маркированность: «На протяжении многих зим / Я помню дни солнцеворота». Особая значимость этих дней для поэта подчеркивается двукратным (в первой и третьей строках) повторением сочетания «Я помню». Необычное употребление отыменного предлога «на протяжении» в сочетании с формой глагола настоящего времени приводит, как отмечает Б. Г. Бобылев, к децентрации, раздвоению субъекта, «который оказывается и в некоем протяженном прошлом, и в настоящем, приобретающем вневременное значение» (Бобылев, 2009, с. 215). В английском тексте семантика *памяти* усилена инвертированным порядком слов первой строки ("How I remember solstice days") и синонимическими повторами во второй и третьей строках ("...There grew in years / An unforgettable succession / Each one of them I can evoke").

Сема *поворота, возвращения*, содержащаяся в русской лексеме «солнцеворот» (солноворот, солнцеворот — «поворот солнца, на прибыль дня» (Даль, 1956, т. 4, с. 266)) делает возможным контекстуальное расширение её экстенционала на дни, когда солнце начинает набирать силу — *возвращаться*. Словосочетание «дни солнцеворота» метонимически указывает на любимое время поэта — праздник Рождества Христова и Святки¹.

В надвременном контексте праздника Рождества Христова разрешается логический конфликт третьей и четвертой строк стихотворения: «И каждый был неповторим / И повторялся вновь без счета» — "Each *unrepeatable*, unique, / And each one countless times *repeated*". Внутренняя, духовная неповторимость и циклически-календарная повторяемость реально присутствуют в праздничестве в день (ср. Даль, 1956, т. 3, с. 381)),

¹ Описанию дней Рождества и Святки посвящены, в частности, глава романа «Доктор Живаго» «Елка у Свентицких» (фамилия Свентицкий созвучна польскому *święto* — праздник), стихотворения «Рождественская звезда» (1947), «Снег идет» (1957).

который есть не воспоминание события, но событие, вновь и вновь происходящее, вбирающее и реальность прошлого, и неповторимость настоящего, и простор вечности «невечернего дня» Царства Небесного.

Во второй строфе инвертированный порядок слов и двойной синтаксический перенос (Бобылев, 2009, с. 216) свидетельствуют о высокой аксиологической наполненности вынесенного в заглавие стихотворения словосочетания «единственные дни»: «И целая их череда / Составилась мало-помалу — / Тех дней *единственных*¹, когда / Нам кажется, что время стало». Эпитет «единственные» — «только эти», «выдающиеся» (Ожегов, Шведова 1995, с. 182) — подчеркивает выделенность рождественских дней из круга обыденного времени: с Рождеством Христовым наступает новая эра — Лето Господне/ Anno Domini. Исключительная значимость этих дней подчеркивается в английском переводе повтором указательного местоимения *these* («эти»): «*all these days, these only days*».

Аналогом русского «единственные» переводчик выбирает английское прилагательное "only", имеющее в контексте стихотворения предельно высокую аксиологическую отнесенность (ср. строки Евангелия от Иоанна: "For God so loved the world, that he gave *his only begotten Son*, that whosoever believeth in him should not perish, *but have everlasting life*" (John, 3: 16). — «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал *Сына Своего Единородного*, дабы всякий верующий в Него, не погиб, *но имел жизнь вечную*» (Ин., 3: 16))².

¹ Церковнославянский корень *един-* напоминает о *Единосущии* Троицы — *Единстве* Божества в Трех Лицах и о воплощении *Единородного* Сына Божия.

² Связь определения *единственный* с генетически родственными лексемами *единение*, *единство*, *единодушие* (Ожегов, Шведова, 1995, с. 182) имплицитно указывает на происходящее в Рождестве Христовом единение: «Творец приходит сделаться человечеству Своим — Сам делается "Сыном Человеческим"... Для чего же нужно это "*единение*"? Для того чтобы человечество чрез Себя *соединить* с Отцом Своим... Сделавшись "Своим" нам, Он нас делает "Своими" Отцу» (Митрополит Вениамин, 2009, с. 168—169).

Отличительная особенность «единственных дней» Рождества и Святков передается глагольной формой «(время) стало», совмещающей в себе значения двух омонимичных лексем — «остановиться, прекратить движение» (Ожегов, Шведова, 1995, с. 753) и «совершиться, оказаться, сделаться» (ср. «На дворе совсем весна стала» (там же)). Как отмечает Б. Г. Бобылев, видовременная, фонетическая и лексическая сопряженность-созвучие глагольных форм «(череда) составила» и «(время) стало» усиливает бытийное значение глагола «стать»: «*Время стало* — ...время приобрело свойство существующего, сущего. Остановившись, время становится вечностью» (Бобылев, 2009, с. 216)¹.

В переводе на английский язык Л. Пастернак-Слейтер сохраняет значение только одного из омонимов «стать» — ‘остановиться’ (stop); введение глагола "rejoice" (‘радоваться, веселиться’) придает описанию оттенок праздничности: "...one rejoiced in the impression/ That time had stopped". Значение глагола stop, перекликающееся с глубинной семантикой ключевой лексемы *solstice* (от латинского *solstitium* [sol + sisto], тождественного русскому «солнцестояние»), усиливает впечатление неслучайности происходящего в природе.

В стихотворении Б. Л. Пастернака видимым отражением происходящего становится атмосфера *мирной* тишины, наполняющая третью и четвертую строфы. Единение небесного и земного раскрывается лексемами «на деревьях в вышине», «крыши», «скворешни», в которых семантика *высоты* импли-

¹ Аврелий Августин в своей «Исповеди» пишет: «Все годы Твои одновременны и недвижны: они *стоят*... "Годы твои как один день" (2 Пет., 3: 8), и день этот наступает не ежедневно, а сегодня, ибо Твой сегодняшний день не уступает места завтрашнему и не сменяет вчерашнего. *Сегодняшний день Твой — это вечность*; поэтому вечен, как и Ты, Сын Твой, Которому Ты сказал: "Сегодня Я породил Тебя" (Пс., 2: 7)» (Аврелий Августин, 1999, с. 293).

цитно сопрягается с образом *земли* и *дома* (крыши — метонимический символ дома, скворешни — образ освоенной, прирученной природы).

Символом «единственных дней» становится образ солнца, имеющий особое аксиологическое значение в христианском мировидении. Согласно В. Далю, «Солнце правды — Богочеловек Иисус Христос» (Даль, 1956, т. 4, с. 265). «Простой народ называет сей святой день Рождества Христова *новым солнцем*» (Митрополит Вениамин, 2008, с. 234). Образ Солнца — *разумного Солнца правды, Солнца славы* — многократно повторяется в песнопениях Рождества. Возникший в первой строфе («дни *солнцеворота*») и имплицитно присутствующий в третьей строфе («Дороги *мокнут*, с крыш *течет*» — "The roofs are *dripping*, roads are *soaked*"), образ солнца эксплицируется в неожиданной персонификации близкого, «своего» солнца: «И солнце *греется* на льдине» — "And on the ice the sun is *brooding*" (букв. «высиживать птенцов», перен. «размышлять»). В четвертой строфе атмосфера солнечного тепла, радости природы передается синкретической метафорой «теплых» скворечников: «И на деревьях в вышине / *Потеют от тепла* скворешни». В английском переводе семантический оттенок «мягкого» тепла усиливается лексемой «steam» ('пар'): «in the height, upon a tree / The *sweating* nesting-box is *steaming*». Семантика теплой ласки свойственна и едва-едва намеченным, прозрачным образам близких («И любящие, как во сне, / Друг к другу тянутся поспешней»).

Завершающее стихотворение торжественно-вневременное «И дольше века длится день¹ / И не кончается объятье» — исповедание глубокой веры поэта. Начавшееся с Рождеством Христовым новое время — это *день*, длящийся «дольше века», — *вечный день*, как точно подметила в переводе Л. Пастернак-Слейтер («*Eternal, endless is the day*»).

¹ По словам святителя Амвросия Медиоланского, «свет Христов есть *день* без вечера, *день бесконечный*» (Митрополит Вениамин, 2007, с. 129—130).

Использование лексемы «объятье» в не характерной для современного русского языка форме единственного числа¹ выводит её из привычного употребления, уподобляя её церковнославянскому существительному «объятие» — «целование, приветствие» (Дьяченко, 2007, с. 370). Глубинная семантика существительного «объятье» раскрывается Б. Л. Пастернаком в стихотворении «Магдалина» (1949, цикл «Стихотворения Юрия Живаго»): «Брошусь на землю у ног распятыя, / Обомру и закушу уста. / Слишком многим руки для *объятья* / Ты раскинешь по концам креста» (Пастернак, 1998, с. 452). В данном контексте заключительная строка стихотворения получает предельно высокое аксиологическое содержание: *не кончающееся объятье* — образ вечной Божественной любви к человечеству.

3. Прочитайте стихотворение «Единственные дни» в немецком переводе Г. Дайке "Hohe Zeit". Укажите, в каких случаях гипероним при переводе заменяется гипонимом и наоборот. Каким образом подобные замены влияют на изменение семантической структуры текста?

Aus vielen Wintern jedesmal
Denk ich der Sonnenwende später,
Tag, wiederholbar ohne Zahl,
Und doch: unwiederholbar jeder.

Und ganz allmählich und von weit
Herkommend sind sie nun verbunden —
Die Tage jener hohen Zeit,
Da scheinbar stillestehn die Stunden.

An jeden Tag denk ich sogleich:
Der Winter naht der Mitte leise,
Von Dächern tropfts, der Weg wird weich,
Die Sonne wärmt sich auf dem Eise.

¹ Ср. *дружеские, жаркие, крепкие объятия* (Ожегов, Шведова, 1995, с. 433). Английское слово *embrace* («объятие») не имеет формы множественного числа, поэтому в переводе отсутствует грамматическая «необычность», указывающая на внутренний символизм.

Die Paare suchen wie im Traum
Und eiliger des andern Nähe,
Indes vor Wärme auf dem Baum
Starkästen schwitzen in der Höhe.

Schlaftrunkne Zeiger sind zu träg,
Sich auf dem Zifferblatt zu wenden,
Der Tag zieht den Jahrhundertweg,
Und die Umarmung will nicht enden.

II.2.2. Микроструктуры словаря: эквонимы и синонимы

К основным видам семантической связи слов относятся также синонимические, оппозитивные (антонимические и конверсивные) и эквонимические. Они принципиально отличны от гипер-гипонимии и партитивных отношений тем, что образуют не глобальные семантические структуры словаря, а семантические микроструктуры (микросистемы) слов на отдельных участках словаря. Эти «очаги», микросистемы синонимов, антонимов, конверсивов и т.п. существуют порознь, отдельно один от другого, не составляют связанных частей общей системы.

Эквонимия — семантическая связь между словами одного уровня обобщения при общем гиперониме. Гипероним — имя родового понятия. Имена видовых понятий по отношению к их общему гиперониму называются гипонимами, а по отношению друг к другу на одном и том же уровне обобщения — эквонимами (ср. отец и мать по отношению к друг другу; общий гипероним — родитель). Значения эквонимов имеют общую семантическую часть, содержательно равную их ближайшему гиперониму и составляющую гиперсему их интенционалов. Значения эквонимов различаются за счет их гипосем, указывающих дифференциальные признаки каждого вида. Эквонимические связи широко представлены в словаре. Они действуют в сечении словаря, поперечном гиперонимической иерархии, и совокупно с нею упорядочивают словарь как классификационную сеть.

Синонимы и синонимия. Когнитивная природа синонимии не ясна — ведь различия в значении синонимов должны быть отличными от тех различий, которые есть в семантике эквонимов, а доминанта синонимического ряда не может быть приравнена гиперониму.

Под общим названием синонимии объединяют несколько разнородных, хоть и схожих явлений. Главное из них — явление переключения в значении знаков с одного содержательно-аспекта на другой: переключения когнитивного содержания знака в план прагматического значения. Это явление могло бы быть названо прагмонимией, а языковые примеры этого явления — прагмонимами.

Семантическое переключение знака из когнитивного плана в прагматический основано на том, что между когнитивным и прагматическим аспектами знака существует определенная корреляция: объективированное значение денотатов проецируется в плоскость субъективно-эмоциональных оценок и переживаний.

Прагматическое значение ищет обоснование в структуре когнитивного знания, которое находит свой смысл и применение в прагматических заключениях. Явление прагмонимии наблюдается тогда, когда имена поступают различиями в когнитивном значении для выражения нужных прагматических значений:

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

В этих строках Ф. И. Тютчева часть когнитивного содержания глагола *отозваться* (поиск, призывные крики, ответ на зов и т.д.) нивелируется, нейтрализуется, тогда как актуализируются прагматические корреляты погашаемого когнитивного содержания — надежда на ответ и его неожиданность.

Целесообразно различать между синонимией как процессом переключения семантических пластов — синоними-

з а ц и е й — и результатом, данностью этого процесса — с и н о н и м и е й . В последнем случае синонимы должны быть определены как кореферентные (узуальные и окказиональные) обозначения с общим когнитивным и различным прагматическим значением.

Для того чтобы синонимизировать два или более имени, необходимо, чтобы имена находились в эквонимическом, паритивном или гипер-гипонимическом отношении и различия в их когнитивных значениях позволяли прагматическую переинтерпретацию. Переключение семантических планов так или иначе сигнализируется прагматической установкой речи. Семантический механизм переключения состоит в поиске и актуализации прагматических коррелятов нивелируемых элементов когнитивного значения имен. Нейтрализуется (нивелируется) дифференциальная часть (гипосема) интенционала, и от когнитивного значения синонимизируемого слова остается только родовой элемент (гиперсема). Тем самым экстенционал синонимизируемого имени расширяется, и на этой основе становится возможным отнесение имени ко всем денотатам широкого класса.

Экстенционально синонимы приравниваются к доминанте синонимического ряда, отличаясь от нее прагматическими «добавками». Это обеспечивает кореференцию синонимов в объеме их гиперонима-доминанты. Процесс синонимизации сопровождается обобщением когнитивного значения имени, но с тем отличием от гипонимии, что здесь параллельно совершается переключение отсекаемой части когнитивного значения в область эмоционально-оценочного содержания.

Например, имена-эквонимы *глаза, очи, глазоньки, глазищи* содержат в своих значениях не только прагматические оценки денотатов, но и признаки — основания оценок. Тем самым они не только относят свои денотаты к классу лиц, но и указывают — пусть нестрого и расплывчато — некоторые подклассы в этом классе. Синонимизация нейтрализует данные различия, но акцентирует связанное с ними эмоционально-оценочное содержание.

ние. При этом экстенционал имени выходит за рамки своего подкласса, и каждое из перечисленных имен может быть, в принципе, распространено на любого человека.

Если в первичных значениях имена неэквонимичны, синонимизация проходит промежуточный этап деривации метафорических значений, приводящих слова к общему гиперониму:

слова *заря, рассвет, почин, восход, пролог* развивают метафорические значения, подводящие их под родовое понятие «начала» чего-либо. В этих переносных значениях они синонимизируются, переключая различительные признаки метафор на выражение оттенков положительной оценки, ср. также англ. *finale, completion, culmination, denouement, termination, close, conclusion, last stage* с общим значением окончания, завершения.

Наряду с явлениями семантического переключения в число синонимов включают также следующее.

1. Случаи (редкие) полной равнозначности и полной / почти полной эквивалентности слов, что делает их вполне взаимозаменяемыми, — это так называемые абсолютные синонимы:

рус. *языкознание — лингвистика, безбрежный — бескрайний, фрикативный — целевой;*

нем. *die Orange — die Apfelsine, bezüglich — hinsichtlich, das Zündholz — das Streichholz.*

Абсолютная синонимия носит в некоторой мере условный характер, поскольку «синонимы никогда не являются абсолютно тождественными — это семантически и функционально близкие единицы, и эквивалентность их всегда частична» (Иванова, 2011, с. 200).

«Частична, например, эквивалентность "абсолютных" лингвистических терминов-синонимов (терминологических дублетов), различающихся: а) синтагматическими свойствами; ср. *языкознание — лингвистика (общее языкознание — структурная лингвистика)*; б) деривационными возможностями; ср. термин *языковедение* и его дериваты *языковедческий, языковед* при невозможности образования производных от термина-дублета *языкознание*; в) стилистической (жанровой) ориентацией; ср., напри-

мер, сферу употребления терминов *орфоэпия* и *произношение*; *тавтология* и *повторение*, *полисиндетон* и *многосоюзие*, *эллипсис* (эллипс) и *опущение*; г) генетической характеристикой (иноязычный термин — исконный термин); ср.: *апозиция* — *приложение*, *орфография* — *правописание*, *полисемия* — *многозначность*, *номинатив* — *именительный падеж*; д) особенностями структуры (моноксемный термин — полилексемный термин); ср.: *аффикаты* — *смычно-щелевые согласные*, *индикатив* — *изъявительное наклонение*, *инверсия* — *обратный порядок слов*. Существуют и другие отличия, которые свидетельствуют о разной функциональной значимости абсолютных терминов-синонимов, взаимно дополняющих друг друга» (Иванова, 2011, с. 200).

2. Случаи гипонимии, эквонимии, соотношения «целое — часть» без прагматического переключения, особенно если дифференциальные признаки подкласса или части размыты и семантическое подобие слов не распространяется на все их значения, — это так называемые относительные синонимы:

рус. *художник* («человек, который творчески работает в какой-либо области искусства, ср. талантливый *художник*, *художник слова*») — *живописец* («художник, занимающийся живописью»). Различия в значении этих синонимов становятся отчетливыми в ходе этимологического анализа: так, др.-рус. *художный* «сведущий, опытный», укр. *худога* «искусник, художник», др.-рус. *худогъ* «свещущий», ст.-слав. *художьникъ* от греч. ἐπιστήμων «знающий». Первоначально **xodogъ* заимствовано из готского **handags* «ловкий» от *handus* «рука», ср. др.-исл. *hondugr* «крепкий», гот. *handugs* «мудрый».

В терминологической системе метаязыка лингвистики интересный случай относительных синонимов представляют так называемые культурно-исторические синонимы, отражающие теоретические знания той или иной эпохи.

«Так, термин *прикладная лингвистика*, который получил в СССР распространение в 50-е годы в связи с проблемой автоматизации информационных процессов (автоматизированных систем управления, систем информационного поиска, автоматизированных систем обработки текста и др.), имеет культурно-исторические термины-синонимы: *компьютерная лингвистика*, *вы-*

числительная лингвистика, автоматическая лингвистика, инженерная лингвистика. В современной лингвистике термин *прикладная лингвистика* обозначает раздел языкознания, в котором разрабатываются методы решения практических задач, связанных с оптимизацией использования языка как важнейшего средства человеческой коммуникации, и синонимов не имеет» (Иванова, 2011, с. 201).

3. Равнозначные слова, различие в употреблении которых связано не с тем, что они выражают, а с тем, кто, когда, где, для кого ведет речь, т. е. с внеференционными и внепрагматическими условиями и обстоятельствами речи (различия в стилях, регистрах, общеизвестных социальных и территориальных формах единого языка) — это примеры несодержательного языкового варьирования:

рус. *щенок* — *кутенок*; *красноречие* — *элоквиция*, *риторика*; *выразительность* — *экспрессия*, *письмо* — *эпистола*;
англ. *friend* — *buddy* — *pal*; *merriment* — *mirth*; *happiness* — *felicity*; *kitten* — *pussy*; *maiden* — *schoolgirl* — *lass* — *lassie* — *miss*; *sidewalk* — *pavement*;
нем. *clever* — *klug*.

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите семантические микроструктуры словаря.
2. Какова природа прагмонимии?
3. Опишите источники синонимии.
4. В чем отличие абсолютных и относительных синонимов?
5. Укажите тип синонимических отношений (абсолютные/ относительные синонимы, языковое варьирование, прагмонимия), объединяющих следующие группы слов:

рус. *кротость* — *незлобивость* — *безобидность* — *незлобие*; *храбрый* — *смелый* — *мужественный* — *стойкий*; *бегемот* — *гиппопотам*; *пёстрый* — *цветистый* — *цветастый* — *разноцветный* — *разнородный*; *петух* — *петя* — *шантеклер* — *вестник зари*; *номинативный* — *назывной*;

англ. *broad* — *wide* — *large* — *extensive*; *friend* — *associate* — *companion* — *comrade* — *crony*; *cheer* — *delight* — *exhilaration* — *exultation* — *enthusiasm* — *glee*; *pullover* — *sweater*; *sum* — *total*;

нем. *das Kartoffelpüree — der Kartoffelbrei; clever — intelligent — klug; der Ursprung — die Antritt — der Anbruch — der Anfang.*

6. Опишите процесс синонимизации следующих слов:

рус. *конец — закат — финал — финиш — эпилог; игрушечка — конфетка — куколка — роза — статуэтка — цветок;*

англ. *birth — prelude — preface — commencement — kickoff;*

нем. *die Summe — die Bilanz — die Quintessenz — das Ziel — der Schluss — das Fazit — die Frucht — das Produkt.*

Практическое задание

Прочитайте заключительный фрагмент рассказа О. Генри «Дары волхвов» и его перевод на русский язык. Укажите, в каких случаях при переводе выделенных слов используется эквоним, гипероним или гипоним, а в каких синоним или прагмоним. Какое влияние оказывает выбор того или иного эквивалента на семантику переводного текста в целом?

But she *hugged* them to her bosom, and at length she *was able* to look up with *dim eyes* and a smile and say: "My hair grows so fast, Jim!" And them Della leaped up like *a little singed cat* and cried, "Oh, oh!" Jim had not yet seen his *beautiful* present. She held it out to him *eagerly* upon her open palm. The dull precious metal seemed to *flash* with a reflection of her *bright and ardent spirit*. "Isn't it a dandy, Jim? I *hunted* all over town to find it. You'll have to look at the time a hundred times a day now. Give me your watch. I want to see how it looks on it." Instead of obeying, Jim *tumbled down* on the couch and put his hands under the back of his head and smiled. "Dell, " said he, "let's put our Christmas presents away and keep 'em a while. They're too nice to use just at present. I sold the watch to get the money to buy your combs. And now suppose you put the chops on."

The magi, as you know, were wise men — wonderfully wise men — who brought gifts to the Babe in the manger. They *invented the art* of giving Christmas presents. Being wise, their gifts were no doubt wise ones, possibly *bearing the privilege of exchange in case of duplication*. And here I have *lamely related* to you the uneventful *chronicle* of two foolish children in a *flat* who most unwisely sacrificed for each other the greatest treasures *of their house*. But *in a last word* to the wise of these days let it be said that of all who give gifts these two

were the wisest. Of all who *give* and receive gifts, such as they are wisest. *Everywhere* they are wisest. They are the magi.

Все же она прижала гребни к груди и, когда, наконец, нашла в себе силы поднять голову и улыбнуться сквозь слезы, сказала: «У меня очень быстро растут волосы, Джим!» Тут она вдруг подскочила, как ошпаренный котенок, и воскликнула: «Ах, Боже мой!» Ведь Джим еще не видел ее замечательного подарка. Она поспешно протянула ему цепочку на раскрытой ладони. Матовый драгоценный металл, казалось, заиграл в лучах ее бурной и искренней радости. «Разве не прелесть, Джим? Я весь город обегала, куда нашла это. Теперь можешь хоть сто раз в день смотреть, который час. Дай-ка мне часы. Я хочу посмотреть, как это будет выглядеть все вместе». Но Джим, вместо того, чтобы послушаться, лег на кушетку, подложил обе руки под голову и улыбнулся. «Делл, — сказал он, — придется нам пока спрятать наши подарки, пусть полежат немножко. Они для нас сейчас слишком хороши. Часы я продал, чтобы купить тебе гребни. А теперь, пожалуй, самое время жарить котлеты».

Волхвы, те, что принесли дары Младенцу в яслях, были, как известно, мудрые, удивительно мудрые люди. Они-то и завели моду делать рождественские подарки. И так как они были мудры, то и дары их были мудры, может быть, даже с оговоренным правом обмена в случае непригодности. А я тут рассказал вам ничем не примечательную историю про двух глупых детей из восьмидолларовой квартирki, которые самым немудрым образом пожертвовали друг для друга своими величайшими сокровищами. Но да будет сказано в назидание мудрецам наших дней, что из всех дарителей эти двое были мудрейшими. Из всех, кто подносит и принимает дары, истинно мудры лишь подобные им. Везде и всюду. Они и есть волхвы.

II.2.3. Лексическая оппозитивность: антонимы и конверсивы

Лексические оппозитивы, т.е. слова с противоположным значением, создают локальные очаги лексических микросистем в семантической структуре словаря, образуемые каждый раз действием одного семантического фактора — противоположностью словарных значений. Оппозитивы — родовое

обозначение языковых единиц с противоположным значением, видами которых являются антонимы и конверсивы.

При всей противоположности значений антонимы относятся к наиболее тесным семантическим сближениям в лексике. Чтобы понять почему, следует выявить условия, при которых признаки считаются противоположными.

Противоположность — это возможный максимум различий. Категориальное понятие противоположности имеет сложную логическую структуру. Как и всякая абстракция, оно формируется на основе конкретных представлений, наиболее простых (в первую очередь пространственных, кинетических и чувственно-оценочных), которые используются как модель для освоения и объединения более сложных и отвлеченных явлений. При всех различиях частных случаев отождествление их в категорию противоположности производится по общему признаку возможного максимума различий: противоположным признается то, что максимально отлично по признаку, положенному в основание сравнения.

Признаки подразделяются на совместимые и несовместимые в зависимости от того, свойственно или несвойственно им встречаться в вещах совместно, в связке. Совместимость-несовместимость редко бывает абсолютной и чаще всего ограничивается условиями места, времени, отношения и т. д. Совместимость-несовместимость признаков устанавливается в рамках обыденной картины мира, формирующих «философию естественного языка». Противоположные признаки, лежащие в основе семантической противоположности языковых единиц, — те же несовместимые признаки, но с дополнительным качеством. Это качество — максимум различия, максимум несовместимости признаков.

Противоположными могут быть только признаки одного рода (качественная противоположность), то есть только признаки с общим основанием. Основанием признака называется то общее в признаках, что позволяет соотносить и объединять их в классы, то есть основа (критерий, принцип) общности признаков.

Общее основание противоположных признаков нередко скрыто, будучи затемнено их противоположностью, и потому часто не имеет принятого обозначения. Это весьма типично для качественных противопоставлений и менее для количественных, ср.:

рус. *длинный* — *короткий* (длина), *тяжелый* — *легкий* (вес),
смелый — *робкий* (?).

Противоположность, будучи крайним случаем общности, предполагает не только максимум различия, но и некое обобщающее начало, даже если понятие об этом общем не получило устоявшегося обозначения. Поэтому чтобы два понятия-значения считались противоположными, их содержание должно: 1) исчерпываться противоположными семантическими признаками; 2) видовые (дифференциальные) признаки должны быть противоположными при наличии у них общего родового признака.

Два несовместимых признака с общим основанием принимаются за *противоположные*, если:

1) если эти два признака способны покрыть (исчерпать) все пространство их основания (*комплементарная противоположность* — в терминологии Л. А. Новикова):

«длина»: рус. *длинный* — *короткий*; англ. *short* — *long*; нем. *kurz* — *lang*;

«пол»: рус. *мужской* — *женский*, англ. *masculine* — *feminine*, нем. *männlich* — *weiblich*;

«воевать»: рус. *нападать* — *защищаться*, англ. *attack* — *defence*, нем. *angreifen* — *schützen*;

2) два несовместимых признака не покрывают полностью пространство их основания, но это пространство (его мыслительная модель) упорядочено и указанные признаки в нем максимально удалены друг от друга (*контрарная противоположность* — по Л. А. Новикову):

рус. *холодный* — прохладный — теплый — *горячий*;

англ. *cold* — *cool* — *warm* — *hot*;

нем. *kalt* — *kühl* — *warm* — *heiss*;

фр. *froid* — *frais* — *tiède* — *chaud*.

Оппозитивность признаков предполагает способность однородных признаков вычленять в упорядоченном пространстве их основания две части, которые:

1) в сильной оппозиции полностью покрывают это пространство;

2) в сильной оппозиции расположены симметрично на краях этого пространства (ср. в категории времени: *прошлое* — *будущее*);

3) в слабой оппозиции не находятся на краях пространства, но симметрично равноудалены от оси (ср. *недавно* — *вскоре*) или центра пространства (ср. *раньше* — *теперь*, *позже* — *сейчас*, *прошлое* — *настоящее*, *будущее* — *настоящее*); есть также противопоставление внутри пар, левых и правых относительно оси (ср. *давно* — *недавно*, *скоро* — *нескоро*).

Конверсивные признаки возникают в несимметричных отношениях и представляют собой соотносительные реляционные характеристики аргументов такого отношения. Отношение симметрично, если статус аргументов в нем одинаков. Таково, например, отношение *дружбы*: если А друг В, то В — друг А. Напротив, если статус аргументов отношения неодинаков, то отношение несимметрично. Примером может служить отношение обучения, где различен статус учителя и ученика. Соотносительный и реляционный характер конверсивных признаков очевиден: дающий предполагает берущего, и наоборот. Признак в одной вещи имплицитно парный ему признак в другой вещи:

рус. заказчик — исполнитель, отправитель — получатель, говорящий — слушатель, родить — родиться, родитель — ребенок, дающий — берущий;

англ. *employer* — *employee*, *addresser* — *addressee*, *seller* — *buyer*, *to give* — *to take*;

нем. *Lehrer* (m) — *Schüler* (m), *beruhigen* — *sich beruhigen*, *trösten* — *sich trösten*, *lehren* — *lernen*;

фр. *reposer* — *se reposer*, *relaxer* — *se relaxer*, *acheter* — *vendre*.

Причина, обуславливающая поляризацию конверсивных понятий в сознании, их контраст, достаточно очевидна. Различие между парными конверсивными признаками по их роли в несимметричном отношении всякий раз оказывается максимальным и взаимодополнительным. Они и взаимно предполагают друг друга в аргументах отношения, и взаимно исключают друг друга в одном аргументе. Они делят между собой пополам признаковое пространство, основанием которого служит отношение аргументов. Поэтому данные признаки осознаются и квалифицируются как противоположные.

Семантическая структура пары конверсивных предикатов (*учить* — *учиться*) содержит общий семантический признак (гиперсему) — понятие об отношении и дифференциальный признак (гипосему) — понятие об одном из соотносительных полярных взаимоисключающих конверсивных признаков. В существительных — конверсивах (*учитель* — *ученик*) к гиперсеме, т. е. общему (родовому) признаку, добавляется еще соответствующая субстанциональная сема лица, предмета.

Векторная противоположность. Соотнесенные движения одного тела или разных тел от А к В и от В к А — случай векторной противоположности. Их антонимические обозначения возникают тогда, когда эти действия ориентированы относительно некоторых координат:

рус. *прилетать* — *улетать*, *подниматься* — *опускаться*,
входить — *выходить*;
англ. *come* — *go*, *arrive* — *depart*, *rise* — *fall*, *enter* — *exit*;
нем. *hinzulaufen* — *davonlaufen*, *sich entfernen* — *sich nähern*,
steigen — *fallen*;
фр. *entrer* — *sortir*, *monter* — *descendre*, *tomber* — *se lever*, *aller* — *venir*.

Эти действия по отношению друг к другу имеют обратную пространственную структуру: начало одного пространственно соответствует концу другого, проходятся одни и те же участки пути, но в обратной последовательности.

Эта простая модель обобщает и аналогически переносится на разнообразные действия и процессы, структуры которых зеркально отражают одна другую, развертываясь в обратной последовательности. Структуры процессов состоят из одинаковых частей, но эти части выявляются во времени с зеркальной симметрией:

рус. *собрать* — *разбирать*, *закрывать* — *открывать*, *испарять* — *конденсировать*, *заплетать* — *расплетать*;

англ. *wind* — *unwind*, *open* — *close*, *put on* — *put off*, *switch on* — *switch off*, *dress* — *undress*;

нем. *vorschieben* — *herausschieben*, *einbinden* — *losbinden*, *einschalten* — *ausschalten*;

фр. *monter* — *demonter*, *ouvrir* — *fermer*, *habiller* — *déshabiller*.

Вместе с тем существует огромное количество случаев, когда противоположными осознаются действия (процессы) с неполной, но достаточно большой мерой зеркального изоморфизма. Данные процессы не воспроизводят друг друга с зеркальной точностью, но они противоположны. Этот вид противоположности называют *о б р а т н о й*:

рус. *зажигать* — *тушить*, *засекретить* — *рассекретить*, *создавать* — *разрушать*;

англ. *gather* — *scatter*, *cipher* — *decipher*, *find* — *lose*, *help* — *hinder*;

нем. *ausbessern/ reparieren* — *zerbrechen*, *abholen* — *verabschieden*;

фр. *allumer* — *éteindre*, *aider* — *empêcher*, *trouver* — *perdre*.

С семантической точки зрения можно выделить четыре вида лексической антонимии.

Первый вид: если лексические значения двух слов очерчиваются противоположными семантическими признаками, то такие слова антонимичны. Этот случай охватывает антонимию признаков слов (прилагательных, глаголов, наречий) и их субстантивных транспозиций:

рус. *добрый* — *злой* (*добро* — *зло*), *холодный* — *теплый* (*холод* — *тепло*), *приходить* — *уходить* (*приход* — *уход*);
англ. *poor* — *rich/ wealthy* (*poverty* — *wealth*), *arrive* — *depart* (*arrival* — *departure*), *live* — *die* (*life* — *death*);
нем. *weise* — *dumm* (*die Weisheit* — *die Dummheit*), *arm* — *reich* (*die Armut* — *der Reichtum*);
фр. *bon* — *méchant* (*le bien* — *le mal*), *pauvre* — *riche* (*la pauvreté* — *la richesse*).

Второй вид: лексическое значение слов не исчерпывается противоположными признаками, но содержит и нечто большее: значения слов должны содержать общую родовую часть (гиперсема), в то время как различающие их родовые части значения (гипосема) должны исчерпываться противоположными признаками:

рус. *север* — *юг* (гиперсема — сторона света, гипосема — северная, южная); *учитель* — *ученик* (гиперсема — тот, кто, гипосема — учит, учится);
англ. *employer* — *employee* (гиперсема — работа, гипосема — дает, принимает); *boy* — *girl* (гиперсема — ребенок, гипосема — мужской/ женский пол);
нем. *der Mann* — *die Frau* (гиперсема — человек, гипосема — мужской/ женский пол); *der Winter* — *der Sommer* (гиперсема — время года, гипосема — холодное, жаркое);

Третий вид семантического противопоставления: в семантическое противопоставление могут вовлекаться слова, в лексических значениях которых отыскиваются противоположные признаки, но эти признаки никак не исчерпывают ни всего значения слов, ни их гипосем, а составляют только часть гипосем или даже относятся к коннотационной периферии семантики слов (т.е. к импликациональным частям их значений). Это косвенная субстанциональная противоположность и антонимия:

рус. *лед* — *пламень*, *земля* — *небо*, *воск* — *камень*, *кошка* — *собака*, *вода* — *огонь*;
англ. *cat* — *dog*, *town* — *village*, *capital* — *province*, *earth* — *heaven*, *fish* — *bird*;

нем. *das Europa — das Asien, das Holz — der Stahl, der Fuchs — der Hase*;

фр. *la terre — le ciel, la campagne — la ville, la mer — la terre, l'animal — la plante*.

Различие в семантике этих слов несводимо к противоположным семантическим признакам, но они выступают как конкретно-символическое представление пары таких признаков, абстрактная антитеза признаков осваивается через конкретные образы их носителей, однако при этом абстрагируются от многочисленных других признаков вещей, выводящих из дихотомического противопоставления друг другу. Антонимические пары такого рода либо привычны, узуальны, либо окказиональны, разовы.

Четвертый вид — явление смещения (расширения) семантического контраста и антонимии:

«В судьбоносное для страны время, находясь на рубеже столетий, мы надеемся на преемственность пути созидательного обновления, объединяющего государство и общество. ... Верю и надеюсь, что именно таким путем пойдет Отечество наше, пойдет от *шатаний* и *неправд* к *вере* и *истине*, от *лености* и *алчности* к *созиданию* и *благотворению*, от *нестроений* и *смут* к *примирению* и *согласию*, в которых — будущее России» (Алексий II, Патриарх Московский и всяя Руси, 2000).

Прямой противоположностью *веры* выступает *неверие*, *созидания* — *разрушение*, *согласия* — *несогласие*, но *шатание* лежит в области сильных импликаций *неверия*, *леность* — *разрушения*, *смута* — *несогласия*, и антитеза импликационно смещается на них: *вера* — *шатание*, *созидание* — *леность*, *согласие* — *смута*. Таким образом, если P1 — прямая противоположность признака P2, а P2 связан сильной импликацией с P3, то P3 вовлекается в область противопоставлений P1: P1 — P2 — P3. Это косвенная признаковая противоположность и антонимия. Импликационно смещение противоположности приводит в конечном счете к расширению и размыванию (нечеткости) границ семантического контраста и антонимии.

Как отмечает Е. С. Корюкина, типичной риторической функцией антонимов является противопоставление (а н т и т е - з а), ср.:

рус. От *порядка* малые дела растут, а от *беспорядка* даже большие расстраиваются (пословица).

Отношения взаимоотрицания противоположных признаков у предмета или признака для утверждения некоторого среднего показателя находят отражение в д и а т е з е (от греч. *dia* — между), ср.:

рус. В бричке сидел господин, не *красавец*, но и не *дурной наружности*, не слишком *толст*, не слишком *тонок*, нельзя сказать, чтобы *стар*, однако же и не так, чтобы слишком *молод* (Н. В. Гоголь. Мёртвые души).

Отношения соединения выражает а м ф и т е з а (от греч. *amphi* — с обеих сторон), ср.:

рус. Минуй нас пуще всех печалей / И барский *гнев* и барская *любовь* (А. С. Грибоедов. Горе от ума).

Отношения усиления одного признака за счет отрицания противоположного передает а к р о т е з а (от греч. *akros* — крайний), ср.:

рус. Я понял, что всё виденное мною происходило не *наяву*, а *во сне* (Н. С. Лесков).

Отношения взаимоисключения и разделения реализуются в а л ь т е р н е з е (от лат. *alter* — другой), ср.:

рус. Когда любим, то не перестаём задавать себе вопросы: *честно* это или *нечестно*, *умно* или *глупо*, к чему приведёт эта любовь и так далее (А. П. Чехов. О любви) (цит. по: Корюкина, 2011, с. 310—312).

Вопросы для самоконтроля

1. На каком основании признаки объединяются в категорию противоположности?
2. В чем различие векторной и обратной противоположностей?

3. Какие признаки именуются конверсивными?
4. Что понимается под *косвенной* признаковой противоположностью?

5. Примером какого из четырех типов антонимии являются пары слов:

рус. *длинный — короткий, дворец — хижина, большой — маленький, родина — чужбина, тяжелый — легкий, труд — безделье, сладкий — горький, дождь — солнце, добрый — злой, хороший — плохой, хозяин — слуга, старик — юноша;*

англ. *strong — weak, orchestra — soloist, healthy — ill, child — adult, hot — cold, East — West, light — dark, black — white, man — woman, soprano — basso;*

нем. *die Ende — der Anfang, klug — dumm, neu — alt, das Wasser — das Feuer, einnehmen — ausnehmen, gehen — kommen, der Absender — der Adressat, siegen — verlieren, voll — leer, die Mitternacht — der Mittag.*

6. Прочитайте высказывания. Выявите пары антонимов, назовите их тип и укажите их риторическую функцию в тексте:

So muss man leben: immer die kleinen Freuden aufpicken, bis das grosse Glück kommt. — Und wenn es nicht kommt, dann hat man wenigstens die "kleinen Glücke" gehabt (Theodor Fontane).

Sobald wir verstanden haben, dass das Geheimnis des Glücks nicht im Besitz liegt, sondern im Geben, werden wir, indem wir um uns herum glücklich machen, selbst glücklich werden (André Gide).

Практическое задание

Прочитайте стихотворение Б. Л. Пастернака «Быть знаменитым некрасиво...» (с. 293 настоящего пособия) и его английский перевод Л. Л. Пастернак-Слейтер "It is not seemly to be famous". Укажите, каким образом языковые реализации отношений антонимии способствуют раскрытию главной идеи стихотворения в русском и английском текстах.

It is not seemly to be famous:
Celebrity does not exalt;
There is no need to hoard your writings
And to preserve them in a vault.

To give your all-this is creation,
And not — to deafen and eclipse.
How shameful, when you have no meaning,
To be on everybody's lips!

Try not to live as a pretender,
But so to manage your affairs
That you are loved by wide expanses,
And hear the call of future years.

Leave blanks in life, not in your papers,
And do not ever hesitate
To pencil out whole chunks, whole chapters
Of your existence, of your fate.

Into obscurity retiring
Try your development to hide,
As autumn mist on early mornings
Conceals the dreaming countryside.

Another, step by step, will follow
The living imprint of your feet;
But you yourself must not distinguish
Your victory from your defeat.

And never for a single moment
Betray your credo or pretend,
But be alive — this only matters —
Alive and burning to the end.

Часть III

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: МАТЕРИАЛЫ И ЗАДАНИЯ

В данной части пособия представлены языковые материалы и задания к ним, выполнение которых не только позволит овладеть практическими навыками и умениями, необходимыми при проведении когнитивных исследований, но и повысит межкультурную компетенцию студентов.

Исследование ключевых концептов культуры — это та из областей когнитивной лингвистики, которая непосредственно соприкасается с проблемами межкультурной коммуникации. В основе коммуникативного поведения людей лежат национальные традиции, основанные на культурных ценностях, веками формировавшихся в данной лингвокультурной общности. Эти ценности прочно закреплены в национальном сознании, они обуславливают те или иные особенности поведения (Коротюк, 2007).

Несмотря на наличие в культуре европейских стран общих, глубоко укорененных «констант» большой общественной и социальной значимости, национальные картины мира различны. При формировании навыков межкультурной коммуникации в процессе целостного преподавания иностранного языка и культуры необходимо обратиться к тому общему духовному основанию, на котором создавалась в течение столетий культура Европы и России. Без наследия прошлого нам не удастся осознать себя в настоящем. Только любя и храня свою историю, культуру и язык, мы сможем построить правильные отношения с носителями других языков.

Для лингвистического анализа в пособии представлены тексты, раскрывающие ключевые «константы» русской и европейской культур: концепты «родина», «милосердие», «семья», «праздник», «святость», категории «служение», «вера», «творчество». Предлагаемые фрагменты произведений, относящихся к разным временным периодам и дискурсам, ни в коей мере не претендуют на полноту представления анализируемых концептов. Предполагается самостоятельная работа студентов по сбору практических материалов для проведения сопоставительных когнитивных исследований. Задания, которые рекомендуется выполнять в рамках семинарских занятий, помогут выявить общие черты и особенности языкового выражения культурных концептов как в русском языковом сознании, так и в картинах мира англо-американского, немецкого, французского языковых сообществ.

Тема III.1. Концепт «родина»

1. На основе определения лексем *отечество*, *родина* в словаре В. Даля проанализируйте семантику ключевых слов концепта «родина»: выявите основные значения (семемы) слов, затем определите основные и периферийные семантические компоненты каждой семемы. Опираясь на приводимые в словарной статье пословицы, опишите интерпретативное поле концепта «родина»:

Отечество *ср.* состоянье отца, бытность отцом, родительство. Родная земля, отчина, где кто родился, вырос; корень, земля народа, к коему кто, по рождению, языку и вере, принадлежит; государство, в отношении к подданным своим; родина в обширном смысле. Отец мой выходец, а мое отечество Русь, русское государство. Второе отечество, земля, где выходец поселился, приняв подданство, или прочно, навсегда водворившись. За отечество живот кладут, о воинах. За отечество головы положим, Отечество *ср. црк.* отечество, родина, своя земля. Отечественный язык, свой, природный, прирожденный. Отечественная война, во

спасение отчизны; у нас, война 12-го года. Отчизна *ж.* отечество, родина. Рыбам море, птицам воздух, а человеку отчизна вселенный круг. Отчизнушка, отчизненка ты моя! Отчизненный, к ней относящ. Отчизнолюбивый народ. Славяне отчизнолюбцы. Отче(отчизно)любец *м.* -бица *ж.* и отчизник, патриот; -любивый гражданин.

Родина *ж.* родимая земля, чье место рожденья; в обширном *знач.* земля, государство, где кто родился; в тесном *знач.* город, деревня. И кости по родине плачут. Родинный, родной, родимый, к родне относящийся. Родной, родная, родненький, *ласкат.* родимый, -менькой, милый, сердечный, желанный, жадобный. Родимый, родной, относящийся к родному, к родне; природный, прирожденный. А что, родимый, пройду я тут на дорогу? Родимая сторонка. Он родимую землю зашитую в ладанке носит. Родима деревня краше Москвы.

2. Прочитайте стихотворные строки А. С. Пушкина¹ и выявите словосочетания, имеющие контекстуально обусловленное значение «отечество». Проследите, каким образом концепт «родина» связан с концептом «человек» и какие языковые средства используются для выражения этой связи.

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

¹ При исследовании художественного текста речь идет, как правило, о художественных концептах с учетом их образных средств выражения, эстетической сущности и прочих специфических характеристик. Художественный концепт определяется как единица поэтической картины мира. Мы изучаем не художественные концепты, образующие индивидуальный художественный мир автора (идиостиль), а концепты культуры на материале художественного текста. Безусловно, художественный текст есть преломление действительности через индивидуальную картину мира автора. Однако для нас научный интерес представляет не изучение индивидуальных концептов в сознании автора, а передача в тексте концептов, входящих в ментальный лексикон (Евдокимычева, 2007, с. 112).

На них основано от века
По воле Бога Самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.
Животворящие святыни!
Земля была б без них мертва,
Без них наш тесный мир — пустыня,
Душа — алтарь без Божества.

3. Прочитайте фрагмент биографического исследования А. А. Черкашина «Тысячелетнее древо А. С. Пушкина»¹. Проследите соотношение концептов «родина» и «гражданство», выявите языковые средства, раскрывающие связь данных концептов. Прочитайте вновь стихотворение А. С. Пушкина «Два чувства...» и укажите, какое значение приобретает сочетание *любовь к отеческим гробам* в контексте биографического текста А. А. Черкашина.

В Лицее Александра Пушкина прозвали «Французом» — французским языком он владел в совершенстве... Так сложилось, что... праправнук поэта Николай Солдатенков родился в Париже — далеко от своей исторической родины. В его паспорте в графе «гражданство» значится — француз. Но душа, наперекор все обстоятельствам, избрала свое гражданство. Россия, страна, давшая жизнь его великим предкам — Александру Пушкину и Николаю Гоголю, стала истинной родиной и для Николая Васильевича Солдатенкова.

Впервые он попал в Россию в далеком уже 1966-м. И тогда же совершил первую в своей жизни паломническую поездку в Троице-Сергиеву лавру — колыбель русского православия. Там Николай Солдатенков приложился к мощам основателя славной обители Сергия Радонежского, и что-то дрогнуло в душе молодого преуспевающего инженера-кибернетика, будто разжалась неведомая пружина...

¹ Черкашин А. А., Черкашина Л. А. Тысячелетнее древо А. С. Пушкина: корни и крона. М. : Либерия, 1998. С. 184.

В Париж он вернулся другим человеком. Чаще всего тогда его можно было встретить в русском храме, где Николай Солдатенков пел в церковном хоре. В 1977 году он был рукоположен в дьяконы, а еще через год получил свой приход в храме во имя Серафима Саровского, что на парижской улице Лекурб.

Фамилия Солдатенковых, благодаря появлению на свет в августе 1938-го младенца Николая, вплелась в огромное древо пушкинского родословия, корни которого пронизали тысячелетние пласты русской истории. Имена двенадцати святых — предков поэта — вошли и в родословие Николая Солдатенкова. Но из всех ныне здравствующих потомков Пушкина (а их в мире более двухсот) лишь он один избрал путь священнослужителя...

4. Прочитайте стихотворение «Эти бедные селенья» Ф.И. Тютчева. Опишите интерпретативное поле концепта «родина».

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь небесный
Исходил, благословляя.

5. Прочитайте стихотворение К. Симонова «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» Выделите в тексте ключевые слова; проследите, какие образы ассоциативно связываются с образом Родины — России. Опишите, каким предстает концепт «родина» в восприятии поэта и как это выражено в языке.

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как крынки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди,

Как слезы они вытирали украдкою,
Как вслед нам шептали: «Господь вас спаси!»
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измеренный чаще, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,

Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся.
За в Бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, все-таки родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

6. Прочитайте фрагмент дневниковых записей императрицы Александры Федоровны (Романовой) и стихотворение А.З. Дмитровского «В пути»¹. Установите соотношение концептов «родина» и «родной дом» и выявите языковые средства реализации этой связи в текстах; проследите, какие лексемы использованы при раскрытии концепта «родной дом», какие ассоциации они вызывают, и какова их коннотация.

Самые прочные узы — это узы, которыми сердце человека связано с настоящим домом. В настоящем доме даже маленький ребенок имеет свой голос. А появление младенца влияет на весь семейный уклад. Дом, каким бы он ни был скромным, маленьким, для любого члена семьи должен быть самым дорогим местом на земле. Он должен быть наполнен такой любовью, таким счастьем, что, в каких бы краях человек потом ни странствовал, сколько бы лет ни прошло, сердце его должно все равно тянуться к родному дому. Во всех испытаниях и бедах родной дом — убежище для души.

¹ *Дмитровский А. З.* Странники : сб. стихов. Калининград, 2002. С. 22.

Как дорога легка!
Надо мной облака
Белым дымом встают.
Однодневный приют.
В тихом городе я.
Будто дом и родня.
Будто, к сердцу влеком,
Каждый мил и знаком.
И над косами ив
Семицветный разлив...
Здесь по лужам босой
Дождь прошел полосой.

7. Прочитайте фрагмент рассказа И. С. Шмелева «Старый Валаам» и проследите, какое преломление концепт «родина» получает в образе Божиего мира, «дивного Валаама».

Мы идем по лесной дороге, не зная куда приведет она. Всюду гранит, мохом поросший, брусникой. Едим бруснику и, не осыпавшуюся еще чернику. Много и зарослей малины, только она сошла. Должно быть, много здесь рябчиков — знакомые свисты слышны. На Валааме не стреляют. Чувствует это птица, прилетает сюда и держится. Говорят, и лебеди бывают, и гагары. В Коновском скиту можно и гагар увидеть, — совсем ручные.

Нас обгоняет монах на одноколке, кланяется и говорит: «Путь вам добрый, с вами Господь!» Пропал за поворотом, только слышен раскат колес по встретившейся плите «луды»¹. Затихло. Вон, в стороне, упавшее дерево, столетнее, должно быть. Мох забрался в пустое дупло. Я тычу палкой — одна труха. Сколько же лет прошло, когда оно упало, — полсотни, сто? Из дупла тянется ромашка, повилика. Из-за мшистого пня высматривают глаза... как странно! «Смотри, кто это там... глаза?» — говорю я жене. Радостная, она мне шепчет: «Да, ... лисичка!» Да, лисичка, совсем ручная. Глядим на нее, не шелохнемся. Глядит и она на нас.

¹ Луда — местное название строительного (используемого также для строительства дорог) камня, сходного по твердости с гранитом.

Странное чувство — близости и доверия, и неизъяснимой радости... отчего? Самая обыкновенная лисичка, только... умильная. Миг — и куда-то скрылась. В дупло, пожалуй. Может быть, там и лисята.

Идем и думаем: чудесная какая встреча! Ну, конечно, чудесная. Жизнь здесь какая-то иная, чем там, в миру. Зло как бы отступило, притушилось. И зло, и страх. Зверь не боится человека, и человек тут тоже другим становится...

Места священные, освященные молитвой. Меняются здесь люди, меняются и звери. Люди здесь необычные, как везде: здесь подбираются «по духу», — кто-то нам говорил, — «как сквозь решето отсеяны».

8. Прочитайте фрагмент дневниковых записей М.М. Пришина (1925, 10 января). Выявите ключевые слова, раскрывающие отдельные грани концепта «родина».

Так оно так, конечно, и лучше бы как-нибудь работать гражданином мира, но как перешагнуть через родину, через самого себя? Ведь только я сам, действительно близкий к грубой материи своей родины, могу преобразить ее, поминутно спрашивая: «Тут не больно?», и если слышу «больно», ощупываю в другом месте свой путь. Другой-то разве станет так церемониться, разве он «за естественным богатством» железа, нефти и угля захочет чувствовать человека?.. Вот верно как-то через уважение к родным, к некоторым друзьям, и, главное, через страстную любовь к природе, увенчанной своим родным словом, я неотделим от России...

9. Прочитайте фрагменты статьи русского философа И. А. Ильина (1882—1954) «Почему мы верим в Россию». Выявите ключевые слова, раскрывающие в тексте образ «Родины — России». Проследите, каким образом концепт «родина» соотносится с категорией «вера», и как эта связь выражается на языковом уровне.

...И вот когда западные народы ставят нам вопрос, почему же мы так непоколебимо уверены в грядущем возрождении и восстановлении России, то мы отвечаем: потому, что мы знаем историю России, которой вы не знаете, и живем ее духом, который вам чужд и недоступен.

Мы утверждаем духовную силу и светлое будущее русского народа в силу многих оснований, из коих каждое имеет свой особый вес, и кои все вместе ведут нас в глубине нашей веры и нашей верности.

Мы верим в русский народ не только потому, что он доказал свою способность к государственной организации и хозяйственной колонизации, политически и экономически объединив одну шестую часть земной поверхности; и не только потому, что он создал правопорядок для ста шестидесяти различных племен — разноязычных и разноверных меньшинств, столетиями проявляя ту благодушную гибкость и миролюбивую уживчивость, перед которой с таким радостным чувством преклонился однажды Лермонтов («Герой нашего времени», глава I — «Бэла»);

и не только потому, что он доказал свою великую духовную и национальную живучесть, подняв и пересилив двухсотпятидесятилетнее иго татар;

и не только потому, что он, не защищенный естественными границами, пройдя через века вооруженной борьбы, проведя в оборонительных войнах две трети своей жертвенной жизни, одолел все исторические бремена и дал к концу этого периода высший в Европе средний уровень рождаемости: 47 человек в год на каждую тысячу населения;

и не только потому, что он создал могучий самобытный язык, столь же способный к пластической выразительности, сколь к отвлеченному парению, — язык, о котором Гоголь сказал: «Что ни звук, то и подарок, и право, иное название еще драгоценнее самой вещи»... («Выбранные места переписки с друзьями». 15, 1);

и не только потому, что он, создавая свою особую национальную культуру, доказал и свою силу творить новое, и свой талант претворять чужое, и свою волю к качеству и совершенству, и свою даровитость, выдвигая из всех сословий «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов» (Ломоносов);

и не только потому, что он выработал на протяжении веков свое особое русское правосознание (русский предреволюционный суд, труды российского Сената, русская юриспруденция, со-

четающая в себе христианский дух с утонченным чувством справедливости и неформальным созерцанием права);

и не только потому, что он создал прекрасное и самобытное искусство, вкус и мера, своеобразие и глубина которого доселе еще не оценены другими народами по достоинству — ни в хоровом пении, ни в музыке, ни в литературе, ни в живописи, ни в скульптуре, ни в архитектуре, ни в театре, ни в танце;

и еще не только потому, что русскому народу даны от Бога и от природы неисчерпаемые богатства, надземные и подземные, которые обеспечивают ему возможность — в самом крайнем и худшем случае успешного вторжения западных европейцев в его пределы — отойти в глубь своей страны, найти там все необходимое для обороны и для возвращения отнятого расчленителями и отстоять свое место под Божиим солнцем, свое национальное единство и независимость...

Мы верим в Россию не только по всем этим основаниям, но, конечно, мы находим опору и в них. За ними и через них сияет нам нечто большее: народ с такими дарами и с такой судьбой, выстрадавший и создавший такое, не может быть покинут Богом в трагический час своей истории.

10. Проведите дефиниционный анализ (т. е. анализ словарных статей, определений в словаре) слова *fatherland* (Cambridge International Dictionary of English), а также лексем *motherland/mother country* и выявите их основные значения.

Fatherland, motherland — the country in which you are born or the country with which you are spiritually or historically connected. *People often talk of the fatherland when they feel that their country is under threat from an external power. Your mother country is the country where you were born or which you feel is your original home. Even though she has not lived in Spain for 50 years, she still calls it her mother country.*

11. Прочитайте стихотворение «My Native Land» В. Скотта. Проследите, какие лексические средства использует автор для раскрытия противопоставления концепта «любовь к родине» и антиконцепта «забвение родины».

Breathes there the man, with soul so dead,
Who never to himself hath said,

This is my own, my native land!
Whose heart hath ne'er within him burn'd,
As home his footsteps he hath turn'd
From wandering on a foreign strand!
If such there breathe, go, mark him well;
For him no Minstrel raptures swell;
High though his titles, proud his name,
Boundless his wealth as wish can claim;
Despite those titles, power, and pelf,
The wretch, concentred all in self,
Living, shall forfeit fair renown,
And, doubly dying, shall go down
To the vile dust, from whence he sprung,
Unwept, unhonour'd, and unsung.

12. Прочитайте стихотворение «Soldier» Р. Брука. Проследите, какие образы использует автор для раскрытия концепта «родина» и выявите характеристики данного концепта.

If I should die, think only this of me:
That there's some corner of a foreign field
That is forever England. There shall be
In that rich earth a richer dust concealed;
A dust whom England bore, shaped, made aware,
Gave, once, her flowers to love, her ways to roam,
A body of England's, breathing English air.
Washed by the rivers, blest by suns of home.
And think, this heart, all evil shed away,
Gives somewhere back the thoughts by England given;
Her sights and sounds; dreams happy as her day;
And laughter, learnt of friends; and gentleness,
In hearts at peace, under an English heaven.

13. На основе определения лексемы *Heimat* в этимологическом и толковом словарях проанализируйте ее семантику: выявите основные значения (семемы) слов, затем определите основные и периферийные семантические компоненты каждого значения.

Heimat — von Heim: das gemeingerm. Wort mhd., ahd., heim "Haus, Wohnort, Heimat", got. haims "Dorf", engl. home "Haus,

Wohnung, Aufenthaltsort, Heimat", schwed. hem "Haus, Wohnung, Heimat", mit dem in anderen indogerm. Sprachen z. B. griech. kome "Dorf" und die baltoslaw. Sippe von russ. sem'ja "Familie" verwandt sind (Duden, 2001, S. 330).

Heimat: Land, Landesteil oder Ort, wo jmd. [geboren und] aufgewachsen ist, woher jmd., etwas stammt: der Harz ist ihre Heimat; seine Heimat verlassen; in die Heimat zurückkehren. Syn. Geburtsort, Vaterland (geh., oft emotional) (Duden, 2002, S. 463—464).

14. Опираясь на приводимые высказывания, опишите интерпретативное поле концепта «родина» в немецкоязычной картине мира:

Der ist in tiefster Seele treu, wer die **Heimat** liebt wie du (Theodor Fontane). Man muss viel Ferne getrunken haben, um den Zauber des Nächsten zu fassen (Martin Kessel). Da reist man und reist man und wird sich eines Tages bewusst, dass man auf Reisen ununterbrochen Heimweh aussteht. Gibt man das zu, so ist man vielleicht auch zu dem Eingeständnis bereit, dass es überhaupt der verbogene Sinn allen Reisens ist, Heimweh zu haben (Erhart Kästner) (Duden, 2002, S. 750—751).

15. Прочитайте приводимые высказывания и опишите интерпретативное поле концепта «родина» в картине мира носителей французского языка.

Le vrai patriote s'inquiète, non du poste qu'il doit occuper dans la patrie, mais du rang que la patrie doit atteindre parmi les nations (Jules-Paul Tardivel, Extrait de *Pour la patrie*); Il n'y a pas de patrie, dans le sens d'un endroit d'où on vient et où on était si bien. La patrie c'est le paradis perdu (Réjean Ducharme, Extrait de *Les Enfantsômes*); L'idée de patrie est une idée de ville. La petite patrie, c'est la grande, c'est l'unique (Jules Renard, Extrait de *son Journal 1893—1898*); La première patrie, quand on est ici-bas, c'est la vie (Paul Léautaud, Extrait des *Entretiens avec Robert Mallet*); Il n'y a d'amis, d'épouses, de pères et de frères que dans la patrie. L'exilé partout est seul (Félicité de Lamennais, Extrait de *Paroles d'un croyant*); On n'habite pas un pays, on habite une langue. Une patrie, c'est cela et rien d'autre (Emil Michel Cioran, Extrait d' *Aveux et anathèmes*); La vraie patrie est celle où l'on rencontre le plus de gens qui vous ressemblent (Stendhal, Extrait de *Rome, Naples, Florence*)

Тема III.2. Категория «служение»

1. На основе дефиниции (определения) лексемы *служить* в словаре В. Даля проанализируйте семантику ключевого глагола категории «служение»: выявите основные значения (семемы) слова, затем определите основные и периферийные семантические компоненты каждого значения (т. е. отдельные семы). Опираясь на приводимые в словарной статье пословицы, назовите прототипические характеристики категории «служение»:

Служить, служивать кому, чему, к чему, либо на что, годиться, пригодяться, быть пригодным, полезным; быть орудием, средством для цели, идти в дело, на дело, быть нужным, надобным. Недеятельный человек ни к чему не служит. О человеке, кому, на кого, по воле своей оказывать услуги, подавать помощь, услуживать, прислуживаться. Служить кому знанием, богатством своим. Служить где, чем, при чем, быть, состоять на государственной, либо общественной службе, при должности, занимать место с известными обязанностями, быть на (при) месте. Он служит верой и правдой. Где ни жить, одному царю служить. Служу Богу и великому Государю, солдатск. Он служит в войсках, в Сибири, на Кавказе, служит капитаном. Служить я рад, прислуживаться тошно. Грибоедов. Служить, так не картавить, а картавить, так не служить, Суворов. Служить что, совершать церковную службу, отправлять служение по уставу. В церкви служат, служба началась, идет. Наш поп хорошо служит. Отслужив обедню, стали молебн служить. Службу служить — другу не дружить. Службу служи, а сам не тужи. Верно служу — ни о чем не тужу. Отслужить кому службу. Послужить примером. Всех товарищей переслужил, прослужил полвека. Сослужи-ка мне службу, услуги в этом деле. Служение *ср.* служба *ж.* *действ.* и *сост.* по глаг. Долг каждого служение на общую пользу. Служение обедни. Во все служение свое, он заведомо не кривил делом. В соборе служба кончилась. Служба, употребление, польза, угода, деятельность, жизнь для других, услуга, полезное дело, *лат.* *usus*. Прозабаяй траву скотом, и знак на службу человеком. Псалтирь. Все сотворено на службу человеку, а человек — на службу Богу.

Службу служить, душой не кривить. За Богом молитва, за Царем служба не пропадает. Пошел на службу — терпи и нужду. Кому служу, тому и пляшу. На службе нет родни. Не в службу, а в дружбу. На службу, не напрашивайся (не накупайся), от службы не отпрашивайся (не откупайся), которая служба нужнее, та и честнее. Это не служба, а службишка: служба будет впереди. Служащий *м.* человек состоящий на какой-либо службе; служивый, военнотрудовой, нижний чин, служащий или отставной; служилый, служивый, или подлежащий службе, обязанный; ко службе относящ. Служилые люди, *стар.* ратные, воинские чины. Слуга *об.* служанка *ж.* слугитель в доме, при лице; состоящий в домашнем услужении, лакей, комнатный, горничная и пр. Слуга двух господ. Я тебе не слуга. Много слуг, да мало услуг. Слуги бегают, друг друга с ног сбивают. Слуге говорят; не делай своего хорошего, делай мое худое, слушайся, повинуйся. Царь без слуг, как без рук. Где царь (князь), там будет и слуга его. Верный слуга царю всего дороже. Кто господин деньгам, а кто слуга. Вообще, кто подчинен кому, повинуется кому, в зависимости, в неволе. Всяк слуга своих страстей. Я вам покорный, слуга, готов служить на вас. Не слуга царю, кто себя бережет. Чей я слуга, того и песенку пою, или: тому и славу (песню) пою. Служебник, -ница, *стар.* слуга, служанка, прислужник. Служебник, церковная книга, по коей управляется служба.

2. Прочитайте фрагменты выступления Президента Российской Федерации В. В. Путина и беседы со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II (Ридигером, 1929—2008). Выделите в текстах определения лексемы «служение»; найдите ключевые слова, раскрывающие концепт «патриаршее служение», и опишите, насколько это возможно, структуру концепта.

Четырнадцать лет Патриарх Московский и всея Руси Алексий II возглавляет великое дело возрождения Русской Православной Церкви, достойно несет тяжкое бремя ответственности за ее настоящее и будущее. Его неустанные усилия, направленные на развитие межконфессионального диалога, сохранение гражданского мира и общественного согласия, миротворческая деятельность на международной арене заслуживают глубокого уважения и поддержки.

Несмотря на то, что Его Святейшеству довелось вести церковный корабль в нелегкое и противоречивое время, годы его патриаршего служения стали уникальной эпохой реального возрождения нравственных основ жизни общества. В этот ответственный момент отечественной истории миллионы наших сограждан с глубоким уважением прислушиваются к каждому сердцем выстраданному слову пастыря. Россияне благодарны Предстоятелю Церкви за молитвы, за попечительство об укреплении гражданского мира в стране, о гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений. На собственном опыте знаю, как тяжело бремя ответственности за судьбы людей. Поэтому искренне желаю Его Святейшеству доброго здоровья и неоскудевающих сил в столь самоотверженном служении.

«— Ваше Святейшество, Ваше служение пришлось на очень сложный период в истории России — период распада Советского Союза, становления в нашем отечестве новой государственности и возрождения Русской Православной Церкви. Что видите Вам самым главным в первосвященническом служении в эту переломную эпоху?»

— Ответственность за будущее Церкви ложится на каждого ее Предстоятеля, но в переломные времена, времена тяжелых общественных потрясений, ответственность эта многократно возрастает. Таким временем для нашей родины стал конец XX века, когда распалась советская держава и начался совершенно новый период отечественной истории.

После своей интронизации в 1990 году я сказал, что мое избрание на Патриарший престол — это огромная ответственность и тяжелейший крест, потому что, будучи близок к Святейшим Патриархам Алексию I и Пимену, я хорошо представлял себе тяжесть патриаршего служения. Но обстоятельства, в которых мне пришлось совершать патриаршее служение, особые, потому что впервые за много лет появилась возможность возродить Церковь, вернуть то, что было утрачено и разрушено. Тысячи храмов, которые открыты за последние годы, и сотни монастырей, которые восстановлены — реальный результат этого возрождения. Когда едешь по просторам России, видишь это воочию. Однако главная наша задача — не восстановление храмов и монастырей, а по-

мощь людям в восстановлении их исковерканных атеистическим воспитанием душ, задача пастырская, душепопечительская. Необходимо, чтобы люди находили в Церкви успокоение и поддержку. Возвращение к духовным основам жизни, участие в Церковных Таинствах, в молитве церковной подают духовные силы, которые необходимы каждому человеку для несения своего жизненного креста...

— *Детские впечатления очень важны для жизни человека, часто именно они определяют его будущее. Пожалуйста, расскажите о том, что Вы считаете для себя определяющим в выборе своего жизненного пути?*

— ...Для меня был очень важен пример моих духовных отцов: отца Иоанна Богоявленского, впоследствии епископа Таллинского и Эстонского Исидора, который меня крестил, и архиепископа Таллинского и Эстонского Павла — людей, которые прошли через горнило испытаний, пережили революцию, эмиграцию, но сохранили в душе любовь и были истинными пастырями. Их светлые образы сохранились в моей душе, пример их пастырского служения был для меня определяющим...

3. Прочитайте отрывки из книги «Святой благоверный Великий Князь Александр Невский» русского историка первой половины XX века Н.А. Клепенина. Выявите ключевые слова, раскрывающие сущность концепта «княжеское служение», и опишите их семантику (значение). Укажите, в чем состоит специфика данного концепта (например, историческая, деятельностная). Сопоставьте концепт «княжеское служение» с концептом «средневековое рыцарство» и выявите их различия. Выделите основные характеристики концепта «княжеское служение» и укажите, как они выражаются в тексте.

...Иной предстает перед нами жизнь св. Александра Невского: мы слышим шум сражений, набат вечного колокола, встречаем горькие повествования о происках бояр, об усобицах, с замиранием сердца следим за продвижением врагов по русской земле. Мы видим св. Александра на коне в гуще сражения, в княжеских палатах, в ханской Ставке... Он сражается, управляет, судит. Описание его жизненного пути есть в то же время одной из важнейших страниц русской истории...

...И в княжеском служении, и во всей внутренней и внешней жизни св. Александра отличает глубокий, подлинный реализм Православия в жизни духовной и земной. Перед ним стояло его служение: польза вверенной ему земли, и никакое отвлеченное понятие славы или чести не затмевало для него реальности этого служения и реальности жизни со всеми ее тяготами. У него был ясный и трезвый взгляд и смирение перед силой жизни с ее подчас непреодолимыми препятствиями. Поэтому в его пути свобода и широта. Он был выше всех его окружавших и не боялся уступать им, не упорствовал в малом и не втягивался в мелкие происки политической борьбы. Мелочи жизни никогда не затмевали для него главной цели. Он шел путями, которые были реальны и возможны. Эти пути были для него второстепенными, а служение главным...

Подлинное служение всегда связано с подвигом самоотречения. Самый враждебный взгляд не сможет обнаружить в жизни св. Александра личного честолюбия. Он не совершил ни одного похода для славы и не начал ни одной битвы для личной выгоды. С одинаковой твердостью он шел на войну, покрывавшую его славой, и на унижение в ханской ставке. Его жизнь — постоянный подвиг смирения и отречения от себя для служения людям...

...Святые отцы учат, что для человека, верно исполняющего данное Богом служение, дела заменяют продолжительную молитву. Его жизнь претворяется в непрестанную молитву делами. Св. Александр — князь, подвижник и мученик — не уходил в пустыню, а жил в миру княжеской жизнью. У него была многочисленная семья, он пировал, ездил на ловы. В нем не только красота и ясность, и легкость жизни — ее преображенность. Ничто так не выражает его земного образа, как слова летописи: *«Бе же лицем красен, очима светел и грозен взором, и паче меры храбор, сердцем же легок»*...

...Начало XIII века — вершина всего западного средневековья. К этому времени окончательно сложились королевства Европы, определился новый быт и уклад жизни с его строгой иерархичностью. На вершине всего здания утвердился папский престол, победивший и язычество, и сопротивление светской вла-

сти... Эта внутренняя победа сказалась в стремлении к распространению вовне, к расширению своих внешних пределов. Поэтому как раз начало XIII века ознаменовано походами Европы на восток. Эти войны и внешне и внутренне исходят из Рима, из папской курии... Внутренний смысл этих походов состоял в утверждении власти Рима в тех странах, которые по своему облику и культуре были глубоко чужды средневековью и католицизму... Поэтому продолжительные войны Новгорода, как западной окраины Руси, не были частными и случайными пограничными войнами. Это было сопротивление жестокое и упорное целой исторической волне. Новгородские князья сознавали себя защитниками Православия и Руси...

Как новгородский князь, Св. Александр преемственно воспринял историческую миссию защиты Православия и Руси от Запада... Весь первый период его жизни прошел в борьбе с Западом... И в этой борьбе прежде всего выступают две черты: трагическое одиночество и беспощадность.

Несмотря на все ужасы татарских нашествий, западная война была более ожесточенной. Здесь шла борьба на смерть или на жизнь. Главным побуждением борьбы было религиозное завоевание; утверждение своего мирозерцания, из которого вырастал весь быт и уклад жизни... Здесь нападение направлялось не на землю или имущество, но на самую душу народа — на православную Церковь... Св. Александр видел подлинную сущность Руси, поэтому и все усилия свои направил он на сохранение творческой основы народа, его внутренней силы, на отвращение посягательств на нее. Этим объясняется упорная борьба великого князя с католическим Западом. Смертельным повреждением угрожало русской жизни еретичествующее латинство. Благоверный князь знал это, и потому делом всей его жизни стала забота о сохранении мира на Востоке, под прикрытием которого он мог бы все силы бросить на отражение агрессии Запада. Подвиг ратной славы предстоял князю на берегах Невы и на льду Чудского озера. И св. Александр отстоял самобытность Руси от Запада. Всей душой чувствуя в Церкви «столп и утверждение истины», понимая судьбоносное значение Истины Христовой в русской жизни,

св. Александр принял на себя тяжкий крест державного защитника чистоты веры, хранителя и оберегателя духовной полноты русской православной государственности...

...Если с Западом вел Александр открытую борьбу, то подвиг иноческого смирения ожидал его в отношениях с надменной и пресыщенной победами монгольской Ордой...

...«Того же лета... ко Александру же Ярославичу присла царь Батый послы своя, глаголя: "Мне покори́л Бог мно́ги язы́ки, ты ли еди́н не хо́щешь покорити́ся держа́ве мое́й? но, аще хо́щешь ны́не соблю́сти землю́ свою́, то приди́ ко мне". Приказ Батые́ поставил кня́зя перед необходи́мостью отве́та. Согла́сие или отве́т приеха́ть озна́чал мир или войну́. Это́ был самы́й решите́льный и трагиче́ский мо́мент в жи́зни св. Алекса́ндра. Перед ним был пу́ть прямо́й героиче́ской борь́бы, наде́жда побе́ды или героиче́ской сме́рти. Но св. Алекса́ндр отве́рг это́ пу́ть. Он поеха́л к хану́.

Здесь сказался его реализм. Если бы у него была сила, он пошел бы на хана, как шел на шведов. Но твердым и свободным взглядом он видел и знал, что нет силы и нет возможности победить. И он смирился.

Для средневекового рыцаря это было бы концом славы. Трубадур не стал бы слагать песен в честь рыцаря, пошедшего на унижительный шаг. Но св. Александр не был рыцарем. Он был православным князем. И в этом унижении себя, склонении перед силой жизни — Божией волею — был больший подвиг, чем славная смерть. Отныне на св. Александра ложится печать мученичества...

Отвергнув союз с Западом, св. Александр принял подчинение Востоку. ...При этом св. Александр был несомненным врагом татар. Уже после своей кончины, в видениях, он дважды являлся на помощь русской рати, сражавшейся против татар. Открытая борьба с татарами, когда она стала возможной, была продолжением дела св. Александра. Само его подчинение было началом долголетней борьбы с татарщиной. Он подчинился татарам, но отверг попытку спасения Руси ценой измены Православию, он поклонялся Батыею, но отказался, несмотря на угрозу мученической смерти, стать по требованию татар, идолопоклонником...

Политика св. князя Александра по отношению к татарам была самым великим, но и самым тяжелым историческим делом, послужившим соблазном для многих, но выведшим Россию из развалин на правильный исторический путь... Сделав опору на истины Закона Божия и Заповеди Христовы главным принципом своей деятельности, св. Александр первым вывел Русь на тот путь, следуя по которому она росла и крепла год от года, превратившись в результате из сообщества маленьких враждующих княжеств в великую и грозную Православную Империю, защитницу и хранительницу Вселенского Православия.

...То, что св. Александр достиг святости своим княжеским служением, было осознано еще летописцем, описавшем его погребение: *"Тако бо Бог прослави угодника своего, иже много тружесе за землю Русскую... и за всю землю Русскую живот свой полагаа за православное христианство"*. Завет св. Александра говорит, что защита родины и труд для нее, если он совершается во имя Бога, есть исполнение Божией воли... св. Александр шел путем мирского служения, через все его трудности. Пример его жизни говорит, что постоянное памятование о Боге подвигло его не на бездействие не на забвение России, но, что, наоборот, в вере и церкви он черпал силу для своего государственного труда. Пример его жизни говорит далее, что только самоотвержение и жертвенный подвиг отдачи себя своему служению могут принести подлинные плоды, что и мирское делание требует подвижничества. ...Его пример зовет к бодрости, к ясности, к простоте духа, к подлинному реализму в жизни духовной и земной, к неустанной твердости, к непоколебимой вере.

Св. Александр был при жизни одним из основоположников России. Своей жизнью св. Александр как бы благословляет путь праведного ей служения.

4. Прочитайте стихотворение Б. Пастернака «Неоглядность». Укажите тему (или темы) произведения; выделите ключевые слова и объясните, языковыми средствами выражения каких концептов они являются; найдите повторяющиеся метафорические образы и выявите лежащие в их основе концептуальные метафоры.

Непобедимым многолетье,
Прославившимся исполать!
Раздолье жить на белом свете,
И без конца морская гладь.

И русская судьба безбрежной,
Чем может грезиться во сне,
И вечно остается прежней
При небывалой новизне.

И на одноименной грани
Ее поэтов похвала,
Историков ее преданья
И армии ее дела.

И блеск ее морского флота,
И русских сказок закрома,
И гении ее полета,
И небо, и она сама.

И вот на эту ширь раздолья
Глядят из глубины веков
Нахимов в звездном ореоле
И в медальоне — Ушаков.

Вся жизнь их — подвиг неустанный.
Они, не пожалев сердец,
Сверкают темой для романа
И дали чести образец.

Их жизнь не промелькнула мимо,
Не затерялась вдалеке.
Их след лежит неизгладимо
На времени и моряке.

Они живут свежо и пылко,
Распорядительны без слов,
И чувствуют родную жилку
В горячке гордых парусов.

На боевой морской арене
Они из дымовых завес
Стрелой бросаются в сраженье
Противнику наперерез.

Бегут в расстройстве стаи турок.
За ночью следует рассвет.
На рейде тлеет, как окурок,
Турецкий тонущий корвет.

И, все препятствия осилив,
Ширяет флагманский фрегат,
Размахом вытянутых крыльев
Уже не ведая преград.

5. Прочитайте отрывки из биографии адмирала Ф.Ф. Ушакова (1845—1817). Выявите ключевые слова, раскрывающие сущность концепта «воинское служение», и опишите их семантику. Укажите, в чем состоит специфика данного концепта, а в чем он соотносится с рассмотренным выше концептом «княжеское служение»; выделите прототипические характеристики категории «служение» и укажите, как они выражаются в тексте. Проследите соотношение категории «служение» с концептами «честь», «доблесть», «верность», «милосердие».

Из присяги военного моряка: «Аз, Феодор Ушаков, обещаю и клянуся Всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием в том, что хочу и должен Ея императорскому величеству моей всемилостивейшей Государыне императрице и Ея императорского величества любезнейшему Сыну Государю Цесаревичу и Великому Князю Павлу Петровичу, законному всероссийского престола Наследнику, верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови... В чем да поможет мне Господь Бог Всемогущий!»;

Из описания сражения при мысе Калиакрия: «Предстояло сражение генеральное; это сознавалось всем нашим флотом. «Молитесь Богу! — писал князь Потемкин Ушакову. — Господь нам поможет, положитесь на Него; ободрите команду и произведите в ней желание к сражению. Милость Божия с Вами!» 31 июля

(1791 г.) на подходах к мысу Калиакрия Ушаков обнаружил турецкий флот, стоявший в линии на якоре под прикрытием береговых батарей. Появление русской эскадры было для турок полной неожиданностью — их охватила паника. Турки в спешке стали рубить канаты и ставить паруса. При этом несколько кораблей, не справившись с управлением на крутой волне при порывистом ветре, столкнувшись друг с другом и получили повреждения. Ушаков, будучи на ветре и пользуясь неразберихой в стане неприятеля, принял изумительное по находчивости решение и повел свой флот между турецкими кораблями и беспрестанно палящей береговой батареей, отрезая корабли от берега. Бой разгорелся с потрясающей силой. Боевая линия турок была разбита, их корабли были настолько стеснены, что били друг в друга, укрываясь один за другого... Русские корабли, окружив противника, буквально осыпали его ядрами. Турецкий флот был «совершенно уже разбит до крайности» и в очередной раз бежал с поля боя... А в Константинополе, не имея известий о происшедшем морском сражении, праздновали курбан-байрам и радовались; но вскоре «сверх чаяния сия радость обратилась в печаль и страх», вызванные появлением у крепостей Босфора остатков эскадры... Вид пришедших кораблей был ужасен; палубы были завалены трупами и умирающими от ран; в довершение всего корабль самого Сеит-Али (главнокомандующего турецкой эскадрой), войдя на рейд, стал на виду у всех тонуть и пушечными залпами просить о помощи... «Великий! Твоего флота больше нет», — доложили турецкому султану. Тот был настолько ошеломлен увиденным зрелищем и известием о сокрушительном поражении своего флота, что немедленно поспешил заключить мир с Россией. 29 декабря 1791 года в Яссах был подписан мирный договор. Российское государство, укрепив свои позиции на юге, "твердою ногою встало на завоеванных им берегах Черного моря". За столь знаменитую победу контр-адмиралу Федору Ушакову пожалован был орден святого Александра Невского».

Из воспоминаний очевидца битвы при о. Корфу, греческого офицера Егора Метаксы: «Наши офицеры и матросы кинулись вслед за турками, и так как мусульманам за каждую голову выда-

валось по червонцу, то наши, видя все свои убеждения не действительными, начали собственными деньгами выкупать пленных». Ни слова, ни угрозы не могли утихомирить турок, тогда командир русских десантников составил каре из людей своего отряда, чтобы в середине его укрывать пленных, и таким образом была спасена жизнь многих. «Русские и здесь доказали, что истинная храбрость сопряжена всегда с человеколюбием, что победа венчается великодушием, а не жестокостью, и что звание воина и христианина должны быть неразлучны»;

Из письма неаполитанского министра Мишуру адмиралу Ушакову: «В промежуток 20 дней небольшой русский отряд возвратил моему государству две трети королевства. Это еще не все, войска заставили население обожать их... Вы могли бы их видеть осыпанными ласками и благословениями посреди тысяч жителей, которые называли их своими благодетелями и братьями... Конечно, не было другого примера подобного события: одни лишь русские войска могли совершить такое чудо. Какая храбрость! Какая дисциплина! Какие кроткие, любезные нравы! Здесь боготворят их, и память о русских останется в нашем отечестве на вечные времена»;

Из отчета адмирала Ф. Ф. Ушакова (1804): «Благодарение Богу, при всех означенных боях с неприятелем и во всю бытность онаго флота под моим начальством на море, сохранением Всевысочайшей Благодати ни одно судно из онаго не потеряно и пленными ни один человек из наших служителей неприятелю не достался»;

Из слова адмирала Ф. Ф. Ушакова, произнесенного в начале Отечественной войны 1812 года: «Не отчаивайтесь! Сии грозные бури обратятся к славе России. Вера, Любовь к Отечеству и Приверженность к Престолу восторжествуют. Мне немного остается жить; не страшусь смерти, желаю только увидеть новую славу любезного Отечества!»

6. Прочитайте отрывки из проповеди митрополита Калининградского и Смоленского Кирилла (с 2009 года — Патриарха Московского и всея Руси) при освящении храма в честь св. праведного Феодора-воина, адмирала Российского, на территории Балтийского военно-морского института им. Ф. Ф. Ушакова (Калининград, 29.06.2006). Выявите слова и словосочетания со значением

«воинское служение». Проследите соотношение концептов «воинское служение» и «сила духа» и рассмотрите особенности реализации этих концептов тексте.

Уважаемый Виктор Семенович, командующий Краснознаменным Балтийским флотом, господа офицеры, дорогие отцы, братья и сестры!

Я хотел бы сердечно приветствовать всех вас в связи с замечательным событием, которое произошло на этой Калининградской земле. Мы освятили храм воинской части, освятили в честь, в память святого праведного Феодора-воина, адмирала Ушакова.

Пример св. Феодора-воина, великого и победоносного адмирала российского, отвечает всем тем, у кого еще остаются сомнения в целесообразности или в возможности взаимодействия Церкви и Вооруженных сил во славу Отечества. Образ святого праведного воина Феодора, постигшего высоты своего воинского ремесла в такой степени, что за всю свою долгую службу на флоте, участвуя во многих и многих сражениях, не потерял ни одного сражения, свидетельствует о том, что помимо высокого ремесла, самоотверженности и силы духа, он имел еще и особенную мощь свыше.

Действительно, воинский ратный подвиг не сравним ни с каким другим видом человеческой деятельности. И вот почему: ни один другой вид человеческой деятельности не предполагает готовность и возможность смерти, жертвы самым главным, что есть у человека, — жизнью. Но когда воин принимает присягу, он тем самым берет на себя обязательство, если необходимо, пойти на любые жертвы, на ранения, увечья, на самую смерть во имя защиты своего Отечества, во имя защиты ближних своих.

И вот возникает вопрос: может ли эта готовность и способность отдать жизнь свою быть компенсирована материально или даже морально? Какая такая зарплата может быть эквивалентна человеческой жизни? Не существует такой зарплаты! Даже если зарплата военнослужащего будет во много раз превышать зарплату светских людей, ничто не сможет компенсировать верность присяге и отдачу своей жизни. А если ничто не может

компенсировать, то что должно помогать воину до конца совершить свой долг, если все материальные факторы, всякое человеческое поощрение ничтожны перед лицом этой жертвы? Только сила духа и сила убеждений!

Вот почему всегда в Вооруженных силах была Церковь. Всякая попытка уничтожить духовную мотивацию воинского долга, а в реальности — воинской службы — является безумием. И воины хорошо это понимают. Когда раздается команда: «В атаку!», когда нужно, преодолевая все человеческие инстинкты самосохранения, встать и идти навстречу смерти, что может поднять человека? Только сила духа! А если в армии нет этой силы духа, то армия не способна одерживать победу. В тот момент отступает в сторону всякая ложная, обманная человеческая логика. В тот момент воину нужна помощь Божия. Мы верим, что те положительные перемены, которые происходят сегодня в нашей стране, помогут Вооруженным силам России вновь обрести ту силу духа, которая так необходима для защиты нашего великого и славного Отечества.

Но есть еще что-то, что нужно иметь в виду, выстраивая отношения Церкви и Вооруженных сил. Вооруженные силы сегодня нуждаются в моральной поддержке. Служение «человека в погонах» снова должно стать почетным, уважаемым, престижным в глазах нашей молодежи и всего нашего общества. И мы, люди облеченные духовным авторитетом, должны делать все, что можем делать, для того, чтобы снова великое ратное воинское служение стало многоуважаемым для каждого россиянина.

Тема III.3. Концепт «милосердие»

1. Прочитайте определение слова *милосердие* в словаре В. Даля и проанализируйте его семантику:

Милосердие *ср.* -достъ *жс.* сердоболие, сочувствие, любовь на деле, готовность делать добро всякому; жалостливость, мягкосердость. Нет больше милосердия, как в сердце царевом. Мило-

сердый, в ком есть милосердие. Акулина Федосевна до чужих ребят милосерда. Тетушка Моесевна до всего села милосерда, а дома не евши сидят! -сердовать, -сердствовать о ком, соболезновать, сострадать, жалеть или желать помочь.

2. На основе приводимых пословиц опишите интерпретативное поле концепта «милосердие».

Не хвались серебром, хвались добром. Не строй церкви, пристрой сироту. Одной рукой собирай, другой раздавай. Лучше дать, нежели взять. Жизнь дана на добрые дела. Ум истиной просветляется, сердце любовью согревается.

3. Прочитайте отрывок из статьи «Ангел милосердия и любви» и проследите, каким образом концепт «милосердие» выражается в языке. Для этого укажите лексемы, раскрывающие этот концепт в тексте, и выявите их коннотацию¹; установите категорию, к которой относится концепт «милосердие»; проследите, с какими другими концептами и категориями он связан и назовите языковые средства, использованные для языкового выражения выявленных категорий и концептов.

Пришло время, и в нашу жизнь снова приходит служение добру, вдохновляемое чудными образами русских святых, среди которых так светло сияет лик величайшей подвижницы XX века — преподобномученицы Великой княгини Елисаветы.

Будущая Великая княгиня родилась 20 октября/3 ноября 1864 года в Дармштадте в семье Великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвиг и принцессы Алисы, дочери королевы Английской Виктории. Принцесса Алиса была умной, нежной матерью и супругой. Сама выросшая в простоте, она и детей приучала к тому же, желая видеть их людьми благородными в полном смысле этого слова: без чванства своим происхождением, скромными, неэгоистичными, всегда готовыми на помощь. Главным для принцессы было передать детям сознание долга, честь, правдолюбие, благоговение к Богу. С ранних лет прививалось детям трудолюбие. Такие домашние работы, как уборка комнат, разжигание камина, они всегда выполняли самостоятельно. Образова-

¹ Коннотация (connotation) — ассоциации, связанные со значением данной языковой единицы (Баранов, Добровольский, 2001, с. 78).

ние Великой княгини было широким и многосторонним. С особым интересом она изучала природу, очень любила музыку. Ее особые художественные таланты во многом неотделимы от врожденных интересов ко всему живому, от любви к творению Божию. Вершиной ее художественных трудов становятся впоследствии иконы.

Невосполнимые утраты, невыразимое горе очень рано коснулись сердца Эллы: ей было всего тринадцать, когда в 1878 году от дифтерита скончалась ее горячо любимая мать. Но Элла не замкнулась в кругу собственных переживаний. Необыкновенно чуткая, заботливая, отзывчивая, она стала для своей семьи как бы ангелом-хранителем, стараясь во всем облегчить скорбь родных. С особенной нежностью заботилась она о младшей сестре Аликс, будущей императрице Александре Феодоровне.

В 1884 году принцесса Элла приезжает в Россию, чтобы стать женой Великого князя Сергея Александровича, младшего сына царя Александра II. Великий князь К. К. Романов, увидев ее впервые, посвятил ей следующее стихотворение:

Я на тебя гляжу, люблюсь ежечасно:
Ты так невыразимо хороша!
О, верно, под такой наружностью прекрасной
Такая же прекрасная душа!
Какой-то кротости и грусти сокровенной
В твоих очах таится глубина;
Как ангел, ты тиха, чиста и совершенна;
Как женщина, стыдлива и нежна.
Пусть на земле ничто средь зол и скорби многой
Твою не запятнает чистоту.
И всякий, увидав тебя, прославит Бога,
Создавшего такую красоту!

Оказавшись в России, Великая княгиня могла бы окунуться в совершенно иную жизнь, наслаждаясь достатком и роскошью. Но по-прежнему главными ее качествами остаются простота и духовная сосредоточенность. И здесь, в России, дела милосердия составляют для нее большую внутреннюю потребность.

Скромно, застенчиво, как сон, как мечта проходила она пред людьми: высокий рост, светлые глубокие глаза, мягкие черты лица, гармоничные и чистые очертания фигуры... Она вся дышала изысканностью и аристократизмом в лучшем смысле этого слова. Внешняя красота Елисаветы Феодоровны, тонкая и одухотворенная, зримо свидетельствовала о возвышенном строе ее души.

Принцесса Элла, выйдя замуж, имела возможность остаться протестантского вероисповедания, но через семь лет супружества, 13 апреля 1891 года, она радостно и осознанно принимает Православие. Бывая вместе с мужем в православных храмах и монастырях, она видела образцы подлинного благочестия, беззаветной преданности Богу, строгого соподчинения жизни Христовым заповедям. *"Православие покорило ее своей красотой и богатством внутреннего содержания, которое она нередко противопоставляла духовной бедности опустошенного протестантизма"*, — писал митрополит Анастасий (Грибановский).

Роковой день 18 февраля 1905 года, когда бомбой террориста был убит горячо любимый супруг, Великий князь Сергей Александрович, определил дальнейший путь Елисаветы Феодоровны. 9 апреля 1910 года, в день своего посвящения в крестовые сестры любви и милосердия, она скажет: *«Я оставляю блестящий мир, где я занимала высокое положение, но вместе со всеми вами я восхожу в более великий мир — в мир бедных и страждущих»*.

Все свое состояние отдала Елизавета Федоровна на создание Марфо-Мариинской обители милосердия. Она приобрела в тихом районе Замоскворечья, на Большой Ордынке, целый квартал домов, где оборудовала больницу, аптеку, амбулаторию, сиротский приют, убежище для престарелых. Первый храм был устроен рядом с больницей во имя святых жен Марфы и Марии и освящен 9 сентября 1909 года, второй — во имя Покрова Богородицы — воздвигнут по проекту А. В. Щусева и расписан М. В. Нестеровым, освящен в апреле 1912 года. Под Покровским храмом несколько позднее была сооружена подземная церковь-усыпальница — с росписью молодого тогда художника П. Д. Корина.

Верная принципу «начинать с себя», Великая княгиня вела жизнь подвижницы. Она отказалась от всех земных благ. Все ее

дни проходили в больнице, где она выхаживала самых тяжелых больных, посещала лечебницы и ночлежки, спасая бездомных и бесприютных детей. Вместе с ней трудились сестры Марфо-Мариинской обители. Вот цифры — пусть они о себе скажут: за один только 1913 год было проведено 10814 амбулаторных приемов, выдано 139443 бесплатных обеда, роздана одежда для 1800 детей, бесплатно предоставлялись лекарства... Невозможно перечислить в коротких строках все то, что было совершено Великой княгиней на поприще служения добру и любви. Очень многих согрела она своим душевным теплом. *"Какая-то светлость от нее исходила, — вспоминала одна из насельниц Марфо-Мариинской обители. — Чувствовалось, что она человек другой земли, другого мира, она дышала иным миром, жила неземным. ...Рядом побудешь, отойдешь — как будто с неба слетишь, и опять на землю попал"*.

Умалая свои достоинства, Великая княгиня Елисавета высоко ценила и умела видеть добродетели окружающих ее людей. Кротость и смирение — характерные черты ее образа святости. Она могла отправиться выполнять ту работу, от которой отказывались ее сестры. Не строгостью, а примером богоугодной жизниставляла она подопечных.

19 июля 1914 года, в день памяти преподобного Серафима Саровского, начинается Первая мировая война. Незадолго до этого Великая княгиня Елисавета писала Государю Николаю II: *"Я всеми своими фибрами русская. Может статься, я более русская, чем многие из русских, потому что не могу чувствовать себя космополиткой"*.

2 марта 1917 года Государь Николай Александрович добровольно отрекся от престола, стараясь предотвратить гражданскую войну и себя самого принося в жертву ради блага Родины. Начались страшные годы испытаний.

Во вторник 24 апреля 1918 года, на третий день Пасхи, когда Церковь отмечает праздник иконы Иверской Божией Матери, Елизавета Федоровна была арестована по предписанию большевистских властей. Она не обманывалась относительно своей участи: *"Если меня убьют, — говорила она игумену Серафиму, начальнику Свято-Алексеевского скита на Урале, — похороните"*

меня». Впоследствии игумен Серафим это не только выполнил, но сам до конца дней своих неотлучно находился при мощах Великой княгини, оставаясь священником храма Марии Магдалины православной русской обители в Гефсимании на Святой земле.

5 июля (ст. ст.) 1918 года, в день памяти преподобного Сергия, игумена Радонежского, Великая княгиня Елисавета Феодоровна вместе с верной ее келейницей инокиней Варварой шагнула в темноту 20-метрового колодца заброшенной алапаевской шахты... *"Господи, прости им: не ведают бо что творят"*, — молилась Елисавета Феодоровна за своих палачей...

...Дух святой подвижницы Елизаветы незримо присутствует в возрождающихся ныне стенах Покровского храма, в продолжившейся жизни обители. Жив и сад обители, и каждую весну земля покрывается фиалками — любимыми цветами Елизаветы Федоровны, которые написаны и на фреске Нестерова, изображающей беседу Христа с Марией и Марфой.

Как светлый луч добра и милосердия прошла по русской земле Великая княгиня Елисавета, являя собой идеал русской женской святости¹.

¹ В 1981 году Великая княгиня Елисавета Феодоровна была канонизирована Русской Православной Церковью. В 2004 году мощи преподобномученицы Великой княгини Елисаветы прибыли в Россию, где с 25 июля 2004 по февраль 2005 года им поклонились более шести миллионов человек. Святые мощи встречали архиереи, губернаторы областей и краев, мэры городов, военные и множество верующих. В канун Рождества Христова, 4 января 2005 года, мощи святых преподобномучениц Великой княгини Елисаветы Федоровны и ее верной келейницы инокини Варвары были доставлены в Калининград. С 4 по 9 января им поклонилось около ста тысяч калининградцев и жителей области. Память о Великой княгине Елисавете жива также в Германии и в Англии. Подтверждение тому — состоявшаяся 9 июля 1998 г. в Вестминстерском аббатстве Лондона церемония освящения 10 статуй мучеников XX века. Среди 10 скульптур — изображение мученицы Елизаветы Феодоровны. В церемонии освящения приняли участие королева Великобритании Елизавета II и принц Эдинбургский Филипп (внучатый племянник Великой княгини Елисаветы).

4. Прочитайте отрывок из I Послания коринфянам св. апостола Павла в переводе на русский и английский языки. Проследите, каким образом различия в переводе ключевого слова отражают национальные особенности концепта «милосердие» в англоязычной картине мира.

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. ...А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше (I Кор 13, 1—8, 13).

Though I speak with the tongues of men and angels, and have not charity, I am become as sounding brass, or a tinkling cymbal. And though I have the gift of prophecy, and understand all mysteries, and all knowledge; and though I have all faith, so that I could remove mountains, and have not charity, I am nothing. And though I bestow all my goods to feed the poor, and though I give my body to be burned, and have not charity, it profiteth me nothing. Charity suffers long, and is kind; charity envieth not; charity vaunteth not itself, is not puffed up, Doth not behave itself unseemly, seeketh not her own, is not easily provoked, thinketh no evil; Rejoices not in iniquity, but rejoices in the truth; Beareth all things, believeth all things, hopeth all things, endureth all things. Charity never faileth: but whether there be prophecies, they shall fail; whether there be tongues, they shall cease; whether there be knowledge, it will vanish away... And now abideth faith, hope, charity, these three; but the greatest of these is charity (I Cor. 13, 1—8, 13).

Тема III.4. Концепт «семья»

1. На основе дефиниции (определения) лексемы *семейство* в словаре В. Даля проанализируйте семантику этого ключевого слова концепта «семья»: выявите основные значения (семемы) этого слова, затем определите основные и периферийные семантические компоненты каждой семемы, т. е. отдельные семы.

Семейство *ср.* семья *жс.* вообще: совокупность близких родственников, живущих вместе; в *тесн. знач.* родители с детьми; женатый сын или замужняя дочь, отдельно живущие, составляют уже иную семью. Семейей и горох молотить. Семейный, к семье относящийся. Семейный человек, у кого своя семья. Семейные казаки, донцы, давно переселенные семьями на Кавказ. Семейное согласие всего дороже. Семейный горшок всегда кипит. В семье и каша гуще. Семейно, всей семьей; в кругу своей семьи; людно, многолюдно. Семейно ли было на вечеринке? вят. Семейственные связи, семейные, родственные. Семьянин, семейный человек; член семьи; у кого своя семья, человек с женою и с детьми, *арх.* семьяк; *противопол.* холостой, одинокий. Без друга, сирота: с другом, семьянин. Семейник *новг.* односемьянин, член своей семьи. Семейщина *жс.* совокупность всего семейного быта. Семьянистый, семьястый, у кого большая семья. Семьиться *арх.* обзаводиться семьей или жениться и водить *детей*.

2. На основе пословиц установите интерпретативное поле концепта «семья».

Лучше на убогой жениться, чем с богатой браниться. Бери, чтобы не каяться, жить в любви, да не маяться. Шей шубу теплее, а жену выбирай добрее. Женился на скорую руку, да на долгую муку. Не хвали жену телом, а хвали делом. Муж без жены — что гусь без воды. Кто детям потакает, тот потом слезу проливает. Кто родителей почитает, тот вовеки не погибает. На что и клад, когда в семье лад. Вся семья вместе, так и душа на месте.

3. Прочитайте фрагменты исследования Л. Г. Дорофеевой произведения А. С. Пушкина «Капитанская дочка»¹. Проследите, какие христианские заповеди являются структурообразующими в формировании традиционного русского концепта «семья» и какие добродетели занимают центральное место в аксиологической (ценностной) картине мира русского человека.

В первом же объяснении с Гриневым, сразу же предложившим ей руку и сердце, она, *«безо всякого жеманства»* признавшись ему *«в сердечной склонности»* и зная, что ее родители *«конечно, будут рады ее счастью»*, тут же задает вопрос о том, не будет ли препятствий со стороны родителей Гринева. Маша сразу же соотносит свои желания с обстоятельствами, в которых ищет волю Божию, и мотив благословения становится доминирующим в развитии ее образа.

<...>

В центральном монологе Маши, связанном с реакцией на письмо отца Гринева, запретившего сыну даже думать о женитьбе, прямо выражена ее жизненная позиция, иерархия ценностей, мотивация поступков, т. е. способ жизни: *«Видно, мне не судьба... Родные ваши не хотят меня в свою семью. Будь во всем воля Господня! Бог лучше нашего знает, что нам надобно. Делать нечего, Петр Андреич; будьте хоть вы счастливы...»* И в ответ на горячее предложение Гринева жениться без благословения, с тем, чтобы уже потом умолить отца о прощении (сюжет, проверенный Пушкиным в «Метели»), Маша еще раз точно и убежденно проговаривает свою позицию, которая имеет очевидное духовное основание: *«Нет, Петр Андреич (...) я не выйду за тебя без благословения твоих родителей. Без их благословения не будет тебе счастья. Покоримся воле Божией. Коли найдешь себе суженную, коли полюбишь другую — Бог с тобою...»*

<...>

Как мы видим, прямо объясняется связь благословения с волей Божией и с идеей счастья. Здесь очевидна опора на 5-ю биб-

¹ *Дорофеева Л. Г.* Идея воли в «Капитанской дочке» и Священное предание // *Дорофеева Л. Г., Жилина Н. П., Павляк О. Н.* Творчество А. С. Пушкина: христианский аспект прочтения : монография. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005.

лейскую заповедь о почитании родителей, в которой звучат слова об особом благе для человека, живущего по ней: «*Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет и да долголетен будешь на земли*» [Исх. 20, 12]. Но принимает героиня волю высшую не только для достижения личного счастья, а как абсолютную истину, которую следует утверждать своей жизнью в любых ее поворотах. Истина для нее выше счастья человеческого. И хотя формально возможно было осуществить желаемое и обвенчаться с Гриневым без благословения, она этого не может сделать...

<...>

В условиях же, когда обстоятельства, казалось бы, были сильнее ее и выбор шел между замужеством со Швабриным и смертью, Маша проявляет силу своей воли, не подчиняясь насилью и в надежде на помощь. В соответствии с уже ранее обозначенным действием *случая*, который в художественном мире «Капитанской дочки» являет собой Провидение, Гриневу удается совершить спасение Маши. Как, впрочем, позже это удастся и Маше в отношении к арестованному и осужденному на каторгу Гриневу. Кстати, в таком поведении Маши мы видим тоже образец того, насколько смирение выражает себя не в формах бездействия и безволия, а в активной деятельности, направленной на строительство своей судьбы, настойчивое и последовательное — но в рамках христианских заповедей. (На вопрос матушки Гринева, зачем ехать Маше в Петербург, «*Марья Ивановна отвечала, что вся будущая судьба ее зависит от этого путешествия*»).

<...>

Смирение в христианском его смысле — перед *высшей волей*, но не перед какой-либо другой — составляет главное, стержневое свойство характера Маши и обеспечивает цельность ее личности, равновесие всех ее сторон. Машу характеризует «*благоразумие*», т. е. ее разум направлен ко благу. К тому же, по словам Гринева, она «*в высшей степени одарена скромностью и осторожностью*». При этом Маша чрезвычайно сердечна, ей свойственна чувствительность, которую также отмечает Гринева, но порывы ее сердца никогда не переходят за рамки смирения и не превращаются в страстные движения души, которые могли бы подчинить себе ее волю.

4. Прочитайте фрагменты письма философа о. Павла Флоренского¹ к дочери и укажите, как концепт «семья» соотносится с концептом «дружба».

Товарищи — дело временное, а близкие навсегда. Надо стараться уметь брать то, что есть около тебя и не прельщаться нарядным взамен существенного, ибо чужие люди неизбежно наряднее своих, они — в гостях, а в гости же всегда наряжаются. Праздник есть праздник, против него нельзя возражать, но вредно и ложно искать постоянного праздника и подменять им будни. Забывая о буднях или не желая знать их, человек остается несатытым и неудовлетворенным. Ошибка многих! Только в тиши мирной будничной работы можно найти себя самого и свое удовлетворение (Майданов, 2007, с. 30).

5. Прочитайте фрагменты выступления Патриарха Московского и всея Руси Алексия II (Ридигером, 1929—2008) и выявите особенности современного концепта «семья». Для этого найдите лексемы, относящиеся к семантическому полю «семья» (напр. *семья, дети, брак* и т. д.); выделите слова, раскрывающие сущность концепта в тексте (прилагательные, существительные, наречия, глаголы и т. д.), и определите их коннотацию; выявите категории и концепты, с которыми связан концепт «семья».

...Сегодня хотелось бы вновь вернуться к этой очень тревожной, болезненной проблеме — теме кризиса брака и семьи и связанных с этим тяжелых нравственных, общественных, демографических последствий. Эта проблема затрагивает сегодня почти весь цивилизованный мир.

Правительства европейских стран выделяют немалые средства на поддержку рождаемости, но результаты незначительны. Материальное благополучие мало влияет на желание иметь детей. На Западе молодежь учится, путешествует, развлекается, а

¹ Философ о. Сергей Булгаков об отце Павле Флоренском: «Жизнь ему как бы предлагала выбор между Соловками и Парижем, но он избрал Родину, хотя то были Соловки, он восхотел до конца разделить судьбу со своим народом. И сам он, и судьба его есть слава и величие России, хотя вместе с тем и величайшее ее преступление».

семью создает в лучшем случае в возрасте 30 лет. После этого люди посвящают все свое время обустройству комфортного жилья, карьере, наслаждению достатком. Детей же рассматривают как помеху комфорту и думают о них в последнюю очередь. Даже «гражданский брак» на Западе отходит в прошлое. Люди предпочитают жить и вести хозяйство отдельно. В Швеции средний возраст невесты, впервые вступающей в брак, превысил 30 лет, в большинстве стран Европы достиг 27—28 лет.

Похожие тенденции есть и в России. По результатам исследований, доля людей, состоящих в браке, по отношению ко всему населению сейчас низка как никогда, а доля разведенных увеличилась.

Из трех зарегистрированных браков в России распадается два, причем уже в первые годы совместной жизни. Россия занимает первое место в мире по количеству загубленных жизнью невинно убиенных младенцев — первое место по абортам! У нас семьсот тысяч сирот, детей, не знающих родительской заботы и материнской ласки. У нас сотни тысяч детей в буквальном смысле выброшены на улицу, в холод, грязь и нищету...

Мы не имеем права закрывать глаза и не реагировать, потому что эти явления приобрели катастрофические масштабы.

В последние годы государство в лице Президента и Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, региональных и местных властей обратило внимание на эту проблему и делает многое для исправления ситуации. Но необходимо время, чтобы эти государственные инициативы и программы заработали в полную силу и привели к ожидаемым результатам.

К тому же государство не всемогуще, оно не может справиться с тем, что ему не подвластно, что не входит в его функции и превышает его возможности. Ведь кризис брака и семьи — это, прежде всего, кризис духовно-нравственный, который и преодолеть нужно духовно-нравственными воспитательными средствами. Прежде всего, мы должны осознать свою долю вины и ответственности за сложившуюся ситуацию, ведь распадаются браки, и страдают дети не только в религиозно индифферентных семьях, но и среди верующих людей. И самое главное: следуя голосу своей христианской совести и пастырской ответственности,

мы должны взять на себя труд воспитания, заботы и попечения о семьях наших прихожан, о том, чтобы в их семьях была атмосфера дружбы, единства, взаимопонимания, сострадания и бескорыстной, жертвенной, чистой любви.

Брак и основанная на нем семья есть первый естественный и вместе с тем установленный и благословенный Богом союз между мужчиной и женщиной в их свободном совместном избрании и взаимной любви. Брак, с одной стороны, есть таинство нахождения общего счастья в жертвенной любви между супругами. С другой стороны, брак есть договор, при котором возникают взаимные моральные и юридические права и обязанности каждой из договаривающихся сторон. На расширении и умножении брачного союза основываются такие общественные реалии, как род, общество, Родина и государство, которые без семьи становятся невозможными. В идеале брак должен носить нерасторжимый, «вечный» характер (*что Бог сочетал, того человек да не разлучает* — Мф. 19, 6). История знает немало таких целомудренных браков, которые имели своим первообразом безграничную Божественную любовь Бога Сына к «невесте» — Церкви.

...Стоит ли удивляться, что вся современная пропаганда направлена на подрыв семьи, ее устоев, разрыв связи поколений, растрясение подрастающего поколения. Сама по себе эта проблема не нова. Она является следствием общего процесса секуляризации, нарастания бездуховности.

По данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат), на 1 января 2006 года население Российской Федерации насчитывало 142,7 млн человек, т. е. за 2005 год россиян стало на 736 тысяч меньше. Всего же за последние одиннадцать лет убыль населения нашей страны составила 5,8 млн человек, или 3,9 процента. Но не менее значима и другая статистика, согласно которой вне брака рождаются около 30 процентов детей.

Принципиально важно, в какой среде зарождается новая жизнь, в соответствии с какими ценностями живут родители и дети. В связи с этим можно говорить о том, что демографический кризис современной России — это показатель общего кризиса семьи.

...С телевизионного экрана и со страниц прессы современной молодежи постоянно навязывается мысль о том, что виновного в несложившейся семейной жизни надо искать в другом человеке, а не в себе. Соответственно с этим указывается и путь, или способ, решения всех семейных проблем: порвать прежние отношения, разрушить существующую семью, искать счастья с другим, третьим и т. д. человеком, и так до тех пор, пока все само собой не сложится. Причем опыт предыдущих поколений привлекается в качестве негативного примера, подтверждающего «правильность» упомянутого способа решения семейных проблем: наши родители терпели и ничего из этого хорошего не вышло, лишь потеряли время и прожили жизнь несчастливо.

Другая тенденция, возникшая в последние несколько десятилетий, — возрастание приоритета положения человека в обществе по сравнению с его семьей. Молодые люди стремятся получить образование, сделать карьеру и только потом намереваются создавать семьи.

Казалось бы, в стремлении достичь определенного положения в обществе, прежде всего материального, и лишь потом рожать детей, имея реальную возможность обеспечить семью всем необходимым, нет ничего плохого. Но как быть, если карьера не складывается, если здоровье подорвано в непрестанной гонке за материальным благополучием, если годы бесцельно потеряны, а претендентки или претенденты на руку и сердце смотрят только на кошельки? Как подняться на достаточно высокую ступень материального благополучия и не пасть духовно-нравственно?

Соответственно, ни о какой семье в православном понимании в вышеупомянутом случае речь не идет.

Православная Церковь видит в Таинстве брака духовную тайну, которая становится доступной сознанию супругов как тайна единения Господа Иисуса Христа с Церковью. Поэтому христианский брачный союз заключается только в Церкви и только в Церкви становится Таинством благодати. Благодаря этому семья становится домашней церковью (Кол. 4, 15).

Соединенные брачным союзом супруги имеют единую плоть и единую душу; взаимной любовью они побуждают друг в друге усердие к исполнению заповедей Божиих. «Супружество, — пи-

шет святитель Григорий Богослов, — более привязывает к Богу, потому что имеет больше побуждений обращаться к Нему... Кто обязан заботиться о милой супруге и детях, тот рассекает более обширное море жизни, ему нужна большая помощь Божия, и он сам взаимно более любит Бога» (Творения. М., 1847. Ч. 5. С. 60).

К великому сожалению, еще одной проблемой современной семьи является отношение к детям. В этом вопросе, на наш взгляд, несколько аспектов, на которые следует обратить особое внимание.

Вопрос, иметь ребенка или не иметь, а также когда его рожать, для православного верующего человека не должен стоять. Для православного человека чадородие — это не только средство к спасению, не только продолжение рода, а благословение Божие, видимый знак присутствия благодати в семье и дар жизни, который подается человеку еще здесь, на земле. Соответственно, пренебрежение рождением детей — это пренебрежение тем даром жизни, который человек имеет, живя на земле.

Особую озабоченность вызывает разрыв, происходящий между родителями и детьми. Во-первых, этот разрыв лишает нас связи с предыдущими поколениями, во-вторых, теряется опыт построения семьи. Пятая заповедь Десятословия ясно указывает на зависимость нашей жизни от отношения к родителям... Нет ничего странного в том, что дети, забывшие о своих обязанностях по отношению к родителям, несчастны.

Нужно говорить о взаимных обязанностях детей и родителей в проповеди, указывая конкретные пути к решению данной проблемы. Самостоятельность детей должна проявляться не в уходе от родителей, не в разрыве всяческих отношений с ними. Социальная зрелость, самостоятельность должны выражаться в заботе о других.

В современном светском обществе родители «мешают» молодой семье — мешают своими советами, попыткой реализовать в жизни детей то, что не смогли осуществить в своей собственной жизни, наконец, мешают самим своим существованием, если живут с детьми под одной крышей. Но в православной семье все должно быть разумно, все должно строиться в духе христианской любви, взаимопонимания и уважения. При этом от взрослого ве-

рующего не требуется во всем быть согласным с родителями, единомышленным с ними. Он сам определяет приоритеты своей жизни. Но целожизненная обязанность детей — почтение к родителям и забота о них.

В свою очередь, родителям надо помочь понять, что их дети выросли, что следует уже только советовать им, а не принуждать их. Не случайно, апостол Павел, напомнив заповедь о почитании родителей, пишет, обращаясь уже к родителям: *И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем* (Еф. 6, 4).

Каждому, кто обращается к священнику, следует прежде всего вернуться в нормальное русло жизни, которое соответствовало бы если не христианским, то хотя бы обычным человеческим нормам жизни, нравственному закону. Прекратить то, что сейчас называется «гражданским браком», а, по сути, является незаконным сожительством, или заключить с сожителем брак фактический. Если человек ушел из семьи, то вернуться, а если это невозможно, то, по крайней мере, примириться с семьей и исполнять долг по отношению к ней. Покаяние требует исправления совершенного проступка.

Долг семьи — готовить молодое поколение к семейной жизни. Русский религиозный философ Иван Ильин писал о семье так: «Здесь (в семье) пробуждаются и начинают разворачиваться дремлющие силы личной души; здесь ребенок научается любить (кого и как?), верить (во что?) и жертвовать (чему и чем?); здесь слагаются первые основы его характера; здесь открываются в душе ребенка главные источники его будущего счастья или несчастья; здесь ребенок становится маленьким человеком, из которого впоследствии разовьется великая личность или, может быть, низкий проходимец...»

Сегодня часто понятие духовно-нравственного воспитания подменяется понятием образования. В основном все родители хотят дать ребенку образование, то есть систему общих или профессиональных знаний, необходимых для будущей деятельности.

Образование, наука сами по себе нейтральны, они могут быть использованы и во благо, и во зло. Для правильного применения знаний необходимы нравственные критерии, которые прививаются

личным добрым примером и воспитанием. Ибо дети, вырастая, создавая потом свои семьи, копируют поведение своих родителей.

Душа ребенка нуждается не только в благополучии, удобствах и развлечениях. Она изначально ждет и ищет справедливости, добра, чистой любви. Когда в семье нет единства, искренности, взаимной поддержки и любви, когда отношения между родителями натянутые, фальшивые, эгоистические, это не ускользает от чуткого сердца ребенка.

Семья и общество подобны живому организму. Если в ослабленный организм попала инфекция, то одна больная клетка заражает другую и заболевает все тело. Нечто подобное, к сожалению, происходит с нашими семьями, с нашим обществом. Кризис, принимающий массовый характер, грозит распадом, крушением всему народу и государству.

Современные люди отвыкли делать что-то вместе. Даже за стол члены одной семьи садятся в разное время. Традиции семейных праздников, застолий, совместного проведения досуга, культура взаимоотношений между людьми разных поколений — все это утрачено, и все это теперь приходится создавать заново.

Если суммировать все вышеизложенное, то можно сказать, что мы обязаны всеми доступными нам добрыми и правильными средствами подавать людям пример, учить их и помогать им строить брак и семью на крепких духовно-нравственных началах. В этом залог будущего нашего государства и нашей Церкви.

6. На основе определения лексемы *family* проанализируйте семантику этого ключевого слова англо-американского концепта «семья»: выявите основные значения (семемы) этого слова.

Family — a social group of people consisting of a parent, or parents, and their children, or your husband/wife and children, or your parents, brothers and sisters and sometimes grandparents, uncles, aunts, etc. *A new family has/have moved in next door. Bill only sees his family at weekends, so he isn't close to his children. I come from a large family: I have three brothers and a sister.* In Britain, *family allowance* is the old name for child benefit. Your *family circle* are your close relatives. A *family doctor* is a gp. A *family man* is a man who has a wife and children, or who enjoys spending a lot of time with them. Your *family name* is your surname. A *family tree* is a drawing

that shows the relationships between the different members of a family, especially over a long period of time. *Nuclear family* is a family consisting of two parents and their children, but not including aunts, uncles, grandparents etc. An *extended family* is a family unit which includes grandmothers, grandfathers, aunts and uncles, etc. in addition to parents and children.

7. Прочитайте следующие высказывания и выявите особенности организации гештальта «семья» в англо-американской картине мира.

"A child is a beam of sunlight from the Infinite and Eternal, with possibilities of virtue and vice — but as yet unstained" (Abbot Lyman); "The home is the rock foundation, the cornerstone of civilization. The church, the school, and even the nation stand helpless before a weak and degraded home. No nation will rise above its homes" (Benson Ezra); "A happy family is but an earlier heaven" (Bowring John); "The happiest moments of my life have been the few which I have passed at home in the bosom of my family" (Jefferson Thomas); "The noblest concept that can enter the heart of man is the concept that the family unit continues in eternity, and that salvation is a family affair" (McConkie Bruce R.); "It is impossible to win the great prizes of life without running risks, and the greatest of all prizes are those connected with the home" (Roosevelt Theodore).

Тема III.5. Категория «вера»

Исследование нравственных универсалий, внутреннего мира человека представляет особую сложность, особенно если это касается такого феномена человеческого духа, как вера. Категория веры является структурообразующим ядром картины мира. Она распространяет свою семантику на всю человеческую личность и лингвокультуру, конституируя основы государства. Вера связана непосредственно со способностью человека верить. Таково свойство души человеческой. В христианском понимании категория веры несет семантику связи человека с Богом и переживания этой связи, основанной на уникальном опыте, имеющем для испытывающего его человека

исключительную очевидность и достоверность. Семантика этой категории во многом зиждется на многозначной лингвокультурной оппозиции «земное — небесное». Н. Д. Арутюнова пишет: «Вера выбирает подлинный мир и противопоставляет его мнимому. Оппозиция подлинного и мнимого — итог двоения мира и орудие двоения понятий, спасающее его деградации» (Казнина, 2004, с. 47—49).

1. На основе дефиниции (определения) лексемы вера в словаре В. Даля проанализируйте семантику этого ключевого слова категории «вера»: выявите основные значения, определите отдельные семы. Опираясь на высказывания о вере и пословицы, приводимые в словарной статье, выявите прототипические характеристики категории.

Вера *ж.* уверенность, убеждение, твердое сознание, понятие о чем-либо, особенно о предметах высших, невещественных, духовных; верование; отсутствие всякого сомнения или колебания о бытии и существовании Бога; безусловное признание истин, открытых Богом; совокупность учения, принятого народом, вероисповедание, исповедание, закон (Божий, церковный, духовный), религия, церковь, духовное братство. Уверенность, твердая надежда, упование, ожидание; *стар.* клятва, присяга. Слепая вера противна рассудку. Вера по убеждению, слияние разума с волей. «Вера, это та способность разума, которая воспринимает действительные (реальные) данные, передаваемые ею на разбор и сознание рассудка» Хомяков. Вера в бессмертие души. Вера наша тверда и права, вера христианская. Вера твоя в меня не обманет тебя, надейся, т. е. я тебя не обману. Он у меня вышел из веры, я изверился, я ему не верю, знаю, что он обманывает. Отдать кому что на веру, отдать на совесть, на присягу. Здесь такая вера, у них такая вера, *сиб.* обычай, заведение, правило. С верой нигде не пропадешь. Вера спасает. Вера и гору с места сдвинет. Без дел, вера мертва (нема) перед Богом. Веру к делу применяй, а дело к вере. Без веры Господь не избавит, без правды не спасет (не исправит). У них вера крепка, *говор.* о народе: нравственность хороша. Веровать или верить во что, кому или чему; иметь веру, дать веру, поверить; принимать за истину, не сомневаться, быть уверену; иметь к кому или к чему уверенность, доверять, давать на веру,

на совесть. Не верь выезду, верь приезду. Счастью не верь, а беды не пугайся. Кто легко верит, легко и погибает. Не всякому слуху верь, не всякую правду сказывай. Кому как верят, так и мерят. Молодой старому не верит (и наоборот). Верую *сущ.* несклон. Символ Веры. Верованье *ср.* действие верующего; вера, в *знач.* убеждения, духовного действия. Верный, исповедующий истинную веру; вполне преданный вере своей, верующий безусловно; сполна кому или чему преданный, неизменный, надежный, на кого можно положиться; не ложный, правдивый, точный, истинный, подлинный, достоверный. Верно *нареч.* достоверно, истинно, правдиво, точно, несомненно, неложно. От верного человека верные вести. Верен раб, и господин ему рад. Верно служу, ни о чем не тужу. Служи верно: награжу примерно. Верность *ж.* свойство верного: полная преданность, правдивость, твердость в слове, стойкость в деле; надежность, точность, исправность, достоверность, правдивость. истина. Открыть тайну, погубить верность. Верноподданный, гражданин, прирожденный житель, в отношении к государю; подданный, обязанный верностью, присягнувший на верноподданство государю. Верноподданныческий, свойственный приличный подданному, гражданину, сыну отечества. Вероисповеданье *ср.* исповеданье, вера, признаваемая каким-либо народом, религия; образ богочитания по учению и по обрядам внешним. Вера христианская, мусульманская, языческая; вероисповеданье православное, католическое и пр. Веротерпимость *ж.* свобода иноверцам исповедовать веру свою. Веротерпимое государство, не стесняющее иноверцев в отправлении обрядов.

2. Прочитайте отрывок из интервью с о. Александром (Пермяковым), священником храма св. апостола Андрея Первозванного (г. Калининград). Выявите, в каких из выделенных вами значениях (на основе словарной статьи В. Даля) употребляется слово *вера*.

Вера — это чувство, совершенно естественное для любого человека. Я никогда не встречал ни во что неверующих людей. Можно только гипотетически предположить, что это человек, который основывает свои поступки на том, что он уже точно знает, увидел и проверил. Это человек, который все ставит под сомне-

ние и всего боится. Вера позволяет человеку не бояться, вера есть сила, которая помогает человеку преодолевать жизненные трудности, сохраняя свое человеческое достоинство. Очень хорошее определение веры дает апостол Павел: «Вера есть уверенность в невидимом и осуществление ожидаемого». Откуда берется такая уверенность? Наука не может ответить на этот вопрос. Но известно, что эта уверенность у человека существует от рождения: ребенок не может проверить сам многих жизненных фактов, но принимает на веру все, что говорят ему родители. Именно благодаря этой вере ребенок адаптируется к жизни.

Христианство — это особая парадигма мышления. С точки зрения Православия верующий человек имеет максимально возможные идеалы чистоты, верности, преданности. Преданности Богу не только в словах, поступках, но даже в мыслях. Вера в Православии — это не только признание доктринальных идей, которые имеют интерес для богословов (хотя я не отвергаю необходимости знания этих идей), но повиновение Богу. Повиновение Богу напрямую связано с изменением образа жизни — с покаянием. Чем сильнее вера, тем сильнее повиновение Богу; чем слабее повиновение Богу, тем слабее вера. Повиновение проявляется в исполнении конкретных Божиих заповедей, при этом только сам человек делает свободный выбор: потрудиться ему сейчас для вечной жизни или жить как придется, плыть по течению. За пределами религиозной жизни нечем восхищаться — в современном обществе потребления нет места идеалу. А молодому человеку нужно восхищаться. Молодой человек ищет подвига, и вера предлагает ему этот подвиг. Вера дает возможность максимально счастливого творческого порыва.

3. Ознакомьтесь с «Символом веры»¹, содержащим основы Православного вероисповедания.

1. Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. 2. И во единого Господа

¹Символ веры был составлен отцами Церкви на Первом, Никейском (325 г.), и Втором, Константинопольском (381 г.), Вселенских соборах. С того времени в неизменном виде исповедуется только в Православии.

Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век, Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рождена, несотворенна, единосущна Отцу, имже вся быша. 3. Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшего с Небес, и воплотившегося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася. 4. Распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша и погребенна. 5. И воскресшего в третий день по Писанием. 6. И восшедшего на Небеса, и сядяща одесную Отца. 7. И паки грядущего со славою судити живым и мертвым, Его же Царствию не будет конца. 8. И в Духа Святаго, Господа, животворящего, Иже от Отца исходящего, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшего пророки. 9. Во едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь. 10. Исповедую едино крещение во оставление грехов. 11. Чаю воскресения мертвых. 12. И жизни будущего века. Аминь.

4. Прочитайте фрагмент «Очерка мистического богословия Восточной Церкви» В. Н. Лосского¹. Выявите соотношение категорий «вера» и «человек».

Греческие отцы говорят о человеческой природе, то как о троичном составе духа, души и тела, то как о соединении души и тела... Личность, или человеческая ипостась, объемлет все части этого естественного состава, выражается во всем человеке, который существует в ней и через нее... «Душа бо человеческая, — говорит святой Тихон Задонский (XVIII в.), — яко дух от Бога созданный, ни в чем ином удовольствия, покоя, мира, утешения и отрады сыскать не может, как только в Бозе, от Которого по образу Его и подобию создана; а когда от Него отлучится, принуждена искать себе удовольствия в созданиях, и страстями различными... себя питать, но надлежащего успокоения и отрады не обретает, и так от гладу следует умереть, духу бо духовная пища потребна есть». Дух должен был находить себе пищу в Боге, жить Богом; душа должна была питаться духом; тело должно было жить душою, — таково было первоначальное устройство бессмертной природы человека. Отвратившись от Бога, дух вместо

¹ Владимир Николаевич Лосский (1903—1958) — выдающийся русский мыслитель, богослов.

того, чтобы давать пищу душе, начинает жить за счет души, питаясь ее сущностью (тем, что мы обычно называем «духовными ценностями»); душа, в свою очередь, начинает жить жизнью тела, это — происхождение страстей; и, наконец, тело, вынужденное искать себе пищу вовне, в бездушной материи, находит в итоге смерть. Человеческий состав распадается.

5. Прочитайте фрагменты статьи С.В. Рыбакова «Культурно-исторические параметры русского православия»¹. Выделите определения лексем семантического поля «вера» и установите их коннотацию. Выявите прототипические характеристики категории «вера» и укажите, какие языковые средства используются для их выражения в тексте. Проследите соотношение категории «вера» с категориями «культура» и «наука».

Развитие русской культуры в течение веков было связано с православием... Знание основ православного миропонимания является своего рода ключом к пониманию логики исторических процессов на Руси. В исконном значении понятие «православие» и означало в первую очередь неприятие лжи и фальши, являлось «учением об истине». По православным представлениям, истину следует защищать, за нее нужно бороться. Правдолюбие — отличительная черта русского православия. Слова Александра Невского «Не в силе Бог, а в правде» для русских всегда были значимой мировоззренческой формулой.

Как отмечал богослов «парижской школы» русской эмиграции П.Н. Евдокимов, главной чертой православия является «непобедимый оптимизм, противостоящий гностическому фатализму».

Перед князем Владимиром, крестившим Русь, христианство предстало сочетанием мудрости с милосердием. Русское православие было адаптировано к многообразию форм общественной и народной жизни.

Православие отвергало бескультурие и невежество. В нем особое место отводилось постижению всего, что олицетворяет жизнь, придает ей жизненность и устойчивость. Философ А. Ф. Ло-

¹ Рыбаков С. В. Культурно-исторические параметры русского Православия // Русский вопрос: история и современность : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Омск : Наука, 2007. С. 111—114.

сев писал: «Необходимо категорически утверждать, что учение о вере без знания не имеет никакого отношения ни к классическому христианству, ни к Средним векам. Надо бороться против векового обмана и клеветы, возводимой на христианство либеральными мыслителями. Слепление новой рационалистической верой не видит, что и священные книги, и богословские труды отцов Церкви полны учений о свете, об уме и разуме, о просвещении, о слове, об идее».

Православие, в отличие от католицизма, практиковало литургию на родных языках. В нем закрепились просветительская традиция, заложенная создателями славянской письменности Кириллом и Мефодием. Для болгар, сербов, русичей приятие православия в кирилло-мефодиевской редакции означало приобщение к тогдашней книжной культуре. Их христианизация сопровождалась переводом на славянский язык сочинений по философии, богословию, логике, истории, географии, лингвистике, астрономии, медицине.

На русской почве кирилло-мефодиевская традиция нашла многочисленных продолжателей в лице Ярослава Мудрого, Илариона Киевского, Владимира Мономаха, Климента Смолятича, Кирилла Туровского, Серапиона Владимирского, Иосифа Волоцкого, Стефана Пермского, Ермолая-Еразма, Ивана Пересветова и других подвижников просвещения. Эта традиция нацеливала русских христиан на активное участие в мирской жизни, на ее духовное преображение.

Уже к середине XI в. основная часть населения Киева, Новгорода, Полоцка и других городов была грамотной — не случайно митрополит Иларион в «Слове о Законе и благодати» подчеркивал: «Ведь не к несведущим пишем, но к преизобильно насытившимся сладостью книжной». Поэтично воспевается книжная грамотность в «Повести временных лет»: «Велика ведь бывает польза от учения книжного; книгами мы наставляемы и поучаемы, от слов книжных обретаем мудрость и воздержание. Это ведь — реки, напоющие вселенную, это источники мудрости; в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они узды воздержания... Если прилежно поищешь в книгах мудрости, то найдешь великую пользу душе своей».

Русскому православию выпала нелегкая история, в которой много места занимало отстаивание чистоты вероучения.

В нынешних условиях многое зависит от позиции руководства Русской православной Церковью. Эта позиция отражает практическую линию, базирующуюся на традиционном понимании православия. Патриарх Алексей II подчеркивает, что «черно-белое», идеологизированное прочтение православия ошибочно: «Православие — вовсе не идеология, не набор абстрактных убеждений. Это жизнь, наполненная любовью к людям, добрым отношением ко всему творению». Взгляд Церкви на суть православия выражен в значимом концептуальном документе «Основы социальной концепции Русской православной церкви», принятом в 2000 г., где высокий ранг придан патриотизму, национальной культуре, духовной свободе, трудовой морали, творчеству, семье и браку, деторождению. Церковь приветствует сотрудничество с наукой, в которой она видит «естественный инструмент благоустройства земной жизни» говорит о том, что «светская культура способна быть носителем благовестия и если творчество способствует нравственному и духовному преобразению личности, церковь благословляет его».

6. Прочитайте фрагмент выступления Святейшего патриарха Алексия I (Симанского, 1877-1970) на конференции советской общественности за разоружение (15 февраля 1960 года)¹. Проследите соотношение категорий «вера» и «государство» в контексте истории России; выявите языковые средства реализации межкатегориальных связей.

Досточтимое собрание! Моими устами говорит Русская Православная Церковь, объединяющая миллионы православных христиан, граждан нашего государства. Примите ее приветствие и благословение! Как свидетельствует история, это есть та самая Церковь, которая на заре русской государственности содействовала строению гражданского порядка на Руси, укрепляла христианским назиданием правовые основы семьи, утверждала гражданскую правоспособность женщины, осуждала ростовщичество

¹ Текст выступления приводится по книге: *Русь уходящая*. Рассказы митрополита Питирима. СПб. : ООО «Индастриал», 2007.

и рабовладение, воспитывала в людях чувство ответственности и долга и своим законодательством нередко восполняла пробелы государственного закона. Это та самая Церковь, которая создала замечательные памятники, обогатившие русскую культуру и ныне являющиеся национальной гордостью нашего народа. Это та самая Церковь, которая в период удельного раздробления Русской земли помогала объединению Руси в одно целое, отстаивая значение Москвы как единственного церковного и гражданского средоточия Русской земли. Это та самая Церковь, которая в тяжкие времена татарского ига умиротворяла ордынских ханов, ограждая русский народ от новых набегов и разорений. Это она, наша Церковь, укрепляла тогда дух народа верой в грядущее избавление, поддерживая в нем чувство национального достоинства и нравственной бодрости. Это она служила опорой русскому государству в борьбе против иноземных захватчиков в годы Смутного времени и в Отечественную войну 1812 г., и она же оставалась вместе с народом во время последней мировой войны, всеми мерами способствуя нашей победе и утверждению мира. Словом, это та самая Православная Церковь, которая на протяжении веков служила, прежде всего, нравственному становлению нашего народа, а в прошлом – и его государственному устройству... Правда, несмотря на все это, Церковь Христова, полагающая своей целью благо людей, от людей же и испытывает нападки и порицания. И тем не менее она выполняет свой долг, призывая людей к миру и любви. Кроме того, в таком положении Церкви есть много утешительного для верных ее членов, ибо что могут значить все усилия человеческого разума против христианства, если двухтысячелетняя история его говорит сама за себя, если все враждебные против него выпады предвидел Сам Христос и дал обетование непоколебимости Церкви, сказав, что и врата адовы не одолеют Церкви Его. Мы, христиане, знаем, как должны мы жить для служения людям, и наша любовь к людям не может умалиться ни при каких обстоятельствах... На основании всего многовекового опыта наша Церковь может сказать: если все мы будем вносить в общую жизнь мира здравые мысли, чистые чувства, благие стремления и правые дела, то мы сделаем все, что необходимо для утверждения мира среди людей и народов.

7. Прочитайте фрагменты рассказа «Отец Платон Скорино»¹. Проследите, каким образом соотносятся в категории «вера» концепт «вера» и антиконцепт «неверие» и назовите языковые средства их реализации. Выявите связь категории «вера» с концептами «воинское служение», «милосердие», «мужество»; укажите языковые средства передачи взаимосвязи этих концептуальных единиц.

«В старинном Патериконе прочел я когда-то сказанное святыми Отцами о том, что Господь предоставляет каждому человеку возможность оглянуться на пройденный жизненный путь, осмыслить его и определить свое отношение к Богу, и сделать шаг к познанию Господа или оттолкнуться от Него. В жизни постоянно происходят события, которые дают возможность всем ощутить и осознать Бога и прийти к Нему. Право выбора принадлежит человеку... Дважды (так кажется мне) оттолкнул я протянутую мне нить истины, но Господь был милостив и еще и еще раз выводил меня на дорогу веры. Благодаря милости этой, стал я верующим, христианином, а потом и иереем». Так говорил мне о. Платон, временами замолкая, задумываясь и потом опять продолжая рассказ.

«Рассказывать получается вроде бы сложно, а в жизни куда все проще складывается. Ленинградский я, из детского дома. Кончил семилетку и пошел работать слесарем на оборонный завод, поэтому и в армию не взяли в мирное время. В танцах, масовках, вылазках и во всем прочем старался быть первым...

В сорок первом году, как война грянула, я сразу же добровольцем пошел. Сильный, здоровый — назначили меня в разведку. Целый год воевал благополучно: ни ранения, ни царапины серьезной. Тогда думал — везло. Убило командира у нас снарядом, назначили нового лейтенанта. Невысокий, худощавый, шупленький, разговор ведет культурно, без ругательств. Задание дает, словно чертеж выписывает, точно, ясно, требовательно. Нам-то, обстрелянным солдатам, показался он хлипким, несерьезным. Сидя-то в блиндаже, каждый распорядиться может, а как в разведке себя покажет? Но удивил он нас в первый же выход на разведку. Бесстрашен, осторожен, аккуратен. Солдат бережет, сам за других не прядется, а старается, где надо, первым идти.

¹ *Отец Арсений* : сб. рассказов. М., 2002.

Недели через три пошли мы в дальнюю разведку по немецким тылам. Трудный, опасный поход. Обыкновенно уйдут группой человек шесть-десять, данные по радиации сообщают, но в большинстве случаев не возвращались — гибли. Вышло нас с лейтенантом восемь человек, прошли линию фронта — двоих потеряли. Оторвались от немцев, вошли в тыл к ним и стали вести разведку. Ходили шесть дней, каждый день сведения по радиации передавали, но потеряли в стычках с немцами еще троих. Осталось нас трое: лейтенант, сержант Серегин и я. Получили приказ идти к своим. Легко сказать, идти назад. Немцы нас ищут, ловят. Пробрались мы к переднему краю, дождались ночи, залегли, изучаем обстановку. Выползли на нейтральную полосу, тут-то нас немцы и обнаружили. Начали артиллерийский обстрел полосы, меня контузило. Серегин незаметно ухитрился из воронки уползти к нашим, а мы с лейтенантом остались. Я почти все время терял сознание, лейтенанта легко ранило в ногу. Пришел я на мгновение в себя и подумал — уползет он, как Серегин. Понимаю, что выхода у него другого нет. Расстелил он плащ-палатку, меня на нее затолкал, потащил... Я ему говорю: «Брось — оба погибнем. Где тебе, я тяжелый, а ты вон какой маленький!». «Ничего, Бог поможет». Немцы заметили движение, усилили обстрел из орудий. Осколки, как горох, кругом сыплются. Впал я в беспмятство, временами приходя в себя, слышу сквозь какой-то туман взрывы и чувствую, что волокут меня по земле. Ребята потом рассказывали, что никто понять не мог, как меня, такого здорового, щупленький лейтенант доволокал... Отлежался и опять в разведку. Стал благодарить лейтенанта, а он с улыбкой ответил: «Видишь, Платон, Бог-то нам помог!» Мне его ответ шуткой показался.

Послали нас опять по тылам. Немцы стали очень осторожны, кого ни посылали, все гибли. Знаем, что идем на верную смерть, но приказ есть приказ, надо идти... Для меня этот поход оказался исключительным, так как это, в какой-то степени, было началом моей новой жизни.

Добрались до какого-то села. Подошли, на окраине церковь стоит, почти у самого леса. Четверо солдат пошли на разведку к селу, а я с лейтенантом к церкви. Тихо, тихо кругом, луна неярко светила, и крест с куполом от этого сверкал серебристо-синевато-

тым светом, и мне подумалось, что нет и не должно быть сейчас никакой войны, где люди режут друг друга. Но автомат висел на шее, сбоку на спине армейский кинжал, и со всех сторон окружала притаившаяся смерть... Лейтенант пошел к церкви, а я стал обходить погост, но не дошел и вернулся назад. Смотрю, стоит лейтенант у дерева, смотрит на церковь и крестится. Голова поднята, крестится медленно и что-то полушепотом произносит. Удивился я этому страшно. Лейтенант образованный, бесстрашный, хороший солдат, и вдруг такая темнота, несознательность. Хрустнул я веткой, подошел и сказал шепотом: «Товарищ лейтенант, а вы, оказывается, в богов верите». Испуганно повернулся он ко мне, но потом овладел собой и ответил: «Не в богов я верю, а Бога», — и легла после этого случая между лейтенантом и мною какая-то настороженность и недоверие... Не может настоящий советский человек верить в Бога, и если кто и верит, то придерживается буржуазных воззрений и тогда является врагом... Думаю, «шкура овечья на волчьем обличье» одета на лейтенанта. Притворяется. Не могу успокоиться. Пошел в «особый отдел». Встретил младшего лейтенанта, рассказал о своих сомнениях. Он оживился, обрадовался и сразу же повел меня к своему начальству. Начальник выслушал, расспросил про лейтенанта, подумал немного, недовольно посмотрел на нас, позвонил куда-то, что-то спросил и сказал: «Товарищ младший лейтенант! Вы сегодня с группой разведчиков за линию фронта пойдете, вот там и проверите лейтенанта Каменева, а сейчас можете идти, а ты, Скорино, останься». Младший лейтенант побледнел, изменился в лице, что-то хотел сказать, но майор махнул рукой, и тот вышел. Майор дождался, когда закрылась дверь, посмотрел на меня и сказал: «Слушай, Скорино! Я о делах разведки много знаю, о тебе с лейтенантом тоже, но скажи мне, что у тебя — голова или пустой котелок? — и постучал пальцем по моему лбу: — Дурак ты! Ну что, верующий, крестился на церковь, разве в этом дело? Ты его дела видел, с ним работал? Тебя спас, сведения для командования принес, а им цены нет. Ты же про него говоришь — враг. Я в сорок первом году от самой границы шел: отступление видел, окружение, панику, страх, храбрость, истинное бесстрашие, любовь к Родине. Вот когда довелось узнать людей. Все бы так воевали,

как лейтенант Каменев. Ты знаешь, он в начале войны обоз раненых из окружения вывел. Раненого генерала с поля боя вынес. Не знаешь, а о людях с кондачка судишь! Сегодня в разведку пойдете, командование решило, вот и посмотри за нашим младшим лейтенантом и твоим Каменевым. Выкинь из головы свою глупость и людям не рассказывай! Иди!»

Удивился я разговору. Пошли ночью в разведку. Младший лейтенант из «особого отдела» оказался отчаянным трусом, за нас прятался и никак от земли оторваться не мог, вперед не шел, старался быть сзади, когда к немцам шли... Осколком его убило, когда от обстрела бежал... А лейтенанту я рассказал, что был в «особом отделе» и о нем говорил, и как сам к вере отношусь. Рассказал, молчит лейтенант, как будто заснул. Потом вдруг спросил: «А ты знаешь, что такое вера?»

Не дожидаясь моего ответа, стал говорить. Рассказывает, и стало передо мной открываться что-то новое. Вначале показалось увлекательной, доброй и ласковой сказкой — это о жизни Иисуса Христа говорил, а потом, когда перешел к самому смыслу христианства, потрясло меня. Рассказывал о совершенстве человека, добре, зле, стремлении человека к совершению добра. Объяснил, что такое молитва... И увидел я религию, веру совершенно не такой, как представлял раньше...

Привязался я к лейтенанту, но через месяц перевели его в другую часть на повышение. Началось наступление, ранило меня тяжело. Отправили меня в тыл. Попал в госпиталь под Вятку. Пролежал пять месяцев и два еще в санатории. Рана моягноилась, началось заражение крови. Лечение не помогало, и увидел я по лицам врачей, что не выкарабкаться мне, а тут еще в отдельную палату положили, значит, безнадежен. Ждут, когда умру. Жить, конечно, хотелось, но я устал от болей, лечения и ожидания чего-то страшного, неизвестного. Не смерти боялся, а чего-то другого.

Была у нас в госпитале сестра Марина, худенькая, небольшая девушка с карими глазами. Веселая, добрая и удивительно внимательная ко всем раненым. Любили мы ее за чуткость и безотказность помочь нам.

Перевели меня в «отходную» палату, сознание временами теряю надолго, а то впадаю в забытие. Придешь в себя и видишь, что Марина то тебе укол какой-то делает, то лицо от пота протирает, то белье меняет. Лежу я как-то с закрытыми глазами, входит главный врач с группой врачей, обход делает. Палатный докладывает историю и в конце говорит: «Безнадежен, начался общий сепсис». Главный врач осмотрел и тоже сказал: «Безнадежен». Я лежу в полудреме, но все слышу и понимаю. Не знаю, днем или ночью, вероятно, ночью, пришел в сознание и чувствую, стоит около меня Марина, полупшепотом что-то читает и протирает мне лоб водой. Вслушался в слова и понял — молится она о моем выздоровлении. Открыл глаза, а она мне говорит: «Ничего, ничего, Платон, все пройдет» — и дала мне выпить воды. Потом я узнал, что вода была святая. Марина продолжала молиться. И так длилось недели две. Принесет в пузырьке святую воду или кусочек просфоры, и мне каждый день дает их, и все молится и молится, как только около меня окажется. Выходила и вымолила она меня у Бога. Когда поправляться начал, много мне о вере говорила, молитвам научила. Ушел я из госпиталя по-настоящему верующим. Она да лейтенант Каменев жизнь мою перевернули полностью.

Любил я Марину, словно мать родную, хотя она моих лет была. Главный врач, направляя меня в санаторий, сказал: «Мы вас с того света вытащили, но без сестры Марины и наша помощь не помогла бы. Выходила она вас, в ноги ей поклонитесь». Но я-то уже знал, Кто мне вместе с Мариной помог, и дал себе слово, если жить останусь, то, как война кончится, пойду в священники.

Отгремела война, демобилизовался я из-под Берлина и приехал в свой Ленинград и, прямо сказать, с ходу в семинарию. Пришел, документы взяли, посмотрели и вернули. Я туда, я сюда — почему-то не принимают. Наконец отдал, и вдруг вызывают в военкомат, да и в другие учреждения вызывали. Стыдят, смеются, уговаривают: «Слушай, Скорино! Ты с ума сошел! Кавалер полного набора орденов Славы, других куча, звание старший лейтенант, а ты в попы. Армию порочишь!»

Поступил все-таки. Нелегко учение мне давалось, знаний мало, образование — только семилетка, да и ту давно кончил. Очень трудно было. Да иногда и нарочно кое-кто мешал. Кончил

семинарию, захотел в монахи, но тут меня в семинарии на смех подняли: «Куда ты, такой здоровый и во многом еще неопытный, и в монахи, женись, священником будешь». Откровенно говоря, правы мои наставники оказались — не годился я, конечно, для монашеской жизни, да и где мог к ней готовиться?

Жениться надо, а я учусь в семинарии. Никуда не ходил и ни одну девушку не знаю. Назначение дают мне под Иркутск, а я еще не иерей. Где невесту искать? Пошел в храм и стал молиться, помощи у Господа просить. Долго молился, вышел на улицу, смотрю — на одной ноге кто-то ковыляет, обгоняю, а это бывший капитан из нашего полка. Я к капитану бросился. Обрадовались. Он меня к себе пригласил. Разговорились про дела минувших дней, про сегодняшние житейские. Капитан балагур, весельчак, человек добрый, гостеприимный. Рассказываю, что семинарию кончил, должен быть священником, но жениться надо. «Есть невеста! — кричит. — Нинка, моя двоюродная». Познакомился я с ней дня через два, понравилась, и, кажется, я ей. Решил жениться, сделал через несколько дней предложение, о себе рассказал. Вначале, что я в священники готовлюсь, тоже не поверила, потом задумалась и дала согласие, только сказала: «Платон! А я-то неверующая». Ну, думаю, неверующая, а каким я раньше был!

Женился недели через две, посветили в диаконы, потом священником стал. Уезжать надо. Нина мне говорит: «Ты, Платон, поезжай, а мне еще полтора года нужно, чтобы пищевой институт кончить». Договорились, кончит — приедет. Откровенно сказать, тяжело уезжать было, полюбил я Нину. Верил, что приедет.

Уехал я за Иркутск. Село большое, церковь закрыта за смертью священника. Запущена, частично разрушена. Кое-как навел порядок, две старушки помогали. Начал служить, а народу только три человека. Страшно стало. Где же прихожане? Но решил служить ежедневно. Неделю, месяц, три служу, никто не идет. Впал в отчаяние. Поехал к владыке в город, рассказываю, что служу, а храм пустой. Что делать? Владыка выслушал и благословил служить, сказав: «Господь милостив, все в свое время будет».

Зашел я, уйдя от владыки, в городскую церковь, дождался конца службы и подошел к старому священнику, рассказал ему свои горести. Позвал он меня к себе домой, обласкал и сказал:

«Господь призвал вас на путь иерейства. Он не оставит вас. Все хорошо будет — прихожане придут, и жена придет. Молитесь больше». Подружился я с отцом Петром, часто приезжал к нему. Многим он меня поддерживал. Духовной жизни был человек.

Прошло полгода, а прихожан только восемь человек, а я все служу. Материально стало трудно, буквально жить не на что. В свободное время стал подрабатывать, то крышу покрою, то сруб поправлю, то где-нибудь слесарной работой займусь. Во время работы с хозяевами поговоришь, им, конечно, интересно с попом разговор затеять. О вере, бывало, начинали спрашивать, я, конечно, рассказывал, стали прислушиваться, в церковь заходить. Сперва просто посмотреть, а потом и молиться. Работу, конечно, делал честно, аккуратно; не хваюсь, бывало, сделаешь — сам удивишься. Завод ленинградский меня к этому приучил. Заказчиков — хоть отбавляй.

К концу года в храм стало приходиться уже человек восемьдесят-девяносто, в основном пожилые, а по второму году и молодежь пошла.

Первое время в селе ко мне относились плохо. Молодежь задирала, смеялись. Придут в церковь, хохочут, мешают службе. Я вежливо их прошу, уйдут, ругаясь. Решили, что я безответный. За год жизни в селе избили меня очень сильно молодые ребята. Они бьют, я только прошу — не надо, а им смех бить попа. Очень трудно было. Без Нины беспрерывно скучал, но наконец приехала. Рад был очень, а она сперва приуныла, не представляла своей жизни в деревне со священником. Устроилась мастером на большой молочный завод в нашем селе. Взяли охотно, хотя и придирались потом, что жена попа. Знающая, работящая, она во всем показывала пример.

Однажды шли мы с Ниной вечером, напали на нас четверо подвыпивших ребят, меня трое бить начали, а четвертый пристал к Нине. Эх, думаю, о. Платон! Ты же разведчиком был, в специальной школе учился разным приемам, да и силушкой тебя Бог не обидел. Развернулся вовсю. Простите за слова фронтовые, не священнику их говорить, но «дал я им прикурить». Кого через голову, кого в солнечное сплетение, а третьего ребром ладони по шее... Главное, все неожиданно для них получилось, не ждали отпора, думали — тьюфак поп, безответный.

После этого случая относиться ко мне стали лучше, а ребята, которых я побил, как-то подошли ко мне и сказали: «Мы, товарищ Платон, не знали, что вы спортсмен, а думали, что только некультурный поп». Одного парня я года через два венчал, а у другого дочь крестил.

Несколько лет в селе прожили. В 1955 году, девятого мая отмечали десятилетие Победы над Германией. Председатель колхоза и председатель сельсовета были старые солдаты. Объявили — будет торжественное собрание в клубе. Приглашаются все бывшие фронтовики и обязательно с орденами. Нина говорит мне: «Ты, Платон, обязательно пойдя». Оделся я в гражданское платье, надел свои ордена и медали, прихожу в клуб, здороваюсь с председателем колхоза, узнал меня с трудом, смотрит удивленно и спрашивает: «Ордена-то у вас откуда?» Отвечаю: «Как откуда? На войне награжден». Куда меня сажать, растерялся. Орденосцы в президиуме сидят, а у меня орденов больше, чем у других, но я поп. Потом с кем-то посоветовался и говорит: «Товарищ Платонов! Прошу в президиум» — и посадил меня во втором ряду. Надо сказать, меня многие называли товарищ Платонов, принимая имя о. Платон за фамилию.

Стали фронтовики выступать с воспоминаниями, я подумал, подумал и тоже выступил. Конечно, понимал, что все это может кончиться для меня большими неприятностями у уполномоченного по делам церкви, но хотелось мне народу показать, что верующие и священники не темные и глупые люди, а действительно верят в Бога, идут к Нему, преодолевая все и не преследуя каких-то корыстных целей.

С председателем колхоза я даже сдружился. После этого случая он относился ко мне хорошо. Рассказывал, что ему и председателю сельсовета нагоняй был от районного начальства, что по па с докладом выпустили.

Двенадцать лет прожил я в этом селе. Господь по великой милости Своей не оставлял меня с Ниной. Последние годы храм всегда был полон народу, относились ко мне хорошо, и власти особенно не притесняли. Нина моя, конечно, не сразу к церкви пришла, но теперь, по-моему, куда больше меня в вере преуспела. Верит истинно, службу прекрасно знает и во всех церковных во-

просах моя опора и помощник. Сейчас в город перевели, там и служу. Трудно мне среди городских, но привыкаю. Вот, кажется, и все главное о моей жизни и о том, какими путями шел я к Богу».

8. Прочитайте фрагменты рассказа «Матерь Божия! Помоги!»¹. В рамках категории «вера» проследите соотношение концепта «вера» и антиконцепта «маловерие»; выявите языковые средства реализации данных концептуальных единиц. Выявите прототипические характеристики категории «вера» и укажите, какие лексические средства используются для их выражения.

На второй день войны — 23 июня — мужа взяли на фронт, и я осталась одна с Катей. Слова «война» и «фронт», казалось, вытеснили из жизни людей все другие чувства и переживания. Такой была Москва 1941 года. Немцы прорвали фронт и двигались к Москве, что-то грозное и страшное нависло над каждым человеком. Город опустел, уезжали поездами, на автомашинах, уходили пешком. Преодолевая множество трудностей и препятствий, мы выехали. Поезд три раза бомбили, а за Рязанью ночью в довершение всего меня обокрали. В дороге Катя простудилась, беспричинно плакала и жаловалась на голову. Проехали Урал, началась Сибирь. За окнами вагона заснеженные степи, редкие станции. Дует сильный ветер, мороз, пурга. Наконец поезд дошел до города, куда мы ехали. Собрали свой жалкий скарб и вышли. За пределами перрона лежал старинный сибирский город. Холодный, чужой и неизвестный.

Куда идти, где остановиться? Чем жить? И я поняла все безрассудство моей поездки, эвакуации из Москвы, где были знакомые, квартира, работа, паек. Толкнулась туда, сюда, всем не до меня. С трудом пробилась к какому-то майору. Говорю, муж на фронте, офицер, я из Москвы. Показываю документы, прошу, тяну Катю за руку. Ответил так: «Приезжих много, помочь не могу. Город забит людьми. Сами устраивайтесь», но дал два талона на обед. Стало смеркаться. Катя плачет, замерзла, устала, хочет спать. Решила ехать на вокзал, а дальше — что будет, то будет. Сели на трамвай. Тащится медленно по каким-то улицам. На душе злость, раздражение на всех и вся. Трамвай остановился и

¹ Отец Арсений : сб. рассказов. М., 2002.

долго не шел, я взглянула в окно и увидела стоящую в глубине улицы церковь. Люди тянулись к ее дверям. Входило много народу. Что-то заставило меня подняться из трамвая и пойти в церковь. Держа Катю за руку, я вошла.

Была какая-то служба. Церковь только заполнялась, и я, раздвигая стоящих, прошла вперед и встала под большой иконой. В церкви было тепло. Я развязала Кате платок и расстегнула шубу. Куда деваться? Катя со мной, мы голодны, одиноки, без пристанища. От усталости, голода и волнения церковь, иконы, стоящий рядом народ качались и плыли перед моими глазами. Если бы я была одна, тогда случившееся не страшило бы меня, но со мной была четырехлетняя дочь. Хотелось кричать, требовать, просить, плакать, но к кому обращаться, кого просить? Сколько мы стояли, я не знаю. Только Катя дернула меня за рукав и громко сказала: «Мама, я устала стоять!» Кругом зашептались, а стоящая около иконы старуха негромко сказала, обращаясь ко мне: «Ребенков, на ночь глядя, от нечего делать водят. Нашла где стоять», и стала оттеснять меня от иконы. Церковь уже наполнилась народом, и мне некуда было двигаться. Даже здесь гонят, подумалось мне, а еще проповедуют добро, и я подняла глаза на икону, перед которой стояла.

С иконы на меня смотрели глаза Божией Матери. Лик был наклонен к Младенцу, а Он, обняв ручонками Мать, тесно прижался Своей щекой к Ее лицу. И в этом взаимном объятии чувствовалось необычайная любовь и желание защитить Сына от кого-то и согреть Его великой Любовью, данной только Матери.

В глазах Матери Божией было столько глубоко лучистой теплоты, что, смотря в них, каждый чувствовал и находил спокойствие и утешение. Взгляд Божией Матери, устремленный на молящихся, был полон грусти, жалости и тепла, вселял надежду и утешал. Вера моя всегда была слабой и ничтожной. В детстве мама учила меня молиться «за папу, за маму» и заставляла учить «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся!». Потом все забылось, потускнело. Стало далеким воспоминанием, немного смешным, немного грустным. Если окружающие смеялись над обрядами и церковью, то смеялась и я, но где-то в душе еле-еле теплилось чувство, что, возможно, Бог есть. Но только возможно.

Лик Божией Матери, смотрящей на меня с иконы, вдруг мгновенно перевернул мою душу, и, несмотря на безысходность моего положения, я поняла, что надежда может быть только на Нее. И я стала молиться. Молиться, не зная слов молитвы. Я просто просила Божию Матерь, умоляла Ее помочь нам. И я уверовала, что Она поможет. Почему я, неверующая, так думала в тот момент, даже теперь не знаю. Думаю, что необыкновенный, исполненный Божественного тепла взгляд Божией Матери заставил меня поверить в это. На полу сидела Екатерина, где-то стояла, шипела и толкалась старуха, а я молилась. Сейчас помню, что вся моя молитва была бесконечной просьбой. Все мое существо взывало, молило, просило за Катю. «Помоги! Помоги! Матерь Божия», — сотни и сотни раз повторяла я. Слезы заливали лицо. Я смотрела на икону с мольбой...

Служба кончилась. Народ расходился, а я все стояла и молилась перед иконой. Церковь пустела. Катерина спала на полу. К выходу шел священник. Я подошла к нему с просьбой о помощи. Он выслушал меня, скорбно развел руками и, торопливо застегивая шубу, вышел. Старуха, гнавшая меня от иконы, после выхода священника схватила Катерину за воротник и, громко крича, что здесь не ночлежный дом, а храм Божий, что я нахалка и дрянь, потащила дочь к дверям. Катя, проснувшись, плакала, а я подошла к иконе Божией Матери и, припав к Ней, еще и еще раз просила помочь нам. С полной уверенностью, что Она не оставит нас, я пошла к выходу. Из темноты опустевшей церкви вышла женщина и, схватив меня за руку, резко сказала: «Пойдемте!» — и мы вышли из церкви. Я подумала — еще один человек гонит. Женщина, держа меня за руку, куда-то вела нас. Было очень холодно, мороз пробирал до костей. Мы молча шли вдоль небольших домов и заборов. Временами хотелось спросить: куда мы идем? Но я не спрашивала, надеясь на что-то лучшее. Мысль, что Матерь Божия не оставит нас, крепла и крепла с каждой минутой, и, идя в неизвестность, я продолжала молить Богородицу. И все беспокоившее меня отходило на задний план, исчезало.

Остановились перед высоким забором, калитка жалобно всхлипнула, и мы вошли в палисадник, засыпанный снегом. Подошли к небольшому одноэтажному дому. Женщина долго возилась с ключами, что-то говорила сама себе сердитым голосом и,

открыв дверь, сказала: «Проходите быстро и раздевайтесь. Верхние вещи на вешалку в передней, а сами на скамейку садитесь, чтобы живность не разнести. Меня зовут Нина Сергеевна, а теперь ждите, позову». В комнате было тепло, вещи повесили в передней и сели в комнате на скамейку. Из соседней комнаты послышался, как мне показалось, раздраженный голос: «Нина! Ты с кем пришла?» — «Кого Бог послал, с тем и пришла». Нина Сергеевна куда-то ушла. Гремели ведра, тянуло дымом, запахло вареной картошкой. Меня от всего пережитого трясло. Катя, прижавшись ко мне и разомлев от тепла, дремала. «Что будет? — думалось мне. — Дадут переночевать, а потом?» Через какое-то время открылась дверь, и появилась Нина Сергеевна: «Что это, голубушка, вы расселись? Идите помогать!» Я встала и пошла на кухню. Топилась плита, в баках грелась вода. Недалеко от плиты стояла эмалированная ванна. «Наливайте горячую воду и разбавляйте. Дочь вымою я сама. Имя-то ваше скажите, дочери я уже знаю». Я сказала свое имя. «Ниной зовут, как и меня. День своего Ангела знаете?» Я не знала. «Знать надо, голубушка, раз по церквам ходите. Нина только один раз в году бывает — 27 января поновому».

К чему велся этот разговор, я не понимала. В кухне было тепло, приятно пахло дымом, чем-то вкусным, ванну я наполняла водой. Мне стало неудобно, что в чужом доме, у незнакомых людей, идет суматоха, беспокойство из-за нас, и я сказала об этом. Нина Сергеевна резко оборвала меня и сказала: «Не разводите телячьих нежностей, несите дочь, я ее сама вымою, а то сами-то вы грязная с дороги, да еще, возможно, вши на вас...»

Я раздела сонную Катерину. Барахтаясь в воде и визжа от удовольствия, она хватала ручонками за шею Нину Сергеевну и что-то ей рассказывала. Я стояла у плиты в полузабытьи, все казалось нереальным и происходило как бы во сне. «Ну, а теперь вы», — услышала я слова Нины Сергеевны. Катю она унесла на руках. Я стала медленно раздеваться и вошла в ванну. Мелкий озноб стал сотрясать меня, мочалка падала из рук, я еле стояла на ногах, и в этот момент в кухню вошла Нина Сергеевна. Я смутилась. «Да бросьте стесняться, я же врач. Послушайте, голубушка... А вас здорово трясет. Мойтесь, мойтесь скорее! Вы же больны». Нина Сергеевна, кухня, плита вдруг сразу поплыли перед

моими глазами, и только временами я чувствовала, что меня мыли, обливали водой, вытирали, надевали рубашку, и иногда откуда-то издалека, словно сквозь вату, прорезывался голос: «Стойте же, стойте, не мешайте». Куда-то вели, подымали, чем-то жгли грудь, давали воду.

Пришла я в себя на некоторое мгновение через четыре дня, как мне потом сказали. Помню только, что все время, пока я находилась в беспамятстве, передо мной стоял образ Божией Матери, а я молилась и молилась за Катю, себя, Нину Сергеевну: «Матерь Божия, не остави нас!»

И вот я пришла в сознание. Чужая светлая комната, окно задернуто занавеской. Я медленно перевожу глаза и замираю от нахлынувшей на меня радости. В углу, на высоте человеческого роста, висит икона, горит зеленый огонек лампы, освещающей Их лики. Икона та же, что и тогда была в церкви, перед которой я молилась и рыдала. (После я узнала, что это икона Владимирской Божией Матери.)

Пролежала я еще пять дней, и только тогда Нина Сергеевна разрешила мне встать.

Чужие незнакомые люди приютили нас, выходили меня, больную, возились с Катей. Почему я пришла в церковь, встала перед иконой Владимирской Божией Матери, молилась и уверовала в Ее помощь? Почему лик Божией Матери неотступно был со мною во время моей болезни, и первое, что я увидела, была именно икона Владимирской Божией Матери? Почему я стала почти внезапно верующей? Почему? И еще лежа в кровати, я отвечала себе: потому что все, что было со мною, являлось самым настоящим, подлинным и великим чудом, которое Господь и Матерь Божия послали мне, грешной, как великую милость. Осознав это, я еще больше прониклась сознанием благодарности к Божией Матери, любви к Ней и к людям, спасшим меня и Катю.

Обо всем этом я и рассказала Нине Сергеевне и Александре Федоровне, еще когда отлеживалась после болезни. И Нина Сергеевна и Александра Федоровна дали мне возможность стать по-настоящему верующим человеком. Они же крестили Катю, рассказали и научили всему, что дало мне познать веру. Прожила я у них три года, работая на заводе, и вернулась в Москву лишь для того, чтобы спасти комнату, а Катю они оставили у себя, там же

она окончила школу, поступила в институт и только в 1960 году приехала вместе с бабушками Ниной и Сашей в Москву. Рассказывать, что были за люди Нина Сергеевна и Александра Федоровна, мне не надо. В этом коротком отрывке об одном из важнейших этапов моей жизни сказано о них все, что можно сказать о настоящих христианах».

9. Прочитайте фрагмент из очерка «Письма о Западе» священномученика архиепископа Илариона (Троицкого) (1886—1929). Опишите интерпретативное поле концепта «западное христианство».

Наружный вид Кельнского собора может очаровать. Посмотри, какая сложность рисунка, какая сложность художественного замысла, какая масса архитектурных мелочей! И при всем том, какое изящество, какая тонкость работы, какое единство художественного целого!.. Проходит некоторое время, и начинаешь чувствовать, что в этом прекрасном, художественно построенном храме чего-то недостает, и недостает чего-то существенного. Начинает работать мысль, стараясь ответить на вопрос о том, чего недостает Кельнскому собору и всякому готическому храму. Сам собою скоро выплывает ответ: здесь недостает Бога, недостает святости, недостает жизни... О чем говорит Кельнский собор, если к нему присмотреться внимательнее. Он говорит о рационализации христианства на Западе; он говорит о мечтательности болезненной мистики Запада. Рационализм совершенно не терпит церковного благолепия; он желает, чтобы и храмы были так же сухи и безжизненны, как логические схемы, а загнанное и подавленное чувство обращается в чахлый сентиментализм. В рационализме равны и католицизм, и протестантизм... О, как почувствовал я... несравненное превосходство святого Православия.

10. На основе дефиниций слов *faith, belief, creed* проанализируйте значения этих лексем семантического поля 'faith': выявите основные значения, определите отдельные семы. Найдите различия между этими словами и установите, как они соотносятся с русской лексемой *вера*.

Faith (TRUST) great trust or confidence in something or someone.
I have great faith in you — I'm sure you'll manage! It will be hard to

restore faith in the government unless ministers start making promises they can keep. If you accept/take something on faith, you are willing to believe it without proof. If you put/place your faith in something or someone, you make a decision to trust it or them. He placed complete faith in the abilities of his old friend. Some people put their faith in strong leaders rather than sound policies. If you tell someone to have faith, you do not want them to lose confidence. Have faith! It'll be all right in the end. If you keep faith with something or someone, you continue to support it or them, or you do what you promised to do. Despite the continuing recession, the government has asked people to keep faith with its reforms. The company has not kept faith with its promise to invest in training. **faithful** If a person or animal is faithful, they are loyal. She was a close and faithful friend. His faithful old dog always accompanied him wherever he went. If something, such as a copy or record, is faithful, it is true or follows the original exactly. Compact discs offer more faithful sound reproduction than records. I have tried to keep my translation as faithful as possible to the original. He was faithful to his wife throughout their 30-year marriage. If you are faithful to something, you continue to support or follow it. Despite persecution, she remained faithful to her beliefs. **faithful** [C] A faithful is someone who continues to support someone or something. She's an old faithful — she never misses a single match. He gave a rousing speech to a room full of party faithfuls. **faith** (RELIGION) a particular religion, or a strong belief in God or a particular religion. They were brought up in the true faith (= to believe in the religion which the speaker believes is the only true one). [C] The vicar said "you must have faith!" If you keep the faith, you continue believing in or supporting something or someone. (saying) 'Faith will move mountains'.

Belief — the feeling of certainty that something exists or is true. She holds her beliefs and expresses them frequently. His belief in God gave him hope during difficult times. He called at her house in the belief that (confident that) she would lend him money.

Creed — a set of beliefs which expresses a particular opinion and influences the way you live. The Creed is a short formal statement of Christian religious belief said in church.

11. Прочитайте стихотворение "Faith and Despondency" Э. Бронте. Проследите, какие образы противопоставлены при раскрытии авторского видения концепта «вера». Выявите лексические средства, выражающие этот концепт, укажите их коннотацию. Выделите метафорические выражения в последних двух строфах и установите, какие концептуальные метафоры лежат в их основе.

The winter wind is loud and wild,
Come close to me, my darling child;
Forsake thy books, and mateless play;
And, while the night is gathering grey,
We'll talk its pensive hours away;

Jerne, round our sheltered hall
November's gusts unheeded call;
Not one faint breath can enter here
Enough to wave my daughter's hair,
And I am glad to watch the blaze
Glance from her eyes, with mimic rays;
To feel her cheek so softly pressed,
In happy quiet on my breast.

But, yet, even this tranquillity
Brings bitter, restless thoughts to me;
And, in the red fire's cheerful glow,
I think of deep glens, blocked with snow;
I dream of moor, and misty hill,
Where evening closes dark and chill;
For, lone, among the mountains cold,
Lie those that I have loved of old.
And my heart aches, in hopeless pain
Exhausted with repinings vain,
That I shall greet them ne'er again!

Father, in early infancy,
When you were far beyond the sea,
Such thoughts were tyrants over me!
I often sat, for hours together,
Through the long nights of angry weather,

Raised on my pillow, to descry
The dim moon struggling in the sky;

Or, with strained ear, to catch the shock,
Of rock with wave, and wave with rock;
So would I fearful vigil keep,
And, all for listening, never sleep.
But this world's life has much to dread,
Not so, my Father, with the dead.

Oh! not for them, should we despair,
The grave is drear, but they are not there;
Their dust is mingled with the sod,
Their happy souls are gone to God!
You told me this, and yet you sigh,
And murmur that your friends must die.
Ah! my dear father, tell me why?

For, if your former words were true,
How useless would such sorrow be;
As wise, to mourn the seed which grew
Unnoticed on its parent tree,
Because it fell in fertile earth,
And sprang up to a glorious birth —
Struck deep its root, and lifted high
Its green boughs, in the breezy sky.

But, I'll not fear, I will not weep
For those whose bodies rest in sleep, —
I know there is a blessed shore,
Opening its ports for me, and mine;
And, gazing Time's wide waters o'er,
I weary for that land divine,
Where we were born, where you and I
Shall meet our Dearest, when we die;
From suffering and corruption free,
Restored into the Deity.

Well hast thou spoken, sweet, trustful child!
And wiser than thy sire;

And worldly tempests, raging wild,
Shall strengthen thy desire —
Thy fervent hope, through storm and foam,
Through wind and ocean's roar,
To reach, at last, the eternal home,
The steadfast, changeless, shore!

12. На основе определения лексемы glauben в этимологическом и толковом словарях проанализируйте ее семантику: выявите основные значения (семемы) слов, затем определите основные и периферийные семантические компоненты каждого значения.

Glauben: mhd. gelouben, ahd. gilouben, got. galaubjan, niederl. geloven, aengl. geliefan (mit anderem Präfix engl. to believe) gehen zurück auf germ. ga-laubjan "für lieb halten, guthießen", das zu der weit verzweigten Wortgruppe von lieb gehört. Nach der Christianisierung drückte es dann wie lat. credere und griech. pisteuein das religiöse Verhalten des Menschen zum Christengott aus (Duden, 2001, S. 280).

Glaube: 1) gefühlsmässige, nicht von Beweisen abhängige Gewissheit, Überzeugung von etwas, was man für wahr hält: ein [felsen]fester, starker, unerschütterlicher Glaube. Syn. Überzeugung; 2) religiöse Überzeugung; Konfession, der jmd. angehört: der christliche Glaube; seinen Glauben bekennen; an seinen Glauben festhalten; für seinen Glauben sterben. Syn.: Bekenntnis, Konfession, Religion. Zus. Gottesglaube (Duden, 2002, S. 431).

13. Опираясь на следующие высказывания деятелей немецкой культуры и науки, установите отдельные характеристики категории «вера» в немецком языковом сознании.

Glauben ist die Faehigkeit, in Gottes Tempo zu gehen (Martin Buber). Wer glaubt, der flieht nicht aus seiner Mitverantwortung an den Entscheidungen des Tages, aus der Mitsorge um den Frieden der Welt (Albrecht Goes). Nur was wir selber glauben, glaubt man uns (Karl Gutzkow). Glauben ist Vertrauen, nicht Wissenwollen (Hermann Hesse). Wissenschaft ist nur eine Haelfte, Glauben ist die andere (Novalis). Die Naturwissenschaft braucht der Mensch zum Erkennen, den Glauben zum Handeln (Max Planck) (Duden, 2002, S. 742).

14. Прочитайте произведение "Dieu sensible au cœur" из цикла "Pensées" французского ученого и философа Блеза Паскала (1623—1662). Проследите соотношение концептов «сердце» и «разум» с категорией «вера» и выявите языковые средства, используемые для раскрытия этого соотношения.

C'est te cœur qui sent Dieu, et non la raison; voilà ce que c'est que la foi: Dieu sensible au cœur, non à la raison.

Le cœur a ses raisons, que la raison ne connaît point; on le sait en mille chose Je dis que le cœur aime l'Être universel naturellement, et soi-même naturellement, selon qu'il s'y adonne et il se durcit contre l'un ou l'autre, à son choix. Vous avez rejeté l'un et conservé l'autre: est-ce par raison que vous vous aimez?

Nous connaissons la vérité, non seulement par la raison, mais encore par le cœur, c'est de cette dernière sorte que nous connaissons les premiers principes, et c'est en vain que le raisonnement, qui n'y a point de part, essaie de les combattre. Les pyrrhoniens qui n'ont que cela pour objet, y travaillent inutilement. Nous savons que nous ne rêvons point; quelque impuissance où nous soyons de le prouver par raison, cette impuissance ne conclut autre chose que la faiblesse de notre raison, mais non pas l'incertitude de toutes nos connaissances, comme ils le prétendent. Car la connaissance des premiers principes, comme qu'il y a espace, temps, mouvement, nombres, est aussi ferme qu'aucune de celles que nos raisonnements nous donnent. Et c'est sur ces connaissances du cœur et de l'instinct qu'il faut que la raison s'appuie, et qu'elle y fonde tout son discours. Le cœur sent qu'il y a trois dimensions dans l'espace, et que les nombres sont infinis; et la raison démontre ensuite qu'il n'y a point deux nombres carrés dont l'un soit double de l'autre. Les principes se sentent, les propositions se concluent; et le tout avec certitude, quoique par différentes voies. Et il est aussi inutile et aussi ridicule que la raison demande au cœur des preuves de ces premiers principes, pour vouloir y consentir, qu'il serait ridicule que le cœur demandât à la raison un sentiment de toutes les propositions qu'elle démontre, pour vouloir les recevoir.

Cette impuissance ne doit donc servir qu'à humilier la raison, qui voudrait juger de tout, mais non pas à combattre notre certitude comme s'il n'y avait que la raison capable de nous instruire. Plût à Dieu que nous n'en eussions au contraire jamais besoin et que nous

conussions toutes choses par instinct et par sentiment! Mais la nature nous a refusé ce bien; elle ne nous a au contraire donné que très peu de connaissances de cette sorte; toutes les autres ne peuvent être acquises que par raisonnement.

Et c'est pourquoi ceux à qui Dieu a donné là religion par sentiment du cœur sont bien heureux et bien légitimement persuadés. Mais à ceux qui ne l'ont pas, nous ne pouvons la donner que par raisonnement, en attendant que Dieu la leur donne par sentiment de cœur, sans quoi la foi n'est qu'humaine, et inutile pour le salut.

Тема III.6. Концепт «праздник»

1. На основе определения лексемы праздник в словаре В. Даля проанализируйте семантику этого слова: выявите основные значения, затем определите основные и периферийные семантические компоненты каждого значения. Опираясь на приводимые в словарной статье пословицы, опишите интерпретативное поле концепта «праздник».

Праздничный день или **праздник** *м.* вообще, день, посвященный отдыху, не деловой, не рабочий, *противопол.* будень; день, празднуемый, по уставу церкви, или же по случаю и в память события гражданского, государственного, или по местному обычаю, по случаю, относящемуся до местности, до лица. Праздники Господни, Господские, установленные в честь Господа. Праздник царский, рожденье, именины государя, память коронаванья и пр. Праздник семейный, домашний. С праздником! У Бога всегда праздник. У Бога, что день, то и праздник. Всякая душа празднику рада. Доброму человеку, что день то и праздник. Примечай будни, а праздники сами придут. Праздничку честному злат венец, а хозяину многие лета (доброе здоровья)! В Москве каждый день праздник (по множеству церквей). Праздники памятливы, а будни забывчивы. Такой праздник, что в этот день и грешников в аду не мучат (Благовещенье и Светлое Воскресенье). Дать праздник, празднество, устроить празднованье, пир или торжество. Откупщик наш задал праздник. Праздник праздников, день Воскресения Христова. На нашей улице праздник, наша взяла, мы добились желаемого. Храмовой праздник, престольный,

или престол, день памяти события или святого, во имя коего храм сооружен. Праздничная одежда, убор. Праздничный пир. Праздничный вид города. Праздновать что или чему, совершать празднество, отправлять праздник: покидать работу и отдыхать, по обычаю, в день памяти кого или чего; провожать такой день торжественно, с житейскими обрядами; совершать обряды церковные, во славу или в память событий церкви. Мастеровые празднуют только церковные праздники, а в гражданские работают. Он именин своих не празднует, только у обедни бывает.

2. Прочитайте «Слово огласительное на святую Пасху» святителя Иоанна Златоуста¹. Выделите в тексте синонимы слова праздник; найдите лексемы, раскрывающие сущность праздника Пасхи. Выявите языковые средства, которые использует святитель, чтобы указать на всеобщность праздника. Проследите связь концепта «праздник Пасхи» с категорией «спасение» и концептом «радость».

Кто Благочестив и Боголюбив, тот пусть насладится этим прекрасным и светлым торжеством. Кто раб благоразумный, тот пусть с радостью войдет в радость Господа своего (Матф. 25, 21). Кто потрудился, постясь, тот пусть возьмет ныне динарий (Матф. 20, 13). Кто работал с первого часа², тот пусть получит сегодня должную плату. Кто пришел после третьего часа, пусть с благодарностью празднует. Кто успел прийти после шестого часа, пусть нисколько не беспокоится, ибо ничего не лишится. Кто замедлил до девятого часа, пусть приступит, нисколько не сомневаясь. Кто успел прийти только в одиннадцатый час, пусть и тот не страшится за свое промедление. Ибо щедрый Владыка принимает и последнего, как первого; успокаивает пришедшего в

¹ Святитель Иоанн Златоуст (347—407) — один из величайших учителей Церкви, автор многочисленных богословских трудов, составитель чина Литургии, которая до сих пор ежедневно совершается в Православной Церкви. Его «Слово огласительное на святую Пасху» читается каждый год перед Пасхальной Литургией.

² В еврейском времячислении день начинался в 6 часов утра и длился 12 часов, так что 3 часа дня соответствовали европейским 9 часам утра, а 11—5 часам вечера.

одиннадцатый час так же, как и работавшего с первого часа; и последнего милует, и о первом печется; и тому дает и этому дарует; и дела принимает, и намерение приветствует, и деятельности отдает честь, и расположение хвалит (Матф. 20, 1—16)¹. Итак, все войдите в радость Господа нашего; и первые и вторые получите награду; богатые и бедные, ликуйте друг с другом; воздержные и нерадивые, почтите этот день; постившиеся и непостившиеся, веселитесь ныне. Трапеза обильна, насыщайтесь все, телец велик, никто пусть не уходит голодным. Все наслаждайтесь пиршеством веры; все пользуйтесь богатством благодати. Никто пусть не жалуется на бедность, ибо открылось общее царство. Никто пусть не плачет о грехах, ибо из гроба воссияло прощение.

¹ Для лучшего понимания текста приводим строки Евангелия, толкованием которых являются фрагменты «Слова»: «Ибо Царство Небесное подобно хозяину дома, который вышел рано поутру нанять работников в виноградник свой и, договорившись с работниками по динарию на день, послал их в виноградник свой; выйдя около третьего часа, он увидел других, стоящих на торжище праздну, и им сказал: идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, дам вам. Они пошли. Опять выйдя около шестого и девятого часа, сделал то же. Наконец, выйдя около одиннадцатого часа, он нашел других, стоящих праздну, и говорит им: что вы стоите здесь целый день праздну? Они говорят ему: никто нас не нанял. Он говорит им: идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, получите. Когда же наступил вечер, говорит господин виноградника управителю своему: позови работников и отдай им плату, начав с последних до первых. И пришедшие около одиннадцатого часа получили по динарию. Пришедшие же первыми думали, что они получат больше, но получили и они по динарию; и, получив, стали роптать на хозяина дома и говорили: эти последние работали один час, и ты сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зной. Он же в ответ сказал одному из них: друг! я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? возьми свое и пойди; я же хочу дать этому последнему то, что и тебе; разве я не властен в своем делать, что хочу? или глаз твой завистлив от того, что я добр? Так будут последние первыми, и первые последними, ибо много званых, а мало избранных» (Евангелие от Матфея, гл. 20, строки 1—16).

Никто пусть не боится смерти, ибо освободила нас смерть Спасителя. Он истребил ее, быв объят ею. Он опустошил ад, сошед в ад; огорчил того, который коснулся плоти Его. Об этом и Исаия, предузнав, воскликнул: ад, говорит он, огорчился, сретъ Тя доле (Исаия 14, 9). Он огорчился, ибо стал праздный; огорчился, ибо посрамлен; огорчился, ибо низложен; огорчился, ибо связан. Он взял тело, и нашел в нем Бога; взял землю, и сретил в ней небо; взял то, что видел, и подвергся тому, чего не видел. Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа? (1 Кор. 15, 55). Воскрес Христос, и ты низложился; воскрес Христос, и пали бесы; воскрес Христос, и радуются ангелы; воскрес Христос, и водворяется жизнь; воскрес Христос и мертвого ни одного нет во гробе. Ибо Христос, воскресший из мертвых, начаток умершим быть. Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

3. Прочитайте фрагмент проповеди архимандрита Иоанна Крестьянкина (1910—2006). Выделите в тексте метафорические образы. Проследите, какими лексемами выражается в тексте такая прототипическая характеристика концепта «праздник Пасхи», как «ликование». Укажите, какое значение имеет Воскресение Христово для всей категории «вера» и как оно соотносится с категориями «жизнь» и «смерть».

«Христос воскрес!» Благодатный огонь этой спасительной вести, вновь ярким пламенем вспыхнув над Гробом Господним, потек по миру. И Церковь Божия, преисполнившись светом этого огня, дарует его нам: «Христос воскрес!»

Нет в нашей Православной Церкви службы более величественной, более проникновенной, чем пасхальная утренняя. И потому так стремятся все верующие в храм Божий в пасхальную ночь. Пасхальное богослужение воистину подобно великолепнейшему пиру, который Господь приготовил всем притекающим под благодатную сень Его Дома.

Вдумайтесь в содержание «Огласительного слова» святителя Иоанна Златоуста! С отеческой лаской и радушием приемлет Господь тех, кто возлюбил Его всем своим существом. «Блажен, кто от первого часа делал есть», — это те, кто от юности своей идут неукоснительно по Его Божественным стопам. Но не отвергает и тех, кто, преодолев своей душе сомнения, приблизился к

Богу только в зрелом и даже преклонном возрасте. «Да не устроятся они своего замедления, Господь с любовью приемлет и последнего, так же как и первого, — и дела приемлет и намерения целует».

Несомненно, все вы, кто был в храме в пасхальную ночь, испытали необыкновенный восторг... Души наши ликовали, преисполненные чувством благодарности к нашему Господу Спасителю за дарованную всем нам вечную жизнь. Ведь воскресший Христос возвел род людской от земли к Небу, придал существованию человека возвышенный и благородный смысл.

Душа человека жаждет вечной счастливой жизни. Ищет ее... И потому к светлой заутрени так стремятся люди в храм Божий. И не только верующие, но и те, кто своим сознанием далек от христианской религии. Идут они сюда не просто посмотреть на торжественность христианской службы. Их душа, данная Богом каждому человеку при его рождении, тянется к свету незаходимого Солнца Правды, стремится к истине. А верующие люди в эту святую ночь с особой силой ощущают преизобильно излившуюся светлую радость Воскресения Христова. И неудивительно. Воскресение Христа — это основа нашей веры, это нерушимая опора в нашей земной жизни.

Своим Воскресением Христос дал людям постигнуть истинность Своего Божества, истинность Своего высокого учения, спасительность Своей смерти. Воскресение Христа — это завершение Его жизненного подвига. Иного конца не могло быть, ибо это прямое следствие нравственного смысла Христовой жизни. Если бы Христос не воскрес, — говорит апостол Павел, — то напрасна и проповедь наша, тщетна и вера наша. Но Христос воскрес и совоскресил с собою все человечество! Спаситель принес на землю людям совершенную радость. И потому в пасхальную ночь мы слышим в церкви песнопение и сами принимаем участие в этом пении: «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небеси, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славити». О даровании людям этой великой радости Он просил Своего Небесного отца в молитве перед крестными страданиями: «Освяти их истинною Твоею... чтобы они имели в себе радость Мою совершенную» (Ин. 17, 17, 13). И вот с Воскресением Христа человеку открылся новый мир святости, истины, блаженства.

При Своей земной жизни Спаситель произносил неоднократно драгоценные для верующей души слова: «Я живу, и вы будете жить» (Ин. 14, 19), «Мир Мой даю вам» (Ин. 14, 27), «Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна» (Ин. 11). Новая жизнь открылась для человека. Ему дана возможность умереть для греха, чтобы воскреснуть со Христом и с Ним жить. Апостол Павел в Послании к римлянам говорит: «Если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения. Если мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с ним».

«Пасха, двери райские нам отверзающая», — поем мы в Пасхальном каноне. Не бывает радости светлее, чем наша пасхальная радость. Ибо мы радуемся тому, что в Воскресении открылась наша вечная жизнь. Наша радость пасхальная — это радость о преображении (изменении) всей нашей жизни в жизнь нетленную, в стремлении нашем к неумирающему добру, к нетленной красоте. Мы празднуем ныне совершение величайшего таинства — Воскресения Христова, победу Жизнодавца над смертью! Наш Спаситель восторжествовал над злом и тьмою, и потому так ликующе-радостно пасхальное богослужение нашей Православной Церкви.

Верующие ожидали этой торжественной службы, готовя себя к ней долгие недели святой сорокадесятицы¹. И естественно, что теперь неизъяснимой радостью наполнены их сердца. Глубочайший смысл Воскресения Христова — в вечной жизни, которую Он даровал всем Своим последователям. И вот Его последователи, вот уже более 2000 лет непоколебимо верят не только в то, что Христос воскрес, но и в свое грядущее воскресение для вечной жизни.

Во время Своей земной жизни Христос Спаситель много раз говорил о Себе как носителе жизни и воскресения, как источнике жизни вечной, нескончаемой для тех, кто будет верить в Него. Но тогда эти слова Божественного Учителя были непонятны не только народу, слушавшему Его, но и Его ученикам и апостолам. Смысл этих слов стал понятен только после Воскресения Христа.

¹ Святая сорокадесятица — Великий пост, длящийся 40 дней.

Только тогда и апостолы, и ученики Его поняли, что Он, действительно, Владыка жизни и Победитель смерти. И пошли они с проповедью по всему миру.

«Христос воскрес!» — этими ликующе-радостными словами христиане приветствуют друг друга в течение 40 дней, до дня Вознесения Господня. Дивные два слова, выражающие непоколебимую веру в отраднейшую для сердца человеческого истину о нашем бессмертии. Христос есть Жизнь! Христос воскрес! — и да возрадуется душа наша о Господе. Христос воскрес! — и исчезает страх перед смертью. Христос воскрес! — и наши сердца наполняются радостной верой, что вслед за Ним воскреснем и мы.

И мы с вами в эти дни ликуем и радостно празднуем, восхваляя и прославляя подвиг победы Божественной любви. Праздновать Пасху — это значит всем сердцем познать силу и величие Воскресения Христова. Праздновать Пасху — это значит всем сердцем и помышлением благодарить и прославлять Бога за неизреченный дар Его — дар воскресения и любви. Праздновать Пасху — это значит стать новым человеком. Христос воскрес! Распахнем же сердца наши навстречу Страдавшему и Умершему и Воскресшему нас ради. И Он войдет, и наполнит собой и Светом Своим жизнь нашу, преобразив наши души. А мы, в ответ на это, с любовью устремимся за ним по нашему крестному пути, ибо в конце его, несомненно сияет и наше воскресение в жизнь вечную».

4. Прочитайте фрагменты из романа И. Шмелева «Лето Господне». Выделите ключевые слова и образы, передающие авторское видение праздника Рождества Христова.

...В Сочельник обед не полагается, а только чаек с сайкой и маковой подковкой. Затеплены все лампадки, настланы новые ковры. Блестят развязанные дверные ручки, зеркально блестит паркет. На столе в передней стопы закусовых тарелок, «рождественских», в голубой каемке. На окне стоят зеленые четверти «очищенной», — подносить народу, как поздравлять с Праздником придут. В зале — парадный стол еще пустынный, скатерть одна камчатая. У изразцовой печи, пышет от нее, не дотронуться, — тоже стол, карточно-раскрытый, — закусовой: завтра много наедет поздравителей. Елку еще не внесли: она мерзлая пока еще в высоких снях, только после Всенощной ее впустят...

...Мороз, ночь, ясные такие звезды, — и гу-ул... все будто небо звенит, гудит, — колокола поют. До того радостно поют, будто вся тварь играет: и дым над нами, со всех домов, и звезды в дыму играют, сияние от них веселое.

...Вся церковь воссияла, все паникадила загорелись... все так и замерли, ждут. И так ах-нуло — «С нами Бог»... — как громом, так и взыграло сердце, слезами даже зажгло в глазах, мурашки пошли в затылке...

...Такого пения, говорили, еще и не слыхали: будто все Херувимы-Серафимы трубили с неба. И я почувствовал радость, что с нами Бог. А когда запели «Рождество Твое, Христе Боже наш, воссия мирови свет разума...» — такое во мне радостное стало... и я будто увидал вертеп-пещерку, ясли и пастырей, и волхвов... и овечки будто стоят и радуются.

... Идешь из церкви. Все — другое. Снег — святой. И звезды — святые, новые, рождественские звезды. Рождество! Посмотришь в небо. Где же она, та давняя звезда, которая волхвам явилась? Вот она: над Барминихиным двором, над садом! Каждый год — над этим садом, низко. Она голубоватая, Святая. Бывало, думал: «Если к ней идти — придешь туда. Вот, прийти бы... и поклониться вместе с пастухами Рождеству!..»

Рождество... Чудится в этом слове крепкий морозный воздух, льдистая чистота и снежность. Само слово это видится мне голубоватым. Даже в церковной песне —

Христос рождается — славите!
Христос с небес — срящите! —
слышится хруст морозный.
Синеватый рассвет белеет.

Снежное кружево деревьев легко, как воздух. Плавает гул церковный, и в этом гуле шаром всплывает солнце. Пламенное оно, густое: солнце на Рождество. Всплывает огнем за садом. Сад — в глубоком снегу, светлеет, голубеет. Вот побежало по верхушкам; иней зарозовел; розово зачернелись галочки, проснулись; брызнуло розоватой пылью, березы позлатились, и огненно-золотые пятна пали на белый снег. Вот оно, утро праздника — Рождество.

В детстве таким явилось — и осталось.

5. Прочитайте стихотворение "Weihnachtslied" Т. Штрёма. Проследите соотношение концептов «праздник», «чудо» и «радость» и укажите, какие лексические средства использует автор для передачи этой концептуальной связи на языковом уровне.

Vom Himmel in die tiefsten Klüfte
Ein milder Stern herniederlacht;
Vom Tannenwalde steigen Däfte
Und hauchen durch die Winterlüfte,
Und kerzenhelle wird die Nacht.

Mir ist das Herz so froh erschrocken,
Das ist die liebe Weihnachtszeit!
Ich höre ferne Kirchenglocken
Mich lieblich heimatlich verlocken
In märchenstille Herrlichkeit.

Ein frommer Zauber hält mich wieder,
Anbetend, staunend muß ich stehn;
Es sinkt auf meine Augenlider
Ein goldner Kindertraum hernieder,
Ich fühl's, ein Wunder ist geschehn.

Тема III.7. Концепт «святость»

1. На основе словарной дефиниции лексемы святой у В. Даля проанализируйте семантику этого слова: выявите основные значения (семемы) этого слова, затем определите основные и периферийные семантические компоненты каждой семемы, т. е. отдельные семы.

Святой, духовно и нравственно непорочный, чистый, совершенный; все, что относится к Божеству, к истинам веры, предмет высшего почитания, поклонения нашего, духовный, божественный, небесный. Святой Дух, третья ипостась, выражающая деятельность Божественную. о человеке: непорочный и угодный Богу, первообраз человека. Святые делятся церковью на лики, ряды: Св. Праотцы, древние патриархи, ветхозаветные праведники: Адам, Ной, Авраам и пр. Пророки, все ветхозаветные, пред-

рекавшие пришествие Христа, а последний Предтеча, Креститель. Апостолы, кроме 12 еще семьдесят; Равноапостольные: Мария Магдалина, Владимир Киевский и пр. Святители, Св. Отцы, пастыри и учителя, преемники апостолов и епископы; мученики, страстотерпцы и исповедники, убитые за веру свою; иные из них великомученики, а если они притом были и пастырями, то священномученики; преподобные, б. ч. пустынножители, подвижники, отрекшиеся от мира, скитальцы, в числе их и верижники, столпники, юродивые и блаженные; есть и преподобные мученики. Постники и великопостники, томившие себя сухоядением и голодом; милостивые и бессребренники, раздававшие все мирское стяжание свое; затворники, налагавшие на себя одиночество; молчальники, принимавшие обет немоты. Иным придаются звания чудотворцев, за чудеса, ими содеянные; Богоносцев, носивших в сердце своем Бога; праведники вообще угодники Божии. Иных чествуют: славномучениками, многострадальными и пр. Святая святых, святейшее место, тайник святых; в ветхозаветной скинии и в Иерусалимском храме: задний притвор, где был ковчег завета, где ныне у нас алтарь. Святым зовут вообще все заветное, дорогое, связанное с истиною и с благом. Святая отчина. Это мой святой долг. Слово свято, нерушимо. Святой угол, где киот и иконы. Одно слово — аминь, а святые дела вершит! В день свят суеты спят. Разоделся как в свят день до обедни (после обедни во многих местах праздничное платье сымается). Что Бог дал, свято! Святвечер, канун Рождества, рождественский сочельник. Святая неделя, пасхальная, пасха. Святая ж. пасха, светлое Христово воскресенье, велик-день. Святая пришла, благодать Божью принесла. На Святой да на Блговещение солнышко на восходе играет. От Святой до Вознесенья люди христосуются. Святость ж. состоянье святого. Святость присяги; — церкви. *Стар.* святыхня, святые предметы либо вещи, чтимые верою. Святить что, чтить или блюсти свято, хранить в святости, нерушимо. Помни день субботний, еже святити его, Исх. Освящать, посвящать, делать святым, по церковному чиноположению. На Иордань пошли, воду святить. Новые знамена святили. Несвященной иконе не молятся. Хоть его святи не святи, а оно все в бо-

лото лезет (сказал хохол, уронив на улице в грязь пасхального поросенка). -ся чествоваться за свято, прославляться всеми, как святыня. Да святится имя Твое! Освящаться или быть святому. Святки *м. мн.* время от Рождества до Крещения. Святитель *м.* священноначальник, архиерей, *епископ*. Святюк *м. стар.* свято, великий праздник, святдень. Я ношу платьеце это только в святдень до обеда! берегу его. Святыня *ж.* святость, что кому свято, чему поклоняемся, что чтим нерушимо. Береги совесть, как святыню. Священник со святынею пришел, с крестом и евангелием. Святцы, *церк.* книга; месяцеслов, с полным означеньем на всяк день памяти святым; пасхалия, тропари и кондаки, избранные каноны и молитвы. Двенадцать икон, с изображеньем святых, по-денно чтимых; это святцы личные, в лицах. Святейший, -шество, почет православных патриархов и синода. Священный, святой; освященный; заветный, нерушимый. Священное писанье. Слово Божье, Ветхий и Новый Завет. Священная утварь, церковная. Священник, иерей, пресвитер, рукоположенный служитель алтаря, совершающий *св.* тайны. Наречия свято и священно, слитно с другими словами, образуют сложные слова, *б. ч.* по себе понятные. Священноархамандрит, архимандрит настоятель монастыря, -блаженный, ублажаемый *свт.* церковью святитель. -вованье, -действие, -действие, отправленье литургии, самая служба Божественная, по уставу. -действенник, -действитель, -вователь, -детель, совершитель священнослуженья. -действенный, к сему *относящ.* священноинок, иеромонах; -исповедник, священнослужитель, потерпевший мученья за веру. -мученик, священник, пострадавший за веру. -началие, -начальство *ср.* иерархия, церковная власть. -служитель, ставленный в чин, иерей и диакон; Церковное священнопопение.

2. Прочитайте фрагмент проповеди митрополита Калининградского и Смоленского Кирилла (с 2009 года — Патриарха Московского и всея Руси) на день памяти преподобного Серафима Саровского (15. 01. 2006)¹. Укажите, какое из выделенных вами на основе словарной статьи значений лексемы святой является

¹ Преподобный Серафим Саровский (1754—1833), в миру Прохор Мошнин — один из величайших святых Русской Православной Церкви, чудотворец.

главным в тексте. Выявите в тексте ключевые слова, раскрывающие концепт «святость». Проследите соотношение в концепте «святость» категорий «Божественное» и «человеческое» и назовите языковые средства, раскрывающие это соотношение. Укажите, как концепт «святость» связан с категорией «вера».

...Сердечно поздравляю с праздником памяти святого преподобного отца нашего Серафима Саровского, престольным праздником нашего храма в Светлогорске, и радуюсь, что Господь меня снова благословил быть здесь вместе с вами и совершить Божественную Литургию...

Святой преподобный Серафим поразил своих современников особенным образом жизни. Это был человек, который уже в достаточно просвещенное время, в девятнадцатом веке, уединился даже из своего собственного монастыря и значительную часть своей жизни провел в пустыни, т. е. в непроходимом лесу. Его житие хорошо известно. И в этом житии есть нечто такое, что повторяет подвиг и других преподобных отцов. Известно, например, что к преподобному приходил медведь, никогда его не трогал, а он его кормил хлебом. Но известно также и то, что в других житиях мы не находим: особый подвиг преподобного Серафима, который выразился в тысячедневной молитве на камне. Тысячу дней и ночей, только прерываясь для короткого сна и принятия пищи, святой преподобный угодник Божий молился на камне... И вот возникает вопрос: как этот пожилой человек, физически слабый, мог совершить этот подвиг?.. Для того, чтобы понять силу этого подвига, достаточно спросить любого самого сильного олимпийского чемпиона... сколько дней он бы мог и ночей простоять на камне? Я думаю, что пару часов, а потом бы никаких сил у этого атлета не хватило... Так какой же силой преподобный стоял и молился? Конечно, силой Божией. А о чем это говорит нам, о чем свидетельствует этот пример? О том, что сила Божия может соединиться с человеческой силой. Бог не автономно и не отдельно пребывает, Он вместе с нами, через Сына Своего Иисуса Христа. Ведь для этого и воплотился Сын Божий, чтобы Бог вошел в человеческую семью, чтобы не было средостения между Богом и человеком, и никакого сейчас средостения нет, и нам достаточно только имя Божие с верой призвать, и Бог рядом с нами, и Своей всемогущей силой Он способен укреплять нашу немощную человеческую силу.

Вот этот удивительный пример преподобного Серафима помогает понять, как надо строить жизнь. Ведь каждый из нас имеет какие-то земные цели... А как иногда трудно достигать этих целей, как трудно выполнять все обязательства, как мы часто собой бываем недовольны за нашу немощь, за нашу слабость, за нашу неуспешность, за то, что у нас голова болит или спина болит, что мы не можем сделать то, что хотим сделать. К каким иногда катастрофическим последствиям приводит неуспех людей на высоком общественном и государственном уровне, к невероятным личным, семейным катастрофам. Не справился, оказался слабее другого! И злость, и зависть...

Вот достаточно взглянуть на этот образ святого преподобного Серафима, на этого согбенного старичка на камне, чтобы стало понятно, как мы должны жить. Ведь Господь нас с вами на камне не призывает, Господь не сказал нам: «Идите в пустыню все как один, становитесь монахами, живите в лесу, молитесь на камнях». Ничего ведь подобного... Он предлагает нам жить в миру, возрастать, вступать в брак, иметь детей; а у кого нет детей, нет брака, жить своей жизнью, которая тоже имеет ценность перед Богом. Заниматься работой, улучшать мир вокруг нас — вот, к чему Господь нас призвал. Когда у нас не хватает наших сил, когда мы в немощи, когда в скорби, когда в неудаче, особенно должны помнить, что Господь силой Своей способен восполнить нашу немощь, нашу неудачу, нашу неумелость, нашу болезнь, как Он восполнил Своей силой болезнь и слабость преподобного Серафима, сделав из него гения духа...

Вот этот удивительный пример согбенного старца на камне должен у каждого нормального человека возбудить мысль о том, что «ведь если ему Бог так помогал, почему мне не помочь?» А ответ очень простой: святой Серафим жил верой. Серафим — «пламенеющий любовью к Богу» — так переводится с еврейского это имя. Пламенеющий любовью к Богу! А где наша с вами любовь к Богу? ...А ведь иногда бывает так, что вначале все свои дела сделаем, а потом и в церковь пойдём, а если чего-то не сделали, земного, то говорим: «Я сегодня занят, я сегодня в храм не пойду». Занят чем? Достижением вот этих вот своих человеческих целей? А почему же мы тогда просим, чтобы нам Бог помог,

если мы для Него заняты, если Он у нас на «остаточном принципе»? Вот если мы к Богу будем относиться по «остаточному принципу», то и Бог к нам будет по «остаточному принципу». И если мы где-то в моменты невзгод, а ведь чаще всего так к Богу обращаемся, когда становится плохо, когда заболели мы, наши родные, близкие, когда скорбь, уныние, ведь тогда ноги в церковь и сами идут, и приходим и начинаем Бога просить. Вот интересно, если бы мы так к своему начальству относились — вспоминали бы о нем только тогда, когда нам плохо, а свои бы обязательства не выполняли — так нас бы начальство из кабинета погнало, когда мы к нему пришли за помощью.

Бог нас не гонит из Своего кабинета, Бог нас всех принимает, даже тех, кто приходит, как говорил Иоанн Златоуст, в одиннадцатый час, то есть те, которые «по остаточному принципу» приходят, и то Бог принимает. Но давайте приходите к Господу, даже в одиннадцатый час, а уж если хотим действительно, чтобы Бог помогал, то не в самый поздний час надо приходиться, а приходиться к Богу всякий раз, когда этого особенно требует наше сердце. Вот тогда мы будем с вами жить религиозной жизнью, когда Бог будет в центре этой жизни. А если Бог будет в центре этой жизни, мы будем пламенеть к Нему любовью. Как пламенеют люди любовью к деньгам, когда деньги в центре жизни? Голову теряют и все забывают, и больше этой любви ничего нет. Вот мы и должны любить Бога так, чтобы пламенело все естество наше любовью. И тогда все приложится: и успех материальный, и здоровье, и благополучие, а если даже и немощь какая-то посетит нас, и болезни, будем правильно это воспринимать, как посещение Божие — с силой, и мужеством, и мудростью, преодолевая тяжкие обстоятельства жизни.

Вот всему этому учит нас, дорогие, преподобный Серафим Саровский, стоящий на камне. Давайте всегда мысленно помнить этот дивный образ Старца, согбенного, который сильнее любого самого сильного атлета, силой Божественной благодати. И будем помнить, что и мы с этой силой можем стать непомерно сильными, способными сделать все самое великое в жизни и для себя, и для семьи, и для Отечества своего, потому что этой силой духов-

ной всегда был силен наш народ. Вот дай Бог, чтобы сегодня, опираясь на силу Божию и употребляя свои собственные силы, мы действительно делали то, что должны сделать, прославляя имя Божие, служа ближним своим и Отечеству своему. И тогда преподобный Серафим Саровский будет нашим молитвенником и ходатаем пред Богом.

3. Прочитайте фрагменты детских воспоминаний Н. Аксаковой о преподобном Серафиме Саровском. На основе текста раскройте сущность соотношения концептов «святость» и «любовь» в рамках категории «вера».

Не могу теперь вспомнить, за дальностью времени, ближайших причин, побудивших отца моего и мать сняться с гнезда своего в Нижнем Новгороде и отправиться в Муромские леса, забрав с собою всю громадную семью и чуть ли не всю дворню... В церковь попали лишь к обедне. Отца Серафима у служб не было, и народ прямо из церкви повалил к тому корпусу, в котором находился монастырский приют отшельника. К богомольцам примкнула и наша семья. Долго шли мы под сводами нескончаемых, как мне тогда казалось, темных переходов. Монах со свечей шел впереди. «Здесь», — сказал он и отпер замок, висевший у низенькой узкой двери, вделанной вглубь толстой каменной стены. Нагнувшись к двери, старик проговорил обычное в монастырях приветствие: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий помилуй нас». Но ответного «Аминь» как приглашения войти не последовало.

— Попробуйте сами, не откликнется ли кому из вас, — сказал старик вожатый, обращаясь к богомольцам. Обычный возглас у закрытой двери повторил и отец мой, и другие... Отец Серафим очень любил Алексея Нефедовича Прокудина. Но и на его голос не послышалось ответа.

— Коли вам, Алексей Нефедович, не ответил, стало быть, старца-то и в келии нет, — сказал монах. — Идти, разве, понаведаться под окном, не выскочил ли он, как послышался грохот ващего поезда на дворе.

Мы вышли за седеньким вожатым и, обогнув угол корпуса, очутились на небольшой площадке, под самым окном отца Серафима. На площадке этой между двумя древними могилами действительно оказались следы от двух обутых в рабочие лапти ног.

— Убёг, — озабоченно проговорил седенький монашек, смущенно поворачивая в руках ненужный теперь ключ от опустевшей келии.

После панихиды отец игумен благословил нас, богомольцев, отыскивать отца Серафима в бору. — Далекоему не уйти, — утешал игумен, — ведь он, как и отец наш Марк, сильно калечен на своем веку. Сами увидите: где рука, где нога, а на плечике горб. Медведь ли его ломал... люди ли били... ведь он что младенец — не скажет. А все вряд ли вам отыскать его в бору. В кусты спрячется, в траву ляжет. Разве сам откликнется на детские голоса. Забирайте детей-то побольше, да чтоб наперед вас шли.

— Непременно бы впереди бегли! — кричал еще игумен вслед уже двинувшейся к лесу толпе.

Весело было сначала нам одним, совсем одним, без присмотра и без надзора, бежать по мягкому, бархатному слою сыпучего песка. Лес становился все гуще и рослее. Нас все более и более охватывало лесной сыростью, лесным затишьем и терпким непривычным запахом смолы. Под высокими сводами громадных елей стало совсем темно... По счастью, где-то вдалеке блеснул, засветился солнечный луч между иглистыми ветвями, и скоро все в рассыпную выбежали на зеленую, облитую солнцем поляну.

Смотрим — около корней отдельно стоявшей на полянке ели работает, пригнувшись чуть ли не к самой земле, низенький, худенький старец, проворно подрезая серпом высокую лесную траву. Серп же так и сверкает на солнечном припеке.

Заслышав шорох в лесу, старичок быстро поднялся, насторожившись, посмотрел в нашу сторону и затем, точно вспугнутый заяц, проворно шарахнулся к чаще леса. Но не успел добежать, запыхался, робко оглянувшись, юркнул в густую траву и скрылся у нас из виду.

Тут только вспомнился нам родительский наказ при входе в бор, и мы чуть ли не в двадцать голосов дружно крикнули: «Отец Серафим! Отец Серафим!»

Случилось как раз то, на что надеялись монастырские богомольцы: заслышав неподалеку от себя звук детских голосов, отец Серафим не выдержал, и голова его показалась из-за высоких стеблей лесной травы. Приложив палец к губам, он умильно по-

глядывал на нас, как бы упрашивая ребяток не выдавать его старшим, шаги которых уже слышались в лесу.

...Непригляден был вид лесного отшельника. Смоченные трудовым потом желтоватые волосы пустытника мягкими прядями лежали на высоком лбу; искусанное лесной мошкаркой лицо его пестрело запекшимися в морщинах каплями крови. Но когда, протопав к нам дорожку через всю траву, он, опустившись на траву, поманил нас к себе, крошка Лиза первая бросилась старичку на шею, прильнув нежным лицом к его плечу, покрытому рубищем.

— Сокровища, сокровища, — приговаривал он едва слышным шепотом, прижимая каждого из нас к своей худенькой груди.

Мы обнимали старца, а между тем замешавшийся в толпу детей подросток Сема, побежал со всех ног обратно в сторону монастыря, зычно выкрикивая:

— Здесь, сюда. Вот он... Вот отец Серафим. Сю-да-а!

Нам стало стыдно. Чем-то вроде предательства показались нам и выкрикивания наши, и наши объятия. Еще стыднее стало нам, когда две мощные запыхавшиеся фигуры, не помню, мужчин или женщин, подхватили старца под локотки и повели к высыпавшей уже из лесу куче народа. Опомнившись, мы бросились вдогонку за отцом Серафимом...

Опередив своих непрошенных вожатых, он шел теперь один, слегка прихрамывая, к своей хибарке над ручьем. Подойдя к ней, он оборотился лицом к поджидавшим его богомольцам. Их было очень много.

— Нечем мне угостить вас здесь, милые, — проговорил он мягким сконфуженным тоном домохозяина, застигнутого врасплох среди разгара рабочего дня. — А вот деток, пожалуй, полакомить можно, — вспомнил он, как бы обрадовавшись собственной догадке. И затем, обратившись к нашему старшему брату, сказал: — Вот у меня там грядки с луком. Видишь? Собери всех деток, нарежь им лучку, накорми их лучком и напои водой из ручья.

Мы побежали вприпрыжку исполнять приказание отца Серафима и присели между грядками на корточках. Лука, разумеется, никто не тронул. Все мы, залегши в траве, смотрели из-за нее на старичка, так крепко прижавшего нас к груди своей. Получив его

благословение, все богомольцы стали поотдадь почтительным полукружием и так же, как и мы, смотрели на него издали.

Много было тут лиц, опечаленных недавним горем, — большинство крестьянок было повязано в знак траура белыми платками. Дочь старой няни нашей, недавно умершей от холеры, тихо плакала, закрыв лицо передником.

— Чума тогда, теперь холера, — медленно проговорил пустыжник, будто припоминая про себя что-то давно-давно минувшее.

— Смотрите, — громко сказал он, вот там ребятишки срежут лук, не останется от него поверху земли ничего... Но он поднимется, вырастет сильнее и крепче прежнего... Так и наши покойнички! — и чумные, и холерные... и все восстанут лучше, краше прежнего. Они воскреснут. Воскреснут. Воскреснут все до единого...

Не к язычникам обращался пустыжник с вестью о воскресении. Все, тут стоявшие, твердили смолоду «о жизни будущего века». Все менялись радостным приветствием в «Светлый день». А между тем это громкое «воскреснут, воскреснут», провозглашенное в глухом бору устами, так мало говорившими в течение жизни, пронеслось над поляной как заверение в чем-то несомненном, близком.

Стоя перед дверью лесной своей хижинки, в которой нельзя было ни встать, ни лечь, старец тихо крестился, продолжая свою молитву, свое немолчное молитвословие... Люди не мешали ему, как не мешали непрестанной его беседе с Богом ни работа топором, ни сенокос, ни жар, ни холод, ни ночь, ни день. Молился и народ.

Отец Серафим поманил к себе Прокудина рукой:

— Скажи им, — сказал он, чтоб напились скорей из этого там родника. В нем вода хорошая. А завтра я буду в монастыре. Непременно буду.

Когда все, утолив жажду, оглянулись, отца Серафима уже не было на пригорке перед его хибаркой. Только вдали за кустами шуршал серп, срезая сухую лесную траву.

В обратный путь к монастырю мы шли уже одни. При выходе из лесной темноты сестренка моя Лиза — та самая, которую так обнимал отец Серафим, называя ее сокровищем, — крепко сжала мою руку и, взглянув мне в лицо, проговорила: «Ведь отец Серафим только кажется старичком, а на самом деле он такое же дитя, как ты, да я. Не правда ли, Надя?»

Много с тех пор видала я и умных, и добрых, и мудрых глаз... но никогда с тех пор не видала я таких детски ясных, старчески прекрасных глаз, как те, которые в это утро так умильно смотрели на нас из высоких стеблей лесной травы. В них было целое откровение любви...

4. Прочитайте фрагмент Жития преподобного Саввы Сторожевского¹ «О явлении преподобного Саввы принцу Евгению Богарне»². Установите соотношение концептов «святость» и «чудо», выявите лексические средства реализации последнего концепта в тексте.

Это произошло в 1812 году, когда наше Отечество было разорено громадными полчищами французского императора Наполеона Бонапарта. В то время как он овладел Москвой, принц Евгений Богарне, пасынок Наполеона, вице-король Итальянский, с двадцатитысячным отрядом подошел из Москвы к Звенигороду. Он занял комнаты в Сторожевской обители, а его солдаты рассеялись по монастырю и начали грабить обитель, не щадя даже храмов и святых икон. Но сам Преподобный своим явлением устранил и вразумил дерзких грабителей. Однажды вечером принц Евгений, не раздеваясь, лег и уснул, и вот, наяву или во сне — он сам не знал того — видит, что в комнату входит какой-то благообразный старец в черной длинной иноческой одежде и подходит к нему так близко, что он имел возможность при лунном свете рассмотреть черты его лица и грозный его взгляд. Явившийся сказал: «Не вели войску своему расхищать монастырь, особенно уносить что-либо из церкви; если ты исполнишь мою просьбу, то Бог помилует тебя, и ты возвратишься в свое отечество целым и невредимым». Устрашенный видением, принц отдал утром при-

¹ Преподобный Савва Сторожевский (ум. 1406) — один из первых учеников великого русского святого, преподобного Сергия Радонежского, основавший по просьбе князя Юрия Дмитриевича (сына Дмитрия Донского), Рождество-Богородицкий монастырь в Звенигороде.

² *Житие и чудеса преподобного Саввы Сторожевского, Звенигородского чудотворца*. Звенигород: Изд-во Саввино-Сторожевского ставропигиального мужского монастыря, 2001.

каз, чтобы отряд его возвратился в Москву, а сам вошел в соборную церковь и при гробе преподобного Саввы увидел образ того, кто являлся ему ночью, и, узнав, чей это образ, с благоговением поклонился мощам Преподобного и записал о случившемся в своей книжке. Потом принц велел запереть соборный храм, запечатал его своею печатью и приставил к дверям храма стражу из тридцати человек.

Согласно предсказанию преподобного Саввы, принц Евгений, в отличие от всех остальных главных военачальников Наполеона, остался цел и нигде в сражениях после того не был даже ранен.

Но на этом история не закончилась. Она имеет свое не менее удивительное продолжение в наше время. Весной 1995 года в Звенигородский музей (тогда об открытии монастыря еще и речи не было) приехала монахиня одного из православных французских монастырей матушка Елисавета — представительница рода Богарне. Сейчас матушке уже за 80 лет. Она рассказывала, что в роду герцогов Лихтенбергских (потомков сына принца Евгения Богарне — Максимилиана) существует семейное предание о том, что преподобный Савва не только предсказал Евгению Богарне возвращение невредимым из России, но добавил еще одну фразу, о которой не сказано ни в одном издании. Он сказал: «Твои потомки вернутся в Россию». И это пророчество исполнилось. В 1839 году в Россию, на праздник, посвященный годовщине Бородинской битвы, приехал сын Евгения Богарне — Максимилиан, герцог Лихтенбергский. От него в России и узнали историю, произошедшую с принцем Евгением Богарне в Саввино-Сторожевском монастыре в далеком уже 1812 году. Герцог Максимилиан вместе с императорской семьей посетил Сторожевскую обитель и поклонился мощам преподобного Саввы, как и обещал своему умирающему отцу. В том же году он сделал предложение Великой княжне Марии Николаевне, любимой дочери Государя Николая I. После получения Высочайшего согласия на брак герцог принял православие, и после свадьбы молодожены поселились в Санкт-Петербурге, где на Невском проспекте и сейчас можно видеть дворец герцогов Лихтенбергских. Потомки Максимилиана жили там до революции. Летом 1917 года, в связи с «неразберихой» в стране, семья герцогов Лихтенбергских уехала во

Францию к родственникам, взяв с собой ценные вещи и бумаги, продав земли и часть недвижимости. Октябрьский переворот застал их в Париже. Так что можно сказать, что и революция их не коснулась. Лихтенбергские живут во Франции почти весь XX век, но, по словам матушки Елисаветы, практически все они — православные и носят русские имена. А преподобного Савву почитают как своего небесного покровителя.

Есть версия (пока, правда, никем не подтвержденная и не опровергнутая), что, уже находясь на смертном одре, вице-король Итальянский Евгений Богарне был крещен по православному обряду с именем Евгений. И уже абсолютно исторический факт — вскоре после наполеоновских походов недалеко от Парижа была построена часовня во имя преподобного Саввы. Савва Сторожевский — один из немногих (если не единственный) из русских святых, известных и почитаемых во Франции в XIX веке, причем не только жившими в Париже русскими, но и французами.

Тема III.8. Категория «творчество»

1. На основе словарной статьи В. Даля опишите семантическую структуру глагола творить и однокоренных слов.

Творить что, давать бытие, сотворять, созидать, создавать, производить, рождать. Один Бог творит. Древо доброе плоды добры творит, Матф. Творить умом, созидать научно или художественно. Производить, делать, исполнять, чинить. Творить милостыню. Кому служу, того и волю творю. Творенье, *действ.* по глаг. Все созданное, сотворенное; создание, тварь. Всякое творенье ведаёт Творца. Сочинения, и вообще все, созданное умом человека. Бессмертные творения знаменитых писателей. Творения Брюллова. И всякое творение рук человеческих бrenно. Творец, Бог, Создатель, Мироздатель. Творец неба и земли. Делатель, производитель, исполнитель, изобретатель, сочинитель, основатель. Творец оратории «Сотворение мира». Творец нынешнего, свободного быта крестьян. Отец мой творец, мать — кормилица. Подражателей много, а творцов нет. Творчество *ср.* творенье, сотворенье, созидание, как деятельное свойство; творческий, ко творцу и ко творчеству относящ. Творчество поэта, живописца и ваятеля является во образах: в речах, в очерках и красках, в истукане.

2. Прочитайте стихотворение Б. Пастернака «Быть знаменитым некрасиво...» (1956) и опишите представленный в нем концепт «творчество поэта». Для этого проследите, как раскрывается этот концепт на языковом уровне: какими лексемами представляется, с какими образами ассоциативно связан, какую эмоционально-оценочную нагрузку несут выражающие концепт слова, какие метафоры использует автор и с какой целью.

Быть знаменитым некрасиво.
Не это подымает ввысь.
Не надо заводить архива,
Над рукописями трястись.

Цель творчества — самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.

Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов.

И надо оставлять пробелы
В судьбе, а не среди бумаг,
Места и главы жизни целой
Отчеркивая на полях.

И окунаться в неизвестность,
И прятать в ней свои шаги,
Как прячется в тумане местность,
Когда в ней не видать ни зги.

Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать.

И должен ни единой долькой
Не оступаться от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.

3. Прочитайте отрывки из глав (1, 2) книги русского философа И. А. Ильина «Основы художества. О совершенном искусстве». Раскройте связь категории «творчество» с концептами «радость», «служение», «духовность», категорией «ответственность», проследите, каким образом взаимосвязь этих концептуальных структур выражается на лексическом уровне.

Искусство есть служение и радость. Служение художника, который творит свои создания для того, чтобы вовлечь и нас в сослужение с собою.

Радость художника, создающего и вот создавшего в своем произведении новый способ жизни и подарившего нам, воспринимающим его создание, эту незаслуженную нами радость...

Понимают ли это люди? Помнят ли ныне об этом народы, мятущиеся и соблазняемые в духовной смуте? Знают ли они вообще, что такое служение и радость?

Радость... Она доступна не всякому; и мало кто ищет ее. Ибо она от духа и предполагает в человеке торжество духовного начала. Она рождается из любви, страдания и одоления; из души, прожженной и очищенной огнем духа. Не из скуки, когда душа томится в безразличии и требует развлечения; не из пустой души, не знающей, чем заполнить свою пустоту; не из утомления и переутомления, требующего все новых раздражений и небывалой остроты. И тем, кто умеет только томиться в безразличии, скучать в пустоте и переутомляться, радость недоступна. Она доступна лишь тому, кто искал немнимое, подлинное совершенство, испытал его и пленился им; искал его во всем — в себе и в людях, в человеческих делах и в природе, в знании и в созерцании, в небесах и на земле; и вот, одолев препятствия и трудности, пройдя через страдания и разочарования, одолел и обрел. Он страдался до победы и озарения; и радость его тем подлиннее и глубже, чем чище и трепетнее, чем сильнее была его любовь, и чем на-пряженнее были его искания.

Вот почему радость есть духовное состояние, она ликует творческим ликованием, она сияет Божьими лучами. И настоящее искусство есть именно такая радость. В нем удовлетворяется жажда со-

вершенного. Не смолкли и никогда не смолкнут голоса Шиллера и Бетховена: «Радость, искра Божества // Дщерь прелестная небес»¹.

Все великое в искусстве родилось из служения. А именно из ответственного благоговейного служения... Он (художник) творит из некоей внутренней, духовной очевидности, она владеет им, но он сам не властен над нею. Именно потому его творчество непроизвольно; и вносить свой произвол в создаваемое — по каким бы то ни было посторонним соображениям («прислуживания», «моды» или «успеха») — ему не позволяет именно его служение и художественная ответственность. То, что художник дает людям, это не просто звуки, или слова, или живописные образы в линиях и красках. Ради этого искусству не стоило бы и быть; достаточно было бы развлечений, потех и зрелищ.

Для того чтобы художественное произведение возникло, нужно некое единое, не произвольное и не случайное мерило для отбора верных звуков, точных слов, незаменимых линий... Ибо в художественном произведении все точно (определение Пушкина), все необходимо (определение Гегеля, Флобера и Чехова), в нем все верно, незаменимо, сопринципиально и потому из глубины и в глубину «убедительно». Художественное произведение подобно осуществленному закону. Нет в искусстве самодовлеющей «формы» или «самодовлеющего» способа выражения...

Художник не фокусник «форм» и не изобретатель фейерверчных эффектов;... Он служитель и прорицатель; и лишь ради этого и вследствие этого — он технический знаток и технический мастер своего искусства. И потому он призван быть всегда и до конца ответственным перед Богом артистом... Он взыскан Его даром; он ничто без этого дара, дара видения и выбора; и за применение его он отвечает перед Богом, перед своей художественной совестью и перед своим народом. То, что художник дает людям, есть прежде всего и больше всего «некий глубокий, таинственный «помысл» о мире, о человеке, о Боге, о путях Божиих и о судьбах человека и мира.

И народ, живущий духом и видением, внемлет своему художнику, празднуя его дар, его победу и его радость, как свою собственную.

¹ Строки из оды Иоганна Шиллера «К радости» (1785), которую Бетховен переложил на музыку и в качестве завершения хоровой части включил в свою Девятую симфонию.

венную. Вспомним всенародное ликование в Сиене 9 июня 1311 года, когда живописец Дуччио-ди-Буонинсеня закончил после трехлетнего труда свою монументальную икону «Majestas» для сиенского собора. Вспомним всенародные проводы Владимирской иконы Богоматери со стороны владимирцев, всенародную же встречу ее в Москве (1395 г.). Вспомним всенародные же торжества в Москве во время освящения Успенского собора в Кремле (1479 г.). Вспомним открытие памятников Петру Великому в Санкт-Петербурге и Пушкину в Москве... Бывают моменты, когда искусство становится как бы в центре всенародной духовной жизни.

Всякое произведение искусства указывает людям известный путь; оно ведет и учит. Так обстоит всегда, независимо от того, хотел сам художник кого-то «вести» и чему-то «учить» или не хотел. Изобразил ли автор «прозрачность» и «покой» или «тревогу», пропел ли он о «целомудрии и любви»... он вдвинул этим в душу зрителя и слушателя, в его воображение, в его чувство, в его внутренний опыт вместе со словами, образами и звуками и самый «предмет» свой («покой», или «смятение»). Он как бы влил свой предмет в душу внимающего, он приобщил ее к нему, заставил ее зажить им. Он как бы научил душу стать «покойной» или «смятенной»...

Понятно, что духовно значительное искусство воспитывает человека и строит его дух, а духовно ничтожное и растленное искусство развращает человека и разлагает его дух, и притом тем более, чем опьянительнее и льстивее его проявление. Вот почему художники — наши душевные врачи и воспитатели. Горе им и горе нам, если они вместо благих средств дают... яд; и вместо благих путей ведут нас к распаду и гибели. Но если они верны своему призванию, то дело их становится служением и радостью.

Современное искусство переживает глубокий и длительный кризис. Разложились его подпочвенные основы; замутились его источники; оскудел его дух. Оно перестало быть источником жизненного воздуха и света. Оно уже не призвано к духовной власти; и если проявляет еще какую-нибудь силу, то это сила крушения и распада...

Поколению, ищущему духовного подъема, расцвета и творчества, это искусство не может ничего сказать, ибо оно движется

вниз, по линии наименьшего сопротивления... Творческое поколение отвергнет его; оно примкнет к той великой, классической традиции мирового, и в частности русского, искусства, представители которой и ныне живут среди нас, обычно одинокие, непонятые и недооцененные, созидавая светлое и великое; и примкнув к этой традиции, творческое поколение создаст себе новое искусство, сильное духом, мудростью, вдохновением...

4. Прочитайте фрагменты доклада митрополита Калининградского и Смоленского Кирилла (с 2009 года — Патриарха Московского и всея Руси) на конференции «Христианство, культура, нравственные ценности» (Москва, 19—21 июня 2007). Выявите особенности категории «творчество». Для этого опишите структуру категории (укажите ее центр, периферию). Перечислите прототипические характеристики категории «творчество». Определите соотношение этой категории с категориями «жизнь», «свобода», «ответственность», «культура». В рамках категории «культура» укажите точки противопоставления концепта «(истинная) культура» и антиконцепта «антикультура».

Каждый человек обладает способностью творить, поскольку она является чертой человеческого духа. Благодаря этой способности в человеческом сообществе, несмотря на единство людской природы, наблюдается чрезвычайное многообразие обычаев, общественных укладов, политических систем.

Для христиан очевидным является происхождение творческой способности. Она дарована людям Богом. Бог является Творцом, а потому человек, созданный по Его образу и подобию, также имеет творческую способность. Творческой способности лишено все остальное в природе, кроме человека. Творчество человека является продолжением творчества Бога, создавшего этот мир. Следовательно, творчество должно развиваться и занимать в жизни человека и человеческого общества полагающееся ему место.

В чем состоит творческая способность человека? Ею обладает каждый человек, но в разной степени и в различных сферах жизни. Можно говорить как о творчестве художника, так и о творчестве простого работника или домохозяйки.

Творчество — это один из наивысших способов самореализации человека. Творческая лаборатория отдельного человека с трудом поддается описанию и определению. Это происходит по-

тому, что творчество не технологично, его нельзя описать на языке технологий. Творчество проявляется как создание идей и воплощение их в жизнь в материальной или духовной области. Изобретение идеи является подобием творческого акта Бога, который творит из ничего. Знаком того, что творчество является Божественным даром, есть то, что автор испытывает радость и высокий подъем духа, когда находится в творческом процессе.

Творчество невозможно без свободы человеческого духа. Свобода является необходимым условием появления творческих идей. Добровольный интерес к какому-либо проявлению человеческой жизни рождает в человеке предрасположенность к творчеству в этой области. Творческая способность не может в полной мере раскрыться, если на человека оказывается давление или принуждение.

Однако свобода неминуемо ставит вопрос о смысле творчества. Поискам соотношения между свободой и смыслом творчества посвящены размышления многих русских и западноевропейских умов. Что творчество дает самому автору, и как оно влияет на его душу? Что приносит людям то или иное произведение человека, и как оно влияет на них? Вопрос о содержании творчества не является праздным. Оно может обогатить жизнь автора, а может причинить ему страдание и даже привести его к гибели.

Говоря, что свобода является непременным фактором, определяющим творчество человека, я имею в виду свободу духа. Внешне человек может быть несвободным — хорошо известны примеры, когда люди творили в тюрьме. Совершенно ясно, что творчество связано с внутренней человеческой свободой. Сохраняя свободу духа, человек способен творить даже в условиях несвободы внешней.

Кроме того, есть еще один важнейший аспект личного творчества — это влияние, оказываемое произведением на других людей. Всегда есть некий зазор между замыслом, который вкладывает автор в произведение, и последующим прочтением этого произведения в обществе. Для христианства эта сторона творчества заострена до высшей точки. Господь говорит о высокой ответственности человека за то, что он делает в отношении других: «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему жерновский камень на

шею и бросили его в море» (Мк 9:42). С христианской точки зрения человеческое творчество — это всегда или соработничество с Богом, или совместный труд с лукавым.

Не бывает творчества, абсолютно нейтрального по отношению к системе нравственных и сотериологических координат: все, что делает человек, касается его спасения. Поэтому всякое творчество имеет прямое или косвенное отношение к делу спасения человека. Человек может направлять свою творческую способность на пользу зла. Также его творчество может направляться другими людьми для достижения недобрых целей. Злодей также может творческим человеком в своем деле и весьма преуспеть в осуществлении своих идей.

Существование различных проявлений творчества ставит вопрос об их присутствии и влиянии на общество. Современное общество стремится к обеспечению максимальной свободы личности, в том числе в сфере самовыражения и творчества. Такой подход породил огромное количество идей, произведений, изобретений, которые приносят не только добро и пользу, но вред человеческой жизни, а также разрушают общезнание.

Другим мощным разрушительным пластом культуры стала пропаганда легкого образа жизни, наркомании, половой распущенности, эгоизма. Такую позицию стремятся отстоять и защитить с помощью ссылки на свободу творчества и самовыражения.

К сожалению, современная культура, особенно культура популярная, часто забывает учить человека работать над собой для улучшения самого себя и окружающего мира. Человек переключается только на потребление, а его творческие силы ослабевают. Это отражается на состоянии общества, в котором уже нет активности, инноваций, изобретений. Преобладающими становятся апатия и депрессия. Поэтому современные люди нуждаются в такой культуре, которая бы помогала им лучше понять себя и справляться со своими темными сторонами.

Культура как возделывание априори предполагает совершенствование человеческой личности. Если культура или то, что называется себя культурой, не культивирует личность, не способствует ее возрастанию, то это антикультура. Единственным критерием, по которому культура отличается от антикультуры, является ее связь с нравственностью.

...Мы сегодня имеем такое устройство современного общества, при котором люди придерживаются различных мировоззренческих позиций, в том числе таких, которые не принимают христианство. Для таких людей доводы христианства могут казаться не убедительными, а потому они настаивают на свободе собственного понимания творчества, культуры и самовыражения. Поэтому мы должны ставить сегодня вопрос не о запрете того или иного проявления человеческого творчества как такового, а о том, в каких формах и в какой сфере — публичной или частной — может проявляться то или иное творчество.

Конечно, общество должно максимально поддерживать свободу личности, в том числе в сфере самовыражения и творчества, но оно вправе также решать какое творчество должно иметь общественную поддержку, а какое — оставаться уделом частной жизни человека. О какой поддержке идет речь? Это бюджетное финансирование, предоставление научных, образовательных, медийных и других площадок для проявления того или иного творчества. Возникает вопрос: должно ли общество поддерживать инициативы, направленные на разрушение человеческой нравственности? Не является ли такая политика самоубийственной для общества?

Между культурой и нравственностью существует глубочайшая связь. Критерием творчества достойного общественной поддержки, является его способность созидать мир и единство в обществе, вдохновлять человека на труд и активную жизнь, совершенствовать и развивать духовную и материальную культуру. Поэтому глубочайшая связь между культурой и нравственностью, которая существовала всегда, не может и не должна разрушаться модными идеями постмодерна. Я вижу одну из задач, которые стоят перед Церковью, перед научной общественностью, в том, чтобы путем совместных размышлений помочь современному обществу понять: потерять способность отличать добро от зла означает приоткрыть врата апокалипсиса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аврелий Августин. Исповедь / пер. с лат. М.Е. Сергеенко. СПб., 1999.

Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси. Церковь и духовное возрождение России. Т. 2: Слова, речи, послания, обращения. 1998—2000. М., 2000. URL: <http://212.188.13.168/izdat/Patriarh/149.htm> (дата обращения: 16.02.2012).

Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры : сб. ст. М., 1990. С. 5—32.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.

Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: литературные цитаты; образные выражения. М., 1987.

Бабушкин А.П. «Калейдоскопическая» образность концепта «время» // Категоризация мира: пространство и время. М., 1997. С. 148—150.

Баранов А.В., Добровольский Д.О. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. М., 2001.

Бархатова О.Н. Западноевропейская средневековая христианская картина мира : учеб. пособ. Благовещенск, 2000.

Бобылев Б.Г. Концептуальный смысл грамматических аномалий в тексте стихотворения Б. Пастернака «Единственные дни» // Язык, литература, ментальность. Курск, 2009. Ч. 1. С. 214—217.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика : курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2001.

Болдырев Н.Н. Языковое знание и языковое сознание // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. науч. тр. / РАН. Ин-т языкознания. М. ; Калуга, 2007. С. 95—108.

Бородулина Н.Ю. Метафора как способ репрезентации экономических понятий (на материале французского и русского языков) // Композиционная семантика. Тамбов, 2002. С. 190—191.

Бурова Г.П., Буров А.А. Народный целитель в аспекте когнитолингвистического описания // Духовно-нравственный потенциал России: прошлое, настоящее, будущее : сб. матер. междунар. конф. Армавир, 2007. С. 186—189.

Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998.

Вениамин (Федченков), митрополит. Пасха. М., 2007.

Вениамин (Федченков), митрополит. Размышления о двенадцати праздниках. М., 2008.

Вершкова А. Ю. Язык как зеркало современного общества // Духовно-нравственный потенциал России: прошлое, настоящее, будущее : сб. матер. междунар. конф. Армавир, 2007. С. 214—217.

Виноградов В. А. Вступительное слово при открытии круглого стола «Концептуальный анализ языка: современные направления исследования» // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. науч. тр. / РАН. Ин-т языкознания. М. ; Калуга, 2007. С. 5—6.

Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64—72.

Гаврилова Е. Д. Роль и место оценочных категорий в картине мира // Филология и культура. Тамбов, 2003. С. 50—51.

Ганичев В. Адмирал Ушаков. Исторический роман // Роман-журнал XXI век. 2001. № 6. С. 8—105.

Геляева А. И. Человек в языковой картине мира. Нальчик, 2002.

Голованова Е. И. Когнитивный подход в исторических исследованиях языка // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. науч. тр. М. ; Калуга, 2007. С. 267—275.

Головачева А. Н. Отражение национального мировоззрения в языке // Языки и межкультурная коммуникация: актуальные проблемы филологической науки : матер. конф. СПб., 2006. С. 20—23.

Гукасова Э. М. К вопросу о взаимосвязи языка и культуры // Филология и культура. Тамбов, 2003. С. 246—248.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1956.

Дмитровский А. З. Родной русский язык // Светлогорская свеча. 2007. № 1. С. 37.

Дорофеева Л. Г., Жилина Н. П., Павляк О. Н. Творчество А. С. Пушкина: христианский аспект прочтения : монография. Калининград, 2005.

Дьяченко Григорий, свящ. Полный церковно-славянский словарь. М., 2007.

Загоскин М. Н. Избранное. М. : Сов. Россия, 1991.

Иванова Г. А. Синонимы в терминологической системе метаязыка лингвистики // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6, ч. 2, т. 1. С. 199—203.

Иванова Е. В. В поисках концепта // Языки и межкультурная коммуникация: актуальные проблемы филологической науки. СПб., 2006. С. 44—46.

Иванова Е. В. Эколингвистика и метафорическая картина природы в медийном экологическом дискурсе // Перевод и сопоставительная лингвистика. Екатеринбург, 2007. С. 119—125.

Иеромонах Иов (Гумеров). Как следует оценивать христианские мотивы в творчестве Б. Л. Пастернака? // Православие.Ru. Интернет-журнал. 26. 11. 2007. URL: <http://www.pravoslavie.ru/journal/7010.htm> (дата обращения: 11.08.2009).

Камчатнов А. М. Страница из истории борьбы за церковнославянский язык : матер. ежегодной богословской конф. православного Свято-Тихоновского богословского института. М., 1997. URL: <http://www.slavdict.narod.ru/art06.htm> (дата обращения: 05.03.2009).

Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. Воронеж, 2001. С. 75—80.

Киреева А. А. К проблеме конструирования концепта (на материале концепта ‘Banking’) // IV Международная научная конференция «Язык, культура, общество» : тез. докл. М., 2007. С. 118.

Ковтунова И. И. Очерки по языку русских поэтов. М., 2003.

Колесов В. В. Слово и дело: из истории русских слов. СПб., 2004.

Колесов И. Ю. К вопросу о сопоставительном изучении концепта // Филология и культура : матер. IV Междунар. науч. конф. 16—18 апреля 2003 г. Тамбов, 2003. С. 350—351.

Колианский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.

Коннова М. Н. Аксиология повседневности сквозь призму языка // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 2. С. 99—106.

Концептуальный анализ языка: современные направления следования: сб. науч. тр. М. ; Калуга, 2007. С. 19—26.

Корюкина Е. С. Риторические возможности лексических антонимов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6, ч. 2, т. 1. С. 309—313.

Котцова Е. Е. Гипонимические связи глаголов и существительных в лексической системе русского языка // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6, ч. 2, т. 1. С. 324—327.

Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой [и др.]. М., 1997.

Кривцова М. С. Возможности использования теории фреймов в процессе перевода // Материалы XI Международной научной конференции «Ломоносов». Вып. 12. М., 2004. С. 48—47.

Кубрякова Е. С. Предисловие // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. науч. тр. / РАН. Ин-т языкознания. М. ; Калуга, 2007. С. 7—18.

Кубрякова Е. С. Сознание человека и его связь с языком и языковой картиной мира // Филология и культура : матер. IV Междунар. науч. конф. 16—18 апреля 2003 г. Тамбов, 2003. С. 32—34.

Кубрякова Е. С. Язык и знание. М., 2004.

Курганова Н. И. Этнокультурная специфика языкового сознания русских и французов в свете межкультурной коммуникации // Язык и межкультурная коммуникация : матер. IV межвуз. науч.-практ. конф. СПб., 2007. С. 73—75.

Лесков Н. С. Избранное. Соборяне. М., 1976.

Липилина Л. А. Когнитивные аспекты семантики метафорических инноваций (на материале существительных, появившихся в современном английском языке за последние 30 лет) : дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 1998.

Липилина Л. А. Метафоры в религиозном дискурсе // Пелевинские чтения — 2003 : межвуз. сб. науч. тр. Калининград, 2004. С. 119—126.

Лоханов В. С. О важности перевода поэзии в контексте диалога культур // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6, ч. 2, т. 1. С. 375—377.

Майданов Андрей, иерей. Священник Павел Флоренский // Духовно-нравственный потенциал России: прошлое, настоящее, будущее : сб. матер. междунар. конф. Армавир, 2007. С. 28—31.

Манерко Л. А. Современные тенденции развития отечественной когнитивной лингвистики // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания : сб. науч. тр. М. ; Рязань, 2007. С. 30—38.

Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск, 2004.

Медведева А. В. Национальный менталитет и языковая личность // Филология и культура. Тамбов, 2003. С. 95—97.

Миронова Т. Л. Церковно-славянский язык на пути православного богопознания : доклад на XI Международных образовательных чтениях. М., 2003. URL: <http://www.slavdict.narod.ru/art05.htm> (дата обращения: 05.03.2009).

Молчанова Н. Н. Культурологическая иконичность паремии как микротекста // Пелевинские чтения — 2005. Калининград, 2005. С. 23—37.

Ненарокова М. Р. Досточтимый Беда — ритор, агиограф, проповедник. М., 2003.

Никитин М. В. Курс лингвистической семантики : учеб. пособ. СПб., 2007.

Никитин М. В. Курс лингвистической семантики : учеб. пособ. / Научный центр проблем диалога. СПб., 1996.

Никитин М. В. Метафора: уподобление vs интеграция концептов // С любовью к языку : сб. науч. тр. Посвящается Е. С. Кубряковой. М. ; Воронеж, 2002. С. 255—270.

Нуждина О. Ю. «Душа» и "soul" в русской и английской языковой картине мира // Материалы конференции «Язык, культура, общество». М., 2007. С. 210.

Ожегов С. Ю., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995.

Ольшанский И. Г. Концептуальные признаки и когнитивные синонимы как фрагменты картины мира // Филология и культура. Тамбов, 2003. С. 34—36.

Опарина Е. О. Концептуальная метафора и ее функции в языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.

Опарина Е. О. Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия // Язык и культура : сб. обзоров ИНИОН. М., 1999. С. 27—48.

Пастернак Б. Избранное : в 2 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы. СПб., 1998.

Песина С. А. Комплексный подход к изучению языковой картины мира // Филология и культура. Тамбов, 2003. С. 42—43.

Петрухина Е. В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований) : учеб. пособ. М., 2009.

Пименова М. В. О методе исследования концептов внутреннего мира человека // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. науч. тр. / РАН. Ин-т языкознания. М. ; Калуга, 2007. С. 237—246.

Плотникова А. М. Когнитивные аспекты изучения семантики (на материале русских глаголов). Екатеринбург, 2005.

Рабенко Т. Г. Антропологические основы классической православной проповеди (на материале проповедей св. Иоанна Златоуста) // Язык и межкультурная коммуникация. СПб., 2007. С. 283—286.

Рунова Н. В. Когнитивные основы образования новых метонимических значений существительных : дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2007.

Рыбаков С. В. Культурно-исторические параметры русского православия // Русский вопрос: история и современность : матер. VI Междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2007. С. 111—114.

Свирепо О. А. Метафора как код культуры : дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2001.

Святой праведный воин Феодор (Ф. Ф. Ушаков). Общество любителей православной литературы. Киев, 2001.

Силантьева О. В., Шиткин Максим, священник. Основы православного мировоззрения. М., 2000; 2003.

Ситников А. В. Православное образование и современная наука // Религия и школа в современной России. М., 2003. С. 134—140.

Ситникова В. А. Признаковые слова: от старофранцузского языка к современному французскому языку // Филология и культура. Тамбов, 2003. С. 286—287.

Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб., 1993.

Степанов Ю. С. «Понятие», «концепт», «антиконцепт». Векторные явления в семантике // Концептуальный анализ языка: современные направления следования : сб. науч. тр. М. ; Калуга, 2007. С. 19—26.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.

Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 58—65.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 1986.

Флоровский Г., протоиерей. Пути русского богословия. Париж, 1937; Вильнюс, 1991 (репринтное издание).

Фомина Т. Д. Способы актуализации концептов в речи // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания : сб. науч. тр. М. ; Рязань, 2007. С. 244—248.

- Хайрулина Р. Х.* Картина мира во фразеологии: от мировидения к миропониманию. Уфа, 2001.
- Хомяков А. С.* О старом и новом. М., 1988.
- Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале // Русская речь. 2001. №1. С. 34—41.
- Шмелев А. Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
- Шмелев И. С.* Лето Господне. М., 2007.
- Юдина Н. В.* О формировании некоторых новых констант культуры в современном обществе // Материалы конференции «Язык, культура, общество». М., 2007. С. 241.
- Barcelona A.* Introduction. The Cognitive theory of metaphor and metonymy // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective* / ed. by A. Barcelona. Berlin ; New York, 2000.
- Barcelona A.* On the plausibility of claiming a metonymic motivation for conceptual metaphor // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective* / ed. by A. Barcelona. Berlin ; New York, 2000. P. 31—58.
- Charteris-Black J.* *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. Palgrave Macmillan, 2004.
- CIDE* Cambridge International Dictionary of English. Cambridge, 1998.
- Croft W.* The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies // *Metaphor and metonymy in comparison and contrast* / ed. by R. Dirven, R. Poerings. Berlin ; New York, 2003. P. 161—205.
- Dirven R.* Metonymy and metaphor: different mental strategies of conceptualisation // *Metaphor and metonymy in comparison and contrast* / ed. by R. Dirven, R. Poerings. Berlin ; New York, 2003. P. 75—111.
- Duden* Deutsches Universalwoerterbuch. Mannheim ; Leipzig, 1996.
- Duden: Das Bedeutungswörterbuch.* Der Duden : in 12 Bdn. Bd. 10. Mannheim ; Leipzig, 2002.
- Duden: Das Herkunftswörterbuch.* Der Duden : in 12 Bdn. Bd. 7. Mannheim ; Leipzig, 2001.
- Duden: Zitate und Aussprüche.* Der Duden : in 12 Bdn. Bd. 12. Mannheim ; Leipzig, 2002.
- Fauconnier G.* Methods and organisations // *Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology* / eds. T. Janssen, G. Redeker. Berlin ; New York, 1999. P. 95—127.
- Fauconnier G., Turner M.* Conceptual Integration Networks // *Cognitive Science*. 1998. №22 (2). P. 133—187 (Expanded web version, 10 February 2001. URL: <http://www.wam.umd.edu/~mturn/www/blending.html>).

Fauconnier G., Turner M. The Way We Think. Conceptual Blending and The Mind's Hidden Complexities. New York, 2003.

Feyaerts K. Refining the Inheritance Hypothesis: Interaction between metaphoric and metonymic hierarchies // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective* / ed. by A. Barcelona. Berlin ; New York, 2000. P. 58—78.

Friedrich W. Moderne deutsche Idiomatik. Max Hueber Verlag, 1976.

Geeraerts D. The interaction of metaphor and metonymy in composite expressions // *Metaphor and metonymy in comparison and contrast* / ed. by R. Dirven, R. Poerings. Berlin ; New York, 2003. P. 434—465.

Goatly A. The language of metaphors. London ; New York, 1997.

Goossens L. Metaphtonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // *Metaphor and metonymy in comparison and contrast* / ed. by R. Dirven, R. Poerings. Berlin ; New York, 2003. P. 349—377.

Indurkha B. Metaphor and Cognition. Dordrecht ; Boston ; London, 1992.

Jaekel O. Metaphern in abstrakten Diskurs-Domaenen: eine kognitiv-linguistische Untersuchung anhand der Bereiche Geisttaetigkeit, Wirtschaft und Wissenschaft. Frankfurt am Main ; Berlin ; Bern ; N. Y. ; Paris ; Wien, 1997.

Lakoff G., Turner M. More than Cool Reason. Chicago ; London, 1989.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago ; London, 1980.

Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to Western thought. New York, 1999.

Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // *Metaphor and Thought* / A. Ortony (ed.). Cambridge, 1998. P. 202—251.

Lakoff G. Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind. Chicago, 1987.

Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective / ed. by A. Barcelona. Berlin ; New York, 2000.

Quinn N. The Cultural Basis of Metaphor // *Beeyond Metaphor. The theory of tropes in anthropology* / J. W. Fernandez (ed.). Stanford, 1991. P. 56—93.

Radden G. How metonymic are metaphors? // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective* / ed. by A. Barcelona. Berlin ; New York, 2000. P. 93—108.

Radden G. Time is space // Human Contact through Language and Linguistics / B. Smieja, M. Tasch (eds.). Frankfurt am Main, 1997. P. 147—166.

Rakova M. The Extent of the Literal. Metaphor, Polysemy and Theories of Concepts. Houndmills ; New York, 2003.

Saint Augustine. Confessions. Translated with an introduction and notes by Henry Chadwick. Oxford, 1991.

Sweetser E. Compositionality and blending: semantic composition in a cognitively realistic framework // Cognitive Linguistics. Berlin ; New York, 1999. P. 129—162.

Sweetser E. From etymology to pragmatics. Cambridge ; New York ; Port Chester, 1990.

Taylor J.R. Category extension by metonymy and metaphor // Metaphor and metonymy in comparison and contrast / ed. by R. Dirven, R. Poerings. Berlin ; New York, 2003. P. 323—347.

Traugott E.C. Spatial Expressions of Tense and Temporal Sequencing // Semiotica. 1975. №15: 3. P. 207—230.

Ungerer F., Schmidt H.J. An Introduction to Cognitive Linguistics. London ; New York, 1996.

Warren B. An alternative account of the interpretatin of referential metonymy and metaphor // Metaphor and metonymy in comparison and contrast / ed. by R. Dirven, R. Poerings. Berlin ; New York, 2003. P. 113—130.

Warren B. Sense Developments — A Contrastive Study of the Development of Slang Senses and Novel Standart Senses in English. Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Studies in English. 80. Almqvist and Wiksell International Stockholm, 1992.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики. М., 2005.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.

Баранов А. В., Добровольский Д. О. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. М., 2001.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика : курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2001.

Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998.

Рекомендуемая литература

Казнина Е. Б. Концепт «вера» в диалогическом христианском дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2009.

Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания : сб. науч. тр. М. ; Рязань, 2007. С. 244—248.

Концептуальный анализ языка: современные направления следования : сб. науч. тр. М. ; Калуга : Эйдос, 2007.

Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой [и др.]. М., 1997.

Кронгауз М. А. Семантика. М., 2001.

Крысин А. П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексическая фразеология. Лексикография. М., 2007.

Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. Воронеж, 2001.

Пелевинские чтения — 2003 : межвуз. сб. науч. тр. Калининград, 2004.

Пелевинские чтения — 2005 : межвуз. сб. науч. тр. Калининград, 2005.

Плотникова А. М. Когнитивные аспекты изучения семантики (на материале русских глаголов). Екатеринбург, 2005.

С любовью к языку : сб. науч. тр. Посвящается Е. С. Кубряковой. М. ; Воронеж, 2002.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

Теория метафоры : сб. ст. М. : Прогресс, 1990.

Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective / ed. by A. Barcelona. Berlin ; New York, 2000.

Ungerer F., Schmidt H. J. An Introduction to Cognitive Linguistics. London ; New York, 1996.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
ЧАСТЬ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ	5
Тема I.1. Когнитивная лингвистика как наука	5
I.1.1. Формирование когнитивной лингвистики	5
I.1.2. Современные тенденции развития когнитивной лингвистики	10
Тема I.2. Картина мира	15
I.2.1. Возникновение понятия «картина мира»	15
I.2.2. Картина мира: ее сущность и структура	19
I.2.3. Языковая картина мира.....	26
Тема I.3. Концептуализация мира	33
I.3.1. Понятия «концептуализация», «категоризация». Концепты и категории.....	33
I.3.2. Способы формирования концептов в сознании человека. Структура концепта.....	38
I.3.3. Методика исследования структуры концепта	47
I.3.4. Типы концептов.....	55
I.3.5. Роль языка в процессе концептуализации.....	59
I.3.6. Концепт и языковое значение. Способы представления структур знаний в языке	62
I.3.7. Грамматические концепты	68
I.3.8. Фреймовая семантика	71
Тема I.4. Категоризация мира	78
I.4.1. Понятие категоризации.....	78
I.4.2. Классификация прототипов.....	82
I.4.3. Виды языкового знания и его категоризация	85

Тема I.5. Теории концептуальной метафоры и концептуальной интеграции	89
I.5.1. Теория концептуальной метафоры	89
I.5.2. Соотношение концептуального и языкового уровней в метафоре. Системность концептуальной метафоры	92
I.5.3. Роль культурного компонента в метафоре	97
I.5.4. Типология концептуальных метафор	100
I.5.5. Когнитивные функции метафоры	105
I.5.6. Теория концептуальной интеграции	107
Тема I.6. Теория концептуальной метонимии	113
I.6.1. Проблема соотношения концептуальных метафоры и метонимии.....	113
I.6.2. Роль концептуальной метонимии в процессе осмысления действительности (на примере темпоральных процессов)	119
ЧАСТЬ II. КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ СЕМАНТИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ	123
Тема II.1. Значение языковой единицы	124
II.1.1. Значение. Основные понятия. Структура лексического значения.....	124
II.1.2. Своеобразие семантических систем языков. Соотношение прагматического и когнитивного компонентов значения	131
II.1.3. Структура лексического значения.....	136
II.1.4. Типология сем	142
II.1.5. Семантическая деривация: содержательные связи значений.....	149
II.1.6. Синестезическая симуляция. Первичная и вторичная номинация	158
II.1.7. Семантические факторы экспрессивности художественного слова	164

Тема II.2. Семантическая структура словаря	172
II.2.1. Макроструктуры: гипер-гипонимические и пар- титивные связи слов	172
II.2.2. Микроструктуры словаря: эквонимы и сино- нимы.....	184
II.2.3. Лексическая оппозитивность: антонимы и кон- версивы.....	191
ЧАСТЬ III. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И МЕЖ- КУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: МАТЕРИАЛЫ И ЗА- ДАНИЯ	202
Тема III.1. Концепт «родина»	203
Тема III.2. Категория «служение»	214
Тема III.3. Концепт «милосердие»	227
Тема III.4. Концепт «семья»	234
Тема III.5. Категория «вера»	244
Тема III.6. Концепт «праздник»	272
Тема III.7. Концепт «святость»	280
Тема III.8. Категория «творчество»	292
Список использованной литературы	301
Рекомендуемая литература	309

Учебное издание

Коннова Мария Николаевна

ВВЕДЕНИЕ В КОГНИТИВНУЮ ЛИНГВИСТИКУ

Учебное пособие

Редакторы *Н. Н. Мартынюк, Л. Г. Ванцева*
Корректоры *Н. Н. Генина, Л. Г. Владимирова*
Оригинал-макет подготовлен *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 20.02.2012 г.

Бумага для множительных аппаратов. Формат 60×90^{1/16}
Гарнитура «Таймс». Ризограф. Усл. печ. л. 19,6. Уч.-изд. л. 14,5
Тираж 100 экз. Заказ 51

Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14